

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 2 (4)

Academic Journal

Series:
Philosophy. Social Studies. Art Studies

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2 (4)

Научный журнал

Серия
«Философия. Социология. Искусствоведение»

Москва
2016

УДК 101(05)+316(05)+7.01(05)
ББК 87я5+60.5я5+85я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьин, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шакленина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Редакционная коллегия серии

Ж.Т. Тощенко, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Л.Н. Вдовиченко, зам. гл. ред., д-р социол. н., проф. (РГГУ), В.А. Колотаев, зам. гл. ред., д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.И. Резниченко, зам. гл. ред., д-р филос. н. (РГГУ), О.В. Китайцева, отв. секретарь, канд. социол. н. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), Н.М. Великая, д-р полит. н., проф. (РГГУ), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), В.Д. Губин, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), Е.Н. Ивахненко, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), С.А. Коначёва, д-р филос. н., доц. (РГГУ), Л.Ю. Лиманская, д-р искусствovedения, проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), А.В. Марков, д-р филол. н., доц. (РГГУ), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония)

Ответственные за выпуск: И.О. Шевченко, канд. ист. н. (РГГУ), Е.А. Колосова, канд. социол. н. (РГГУ), А.В. Кученкова, канд. социол. н. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Социология жизни

<i>Ж.Т. Тощенко</i> Смысл как качественная характеристика жизненного мира	9
<i>Н.В. Романовский</i> Современные социологические теории: проблемы классификации	19
<i>Р.И. Анисимов</i> Безземельные сельские жители – новый феномен русской деревни	28
<i>Т.Г. Евдокимова</i> Трудовые установки и уровень жизни сельской молодежи	36
<i>И.В. Воробьева</i> Политическая активность в структуре политического сознания россиян	45
<i>О.В. Китайцева</i> Интерес к овладению финансовой грамотностью в жизненных практиках россиян	54
<i>Е.А. Ирсетская</i> Практики взаимодействия пенсионеров с ближним окружением	63
<i>М.М. Галкина</i> Гражданская активность современной гуманитарной интеллигенции	71

Социология семьи и детства

<i>С.Н. Майорова-Щеглова</i> Совместные покупки как новая экономическая практика родительского сообщества	76
<i>И.О. Шевченко</i> Транснациональное родительство: исследования и проблемы	84

А.Ю. Губанова
Электронный контент для детей: риски или новые возможности 92

Е.А. Колосова
Проблемы сохранения и актуализации памяти
о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков 99

Социология образования

М.Б. Буланова
Образование в жизненном мире жителей села 105

Е.В. Великая
Модель «национального исследовательского университета»
(на примере НИУ «Высшая школа экономики») 112

Методология и методы социологических исследований

А.В. Кученкова
Социальное самочувствие и субъективное благополучие:
соотношение понятий и способов измерения 118

А.А. Неофитова
Опыт применения ДСМ-метода для изучения феномена доверия 128

В.Д. Лапыгин
Изучение жизненных стратегий в контексте теории
социального действия 133

Социология медицины и спорта

И.В. Бабанов
Отличительные черты спорта как социокультурного комплекса 138

Е.В. Белова
Болевой синдром как социальная проблема: практики выписки
и отпуска сильнодействующих лекарственных средств 145

Abstracts 156

Сведения об авторах 163

CONTENTS

Sociology of life

<i>Zh. Toschenko</i> Sense as quality characteristics of the lifeworld	9
<i>N. Romanovskiy</i> Modern sociological theories: classification problems	19
<i>R. Anisimov</i> Landless villagers – a new phenomenon in the Russian village	28
<i>T. Evdokimova</i> Labor directives and the standard of living of rural youth	36
<i>I. Vorobyova</i> Political activity in the structure of political consciousness of Russians	45
<i>O. Kitaitseva</i> The interest in the mastery of financial literacy in life practices of Russians	54
<i>E. Irsetskaya</i> Practices of interaction of pensioners with an immediate surrounding	63
<i>M. Galkina</i> Civil activity of the modern humanitarian intellectuals	71

Sociology of the family and childhood

<i>S. Maiorova-Scheglova</i> Joint purchases as a new economic practice among parents' community	76
<i>I. Shevchenko</i> Transnational parenting. Research and problems	84

<i>A. Gubanova</i> Electronic content for children. Risks or new opportunities	92

<i>E. Kolosova</i> Problems of the preservation and actualization of the memory of the Great Patriotic War among modern children and adolescents	99

Sociology of education

<i>M. Bulanova</i> Education in the life world of villagers	105

<i>E. Velikaya</i> The model of “national research university” (by an example of NRU “Higher school of economics”)	112

Methodology and methods of sociological researches

<i>A. Kuchenkova</i> Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and measurement models	118

<i>A. Neofitova</i> The application of JSM-method for trust studies	128

<i>V. Lapygin</i> Studying life strategies in the context of social action theory	133

Sociology of the medicine and sport

<i>I. Babanov</i> The characteristics of sport as a socio-cultural complex	138

<i>E. Belova</i> Pain syndrome as a social problem. The practice of the prescription and sale of drastic	145

Abstracts	156

General data about the authors	165

Смысл как качественная характеристика жизненного мира

Статья посвящена новому для социологической теории понятию – смыслу, который рассматривается как качественная определенность жизненного мира, состоящего из общественного сознания, поведения и окружающей социальной среды. Рассматривается генезис идей понятия «смысл», его разработка философами, что стало базой для его социологического конструирования. Определяются основные показатели (индикаторы) смысла жизни и их проявления в современном российском обществе.

Ключевые слова: социология жизни, жизненный мир, смысл жизни, общественное сознание, поведение, социальная среда.

Введение в концепцию «социология жизни», в описание и трактовку многообразия жизненного мира, в инструментарий его исследования понятия «смысл» предполагает выявление таких характеристик, которые бы определяли качественную определенность общественного сознания, поведения и социальной среды. Смысл в этом случае обозначает некую итоговую, ключевую сущность происходящих изменений социальной реальности, что предполагает выявление главного в жизни человека на основе интерпретации полученных в процессе исследования показателей и индикаторов.

Прежде чем приступить к социологической объяснительной модели этого понятия, обратим внимание на широкое его распространение и использование как в научной литературе, так и в повседневной жизни. Именно его широкое применение и использование породило различные трактовки, которые имеют разное звучание и понимание. Одно дело, когда говорят о смысле жизни, другое – о смысле политики, третье – о смысле конкретного

действия и т. д. и т. п. Поэтому для начала совершим краткий исторический экскурс.

Эволюция идей. Представление о смысле имеет давнюю философскую традицию. Впервые суждения о нем неявно появляются у Аристотеля как господствующие во всей его метафизике при осмыслении «целесообразности природы и всего мирового процесса»¹. Он считал, что мир является гармоничной целостностью, исходная причина и конечная цель которого определяются единством мирового порядка.

В дальнейшем попытки трактовки смысла шли по двум основным направлениям: во-первых, в логической семантике, в теории смысла, которые на формально-логической основе позволяют (помогают) понять, почему знак, обладающий смыслом, можно использовать в акте обозначения как «этикетку», целесообразно соотносящую обозначаемое с общим порядком вещей. Во-вторых, смысл относится и применяется в трактовке, понимании и объяснении социальной реальности во всем ее многообразии, и в первую очередь с таким коренным и ключевым понятием, как жизнь. Поэтому в дальнейшем мы сосредоточим внимание на том, что относится к смыслу жизни и ее производным.

После древнегреческих мыслителей в трактовку смысла жизни многое внесли пантеисты, а затем и материалисты, утверждая, что смысл жизни в ней самой. Тогда сохранение жизни и рост жизненной активности оказываются высшими ценностями. Уже эти первые интерпретации сводились к тому, что поиск смысла жизни направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия, его сущности и содержания².

В Новое и Новейшее время продолжился поиск ответа на вопрос – в чем же смысл жизни. Смыслу жизни уделял много внимания И. Кант. Согласно его суждению, само существование человека «имеет в себе самом высшую цель, которой, насколько это в его силах, он может подчинить всю природу»³.

При анализе сущности смысла жизни следует напомнить о выводах австрийского психолога В. Франкла (1905–1997), который пришел к выводу, что его определяет совесть – «смысловой орган», «высший судья», что именно она помогает человеку найти смысл, даже противоречащий сложившимся ценностям, когда это требуется для сохранения своего достоинства и своих жизненных принципов. Человек свободен, если в своей жизни и в своих поступках руководствуется тем смыслом и теми ценностями, которые не поддаются давлению ни жизненных обстоятельств, ни окружения. Найти смысл — полдела; необходимо жить в соответствии с уникальным смыслом своей жизни. Человек несет за это ответственность⁴.

Интерес к этому понятию постепенно все возрастал. К его пониманию и трактовке обращалось все больше и больше исследователей, которые пытались найти новые или дополнительные объяснения смыслу. Так, Б. Рассел определял смысл как «сущность любого феномена, которая не совпадает с ним самим и связывает его с более широким контекстом»⁵. Что касается отечественных философов, то впервые обстоятельный анализ смысла жизни дан в труде Е.Н. Трубецкого (1863–1920), который так и назывался – «Смысл жизни». Он трактовался им как «смысл-истина», составляющая содержание индивидуального сознания⁶. Эту точку зрения в определенной степени разделял и Н.А. Бердяев (1874–1948), когда говорил об «осмысленном существовании», об ориентации на определяющие истину ценности (временные, преходящие ценности всегда, по его мнению, исчезают)⁷.

Современные российские исследователи (В.А. Капранов, Д.А. Леонтьев, В.Э. Чудновский) многое сделали для разработки проблем смысла жизни как в плане личного восприятия, ее предназначения, так и поиска смыслов в окружающей среде.

Особо следует отметить, что у разных народов и их культур представления о смысле жизни могут существенно варьироваться и соответственно могут приобретать разное звучание. Так, например, в мусульманско-арабском мире и в его философии его сущность выражена другими словами, которые отражают специфику смысла жизни под влиянием ислама и традиций народов Востока⁸.

Таким образом, в рамках философской интерпретации поиск смысла жизни направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия. Этот поиск оказывается необходимым, когда рушатся все опоры и человек попадает в состояние аномии и, особенно, фрустрации. Жизнь без смысла означает, что человек лишен глубокой внутренней мотивации, внутреннего стержня и мощного «мотора», которые позволили бы ему взять собственную судьбу в свои руки и ощутить себя участником реальных социальных процессов, происходящих в обществе. Именно при таком подходе мы приближаемся к социологической интерпретации смысла.

Социологическая трактовка смысла. Что касается социологии, то понимание смысла подготовил век Просвещения, когда его выдающиеся представители – К.А. Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах – сосредоточили внимание на обосновании роли и значения здравого смысла, хотя они по-разному трактовали его суть (Гельвеций – как ориентацию на материальный интерес, Руссо – чувства, а Гольбах – как соединение в мышлении людей научных (нередко стихийных, неосознаваемых) представлений и обыденных забот и ориентаций). Но все они, несомненно, сходились

в одном: здравый смысл – это способность самостоятельно решать вопросы повседневной жизни, стремление к ее нормальному протеканию и рациональной организации⁹.

К проблемам смысла жизни в той или иной мере обращались многие социологи. Но более отчетливое и последовательное его изложение и понимание пришло только в XX веке. О смысле жизненного мира писал Гуссерль¹⁰. Для М. Вебера протестантизм был ключевым смыслом для трактовки и понимания социальной реальности. Понятию «смысл» уделил большое внимание и А. Шюц (1899–1959): по его мнению, жизненный мир «является воплощением *жизнепрактических смыслов* (курсив мой. – Ж. Т.), обладающих непосредственной очевидностью, и сочетанием различных форм взаимосогласованного человеческого опыта»¹¹.

Социологической интерпретации смысла уделил внимание Дж. Александер¹².

Однако в социологической литературе, как отечественной, так и зарубежной, это понятие используется вскользь, попутно, обычно при анализе и/или характеристике отдельных процессов и явлений. В значительной степени это связано с тем, что это понятие, используемое философской мыслью, достаточно сложно для эмпирической интерпретации. Поэтому социологи попадают в затруднительное положение, когда оперируют используемыми и проверенными практикой показателями, но, исходя из разных трактовок предмета социологии, встречаются с серьезными затруднениями по выяснению истинных глубинных причин происходящих изменений. Недостаточно отчетливо это выражено и тогда, когда при изучении жизненного мира социологи оперируют данными об общественном сознании, поведении (деятельности) людей и окружающем микро-, мезо- и макромире: используемые показатели и индикаторы далеко не всегда дают ответ на вопрос – а что же главное в жизни, что определяет ее качество, что в конечном счете выявляет «человека в обществе, общество в человеке»?¹³

На наш взгляд, такую качественную определенность дает следующий этап в трактовке предмета социологии, когда мы прибегаем к использованию понятия «смысл». Именно смысл венчает наши рассуждения о социальной реальности, о месте и предназначении человека в окружающем его социальном мире, о его роли и месте в обществе. Ведь социологические исследования показывают, что одни и те же действия могут быть пронизаны различным смыслом. Так, одна притча рассказывает о путешественнике, встретившем рабочего с доверху нагруженной тяжелой кирпичами тачкой. «Что ты делаешь?» – спросил его путешественник. «А ты разве не видишь? Везу кирпичи», – ответил тот. Пройдя

какое-то расстояние, путешественник увидел другого рабочего, который катил такую же тачку, и повторил свой вопрос. В ответ он услышал: «Зарабатываю себе на хлеб». Через некоторое время путешественник повстречал еще одного рабочего с тачкой и снова поинтересовался, что тот делает. «Строю кафедральный собор», – был ответ. Как видно из этой притчи, одни и те же действия могут иметь совершенно разный смысл – все зависит от того, какое значение человек придает им, от того, почему и ради чего их совершает.

Так какие же показатели и индикаторы можно (и должно) положить в определение смысла жизни? Философское определение истины, ценности, употребление социально-психологического понятия «установка» не дает возможности экспериментально, наглядно ответить на вопрос – из чего состоит смысл жизни? Первые же попытки социологов найти ответ на вопрос – а что такое смысл жизни – постепенно концентрировались на его интерпретации как таких целей в жизни человека, которые имели наибольшую ценность для достижения и воплощения его основных жизненных планов.

Поэтому, на наш взгляд, *исходной характеристикой смысла жизни является цель-принцип*, которым руководствуется человек, что позволяет ему придерживаться устойчивых, жизненно важных ориентиров, в известной мере конечной, венчающей жизнь высокую цель, не зависящую от ситуативных процессов в жизни общества и человека. Это *мера, своеобразное мерило*, по которому человек сопоставляет свои цели с нормами и требованиями окружающего его общества.

К этому примыкает *осознание человеком своего предназначения и/или предназначения окружающих его социальных институтов* (государства, семьи, образования, религии и др.), его внутреннее приятие и понимание сущностного содержания своих действий и акций окружающих его социальных институтов. Это *процесс созидания и своеобразный компас*, которым руководствуется человек в своей общественной и личной жизни.

Очень важная характеристика смысла – *его превращение в жизненную необходимость*, без реализации которой человек не представляет свое дальнейшее развитие и функционирование. Необходимость оправдывает достижение желаемых целей, к которым на основе глубокой внутренней мотивации стремится человек.

Смысл включает в себя не только осознание цели-принципа, учитывающего ценностные ориентации и установки, но и *активное участие в ее реализации*. Подчеркиваем, не готовность к реализации, а сам процесс превращения цели-принципа в созидательную деятельность. И что особенно важно – смысл не может

существовать вне согласования с действиями других участников, постоянно сопоставляться со смыслами других людей и в соответствии с этим принимать решение (открыто или латентно) – следовать принятой цели, вносить коррективы или отказаться от нее. Об этом говорил Гуссерль, когда утверждал, что понимание социальной реальности и соответственно жизненного мира зависит от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия.

Если дать определение понятия «*смысл жизни*», *то под ним следует понимать цели-принципы, которые базируются на наиболее существенных, наиболее важных ценностных ориентациях, олицетворяющих стержень сознания и поведения людей по достижению установок, определяющих основополагающее содержание их жизни.* В известной мере – это основная, конечная цель, которая может выступать как обобщенная ценность, так и в качестве ведущей в основных видах деятельности людей. Такой подход не исключает иерархию смыслов, которую можно представить в виде пирамиды, образующей несколько уровней, и которые могут быть производными от основного смысла, хотя в ряде случаев по тем или иным причинам отклоняться от него.

В то же время смысл не сводится только к одной, хотя и ключевой, основополагающей цели-принципу – он в процессе рационального познания окружающей действительности может быть достигнут через более конкретные цели, обычно отражающие ориентации и установки определенных видов деятельности, действий, поступков.

В целом многообразие смыслов – общественных, групповых, личных и т. д. – образует пирамиду, отражающую следующую логику.

Основу этой пирамиды, во-первых, образует *основной смысл жизни, то, что определяет его сущность, главные ориентации, а также средства их достижения.*

Во-вторых, он воплощается в значимых и определяющих, хотя и производных жизненных смыслах, отражающих главные институциональные позиции человека как гражданина (уровень общества), как жителя (уровень территориальной общности) и как индивида (уровень социального микроокружения). На этом уровне значимы *смыслы мировоззренческого (идеологического) характера,* которые во многом определяют основные установки при осуществлении деятельности социальных групп как в рамках всего общества, так и на других уровнях его социальной организации. Эти смыслы реализуются в целях-принципах, которыми люди руководствуются и которые они хотели бы осуществить в своих взаимоотношениях с обществом и государством.

В-третьих, огромную роль приобретают смыслы, определяющие жизненные цели, имеющие наибольшую ценность и характеризующие главные функции деятельности в основных сферах современного общества – как экономического, социального, политического и духовно-культурного человека.

Поэтому, на наш взгляд, чтобы всесторонне и полно охарактеризовать сущность жизненного мира как предмета социологии жизни, необходимо анализ общественного сознания, поведения и среды завершить выявлением его основного смысла, а также образующих его таких характеристик, которые определяют главные социально-экономические, социально-политические и социально-культурные позиции людей в их взаимоотношении с внешним миром и своим осознаваемым внутренним предназначением.

Сосредоточим внимание на анализе основного(ых) смысла жизни, используя данные социологических исследований, проведенных как автором, так и коллегами за последние четверть века.

Главные смыслы современного жизненного мира россиян. Характеристику основных смыслов жизни современного россиянина начнем с анализа тех целей-ценностей, которые связаны с принципиальной установкой, определяющей его сознание и деятельность и сопоставимой с его социальным опытом. Основы смысла обуславливают его главные взаимоотношения с внешним миром и с пониманием своего личностного предназначения.

Таковыми главными смыслами, определяющими жизненный мир россиян, всю совокупность основных видов их деятельности, являются, на наш взгляд, стремление *к социальной справедливости, социальной защищенности и устойчивости, желанию понять, какое общество строится в России.*

Что касается *социальной справедливости*, то она понимается людьми по-разному, в зависимости от многих условий и факторов. Иначе говоря, в сознании людей существует много представлений – и самых разных – о справедливости. Общим является то, как человек воспринимает и оценивает отношение к нему со стороны государства и общества, *какое мироощущение* формируется у него при взаимодействии с той организацией, в которой он работает, учится или с которой периодически контактирует, а также тем, с кем он непосредственно общается в повседневной жизни.

На наш взгляд, таким индикатором справедливости является мнение о том, какое будущее люди желают России в первую очередь. В исследовании «Жизненный мир россиян» (2014 г.) 63,2% россиян связывают это будущее с соблюдением государством справедливости, равных прав для всех. Это желание превышает все

другие ориентации, даже такие важные, как «обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций» (55%) и «возвращение России статуса великой державы» (47,2%)¹⁴. Нужно отметить, что представления о справедливости как первостепенной задаче государства фиксируют и другие исследователи (Институт социологии РАН, ИСПИ РАН, Левада-Центр, ВЦИОМ). На наш взгляд, это всеохватывающая нацеленность людей, которая стала ведущей в структуре их ориентаций, могла бы стать той национальной идеей, частью государственной идеологии, которая понятна, желаемая и убедительна для большинства, и полностью бы совпадала как в официальном, так и в сугубо личном плане. В этой связи интересны данные «Левада-Центра» о социальном настроении, которое колебалось в незначительном объеме за все годы наблюдений с начала 1990-х гг., несмотря на кризисные и другие перипетии в жизни государства¹⁵.

Не менее показательна такая характеристика смысла жизни, как *социальная защищенность*, которая выражена во многих значениях – как личная безопасность, как гарантия благополучия. И здесь дела обстоят не так благополучно, как этого бы хотелось: отсутствие личной безопасности тревожит, по данным ЖМ-14, 90,2% людей. А это значит, что человек измеряет ее гарантии там, где он живет и работает, а не в каком-то глобальном масштабе. Поэтому, хотя основной центр обеспечения этой безопасности лежит на уровне регионального и муниципального управления, его гарантии все же призваны дать государственно-правовые органы, обеспечив право гражданина на существование без опасения за свою жизнь и обеспеченную устойчивость трудовой и повседневной жизни.

Наконец, в основе определяющих ориентаций в жизненном мире россиян прямо или косвенно фигурирует желание обрести социальную устойчивость, что, на наш взгляд, связано с желанием понять – а какое же государство строится в России? Заявленная норма в Конституции РФ – что это социальное государство, мало кого убеждает, так как оно определяется очень расплывчато и малопонятно для большинства людей. Или оно трактуется произвольно. В этой связи стоит обратить внимание на то, что в исследовании ЖМ-2014 выявлено устойчивое стремление 55% россиян жить в стабильном обществе.

Это желание целесообразно сравнить с тем, как опрошенные оценивают ситуацию в России в настоящее время, т. е. реальное, а не проектируемое ее положение. Исследование показало, что существуют две противостоящие друг другу позиции, образуя антиномичную характеристику: 39,8% оценивали эту ситуацию как обычную и 6,6% как благоприятную при 36,6% – как кризисную плюс 5,3% –

как катастрофическую. Раскол общественного сознания налицо, когда в нем присутствуют взаимоисключающие смыслы. И каждая группа носителей этих смыслов имеет убедительные аргументы, чтобы доказать свою правоту и верность своей оценки.

Так как очень часто в выступлениях политиков и некоторых политологов звучат слова о России как демократическом государстве, то важно эти слова соотнести с суждениями населения России. А реальность такова, что почти одна треть (29,3%) не удовлетворена и 55,7% – частично удовлетворены состоянием демократии в России. Это значительно меньше того, что было в общественном сознании в начале 1990-х гг., когда демократичность развития признавалась большинством, за нее ратовало большинство населения, была лозунгом и ориентиром для тех, кто жаждал позитивных изменений и отвергал советское ее понимание. Но как показывают данные, достижение этого смысла оказалось далеко не таким, как ожидалось.

Анализ главных смыслов жизненного мира россиян показывает, что за последние четверть века произошли кардинальные изменения в политической и экономической сфере общества, а соответственно в социальной и духовной. Это истина общеизвестная, не требующая доказательств. Совсем другое дело – в каком направлении произошли эти изменения, как они сказались на жизни людей и насколько они кардинально повлияли на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику смысла жизни.

* * *

Таким образом, жизненный мир и его смыслы являются, во-первых, теоретически новаторскими и эвристически ценными понятиями, позволяющими более обстоятельно и глубоко ответить на злободневные проблемы развития общества с позиций концепции социологии жизни; во-вторых, новыми и значимыми эмпирически измеряемыми показателями и индикаторами, обеспечивающими более полное отражение сущности и содержания жизни общества и представляющих его людей; в-третьих, максимально удобными для использования в управленческой практике на всех уровнях социальной организации общества, во всех без исключения организациях как экономического и политического, так и социального и духовно-культурного профиля.

-
- ¹ *Асмус В.Ф.* Метафизика Аристотеля // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 32.
 - ² *Шрейдер Ю.* Смысл // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 576–577.
 - ³ *Кант И.* Лекции по этике. М.: Республика, 2000.
 - ⁴ *Франкл В.Е.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
 - ⁵ *Рассел Б.* Исследования значения и истины. М., 1999.
 - ⁶ *Трубецкой Е.Н.* Избранное. М., 1995.
 - ⁷ *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. М., 1916; *Он же.* Смысл истории. М., 1923.
 - ⁸ *Смирнов А.В.* Смысл в арабо-мусульманской философии // Новая философская энциклопедия. Т. 3. С. 577–578.
 - ⁹ Подробнее см.: *Длугач Т.Б.* Здравый смысл как философская идея французских просветителей // Философские науки. 2015. № 9. С. 127–140.
 - ¹⁰ *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
 - ¹¹ Цит. по: *Смирнова Н.М.* Социальная философия в изучении современного общества. М., 2009.
 - ¹² *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Практис, 2013.
 - ¹³ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
 - ¹⁴ Подробнее см.: *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.)* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016.
 - ¹⁵ См.: *Общественное мнение-2014: Ежегодник.* М.: Левада-Центр, 2014. С. 13

Современные социологические теории: проблемы классификации

Статья посвящена классификации современных социологических теорий (ССТ), относящихся к теориям общесоциологическим. Показана динамика эволюции состава таких теорий, их группы, соотношение с классическими теориями в социологии. Кратко охарактеризованы 14 групп ССТ, приведены данные о вероятной их эволюции в ближайшей перспективе. Приведены данные о возможных способах развития теоретической составляющей.

Ключевые слова: социология, теория, современные социологические теории, эволюция, ученые, университеты.

Центральная роль теоретической составляющей современной социологии акцентирует постановку вопроса о реальном содержании понятия «Современные социологические теории». Для России эта проблематика особо важна. Если сравнивать с интенсивностью усилий наших коллег в этой сфере и в отраслевых областях, в эмпирических исследованиях – предпочтение следует отдать последним. Это едва ли нормальное положение в противоречивых условиях, в которых работает отечественная и мировая социология.

Теоретическая составляющая социологии требует внимания и специального анализа из-за сложившейся вокруг нее общественной ситуации. Социология в современном мире живет в ситуации соперничества за ресурсы, кризисов общества и университетов. Вокруг предлагаемых социологами специализаций сильна междисциплинарная конкуренция (в том числе за студентов, читай – за финансирование), соперники выдвигают претензии на ведущую роль и оплачиваемой интерпретации «социального»; достижения социологии перехватываются конкурентами – экономика, психология, социальная философия и др.¹ Происходящие в самой социологии процессы неоднозначны. Разных степеней развитости достигли составляющие социологической науки; назревает обновление ряда

разделов социологического знания (теория, методология, методика, эмпирические техники, специальные социологические дисциплины, презентация социологии обществу). Теоретическое знание социологической науки мультипарадигмально. Дробление ее дисциплинарного поля на специальные субдисциплины способствует «растаскиванию», чем грешат «соседи». Некоторые частные социологические дисциплины (электоральная социология, опросы общественного мнения, маркетинг), не уделяя внимания теоретической составляющей, уходят из науки. Теория, возможно – только теория, способна исполнить роль несущего стержня, повысить устойчивость нашей науки.

Институционально развитие ССТ в России имеет под собой базу: соответствующие отделы в институтах социологии, в университетах, издания, пусть не специальные (специальные журналы по социологической теории выходят в США и Германии), но регулярно печатающие материалы по теоретической социологии; студентам от бакалавров до аспирантов читаются соответствующие курсы, выходит учебная литература, монографические труды. По представленным в Интернете данным можно заключить, что социологически развитым странам Россия уступает в одном – у нас нет центров исследований передового уровня ССТ, как в США и ряде стран Западной Европы.

Терминологически «Современные социологические теории» означает общесоциологические теории. Теоретические основы специальных социологических дисциплин – дело тех, кто работает в этих областях. ССТ следует отличать от «Социологической теории», которая, в понимании автора, охватывает все теоретическое знание социологической науки (пример – теория ошибок при применении конкретных методов исследования). «Теоретическая социология» наряду с ССТ объемлет теоретическую составляющую методологии и методики. Иными словами, если комплекс социологической теории представлять в виде многоуровневого конструкта, предметом анализа станут верхние уровни теоретического знания социологии (или ее фундамент). «Теоретизирование» (theorizing) – общее обозначение работ в области теории.

База данных. Методология и методика анализа. Проблематика ССТ это спецификация (выявление, уточнение) конкретных ССТ в форме списка или перечня – наподобие оглавления воображаемого учебника по ССТ. Базу данных написания статьи образуют прежде всего публикации последних лет по ССТ. За исходную точку во времени и содержании взята статья П. Сорокина «Социология вчера, сегодня и завтра»², где перечисляются имевшие хождение тогда социологические теории. Затем (интервал примерно

20 лет) был взят набор СТ известного труда Дж. Ритцера³. С еще одним десятилетним интервалом учтены ССТ, анализировавшиеся И.Ф. Девятко⁴. Самые близкие во времени теории извлечены из монографий (на русском, английском, немецком, французском, испанском языках), университетских учебников по теоретической социологии (известный пример здесь книга Дж. Александра⁵), вышедших преимущественно в новом столетии⁶, и др. Теоретические построения отечественных социологов дополнены по их суммарному изложению Л.М. Семашко⁷. Анализировались авторские курсы, читаемые в университетах мира (они представлены в сети Интернет). Проанализированы труды по истории социологии, акцент в которых часто делается на теоретической составляющей развития нашей науки. Изучена специальная социолого-теоретическая и общесоциологическая периодика. Определенную роль сыграло «включенное наблюдение» автора за полем теоретической социологии: чтение курса «Современные социологические теории» студентам и аспирантам РГГУ.

В проанализированной литературе выявлено ядро ССТ в 12–18 «единиц». Содержание этого ядра медленно меняется; авторы варьируют изложение этих конструктов. Единицы этого ядра окружены теоретическими конструкциями, в сумме достигающими – оценочно – цифры 100. В изученных текстах налицо влияние национальной специфики – внимание к созданным учеными конкретных стран теориям⁸; заметна мода на вновь появляющиеся теории.

Материалы по ССТ демонстрируют комплекс терминов; это – поле используемых социологами теоретических положений. Варианты группировки (классификации) релевантных теоретических конструктов зафиксированы. На их основе автор сделал свою группировку, максимально охватив весь комплекс ССТ – несколько десятков единиц. Теоретические основы специальных социологических дисциплин только учитывались.

Определим авторское понимание каждого слова в формуле «современные социологические теории». К *современным* отнесены те из циркулирующих в социологической литературе построений, что: а) реально применяются в практике современных поколений ученых-социологов, и в этом смысле этот набор коренным образом отличен, например, от современных социологических теорий времен П.А. Сорокина (см. его упомянутую статью); б) содержанием своим выражают тип социологического теоретизирования, исходной точкой появления которого представляется структурно-функциональная теория Парсонса (1950-е гг.), служившая и служащая – мутатис мутандис – образцом. Это теории *социологические* – в первую очередь в отличие от теорий социальных –

глобализация, модернизация или постмодернизм. Что касается *теорий*, ниже представлены конструкты разного статуса, обозначаемые разными терминами, не только словом *теория*; само слово *теория* в социологии имеет несколько значений⁹. Терминология, лексические обозначения единиц, вошедших в собранный комплекс, отражены ниже: специально содержание каждого из них не обсуждается. Не все они заслужили право называться теориями; используемая в современной теоретической социологии терминология связана с градацией, уровнем теоретических положений. Вот некоторые из подобных терминов: *модель* (чаще в специальных дисциплинах), *традиция*¹⁰, *концепция*, *направление*, *социология*, *подход*, *перспектива*, *парадигма*, *программа*, наконец – собственно *теория*, и т. д.¹¹ Для стоявшей перед автором задачи уместной представлялась конвенциональность: если в тексте по теоретической социологии употреблен релевантный термин, это достаточное основание рассмотреть его как положение теоретическое.

Проблема привязки ССТ к странам (и лицам) требует комментария. В литературе теоретическое знание часто представлено в историко-персоналистской форме – история и теория излагаются через призму трудов и жизни крупных социологов. Ниже теории даны «без имен¹² и дат»; в паре «теория и история» отделена теория от истории.

Классические теории «выведены за скобки», поскольку перед автором стояла задача спецификации *теорий современных*. Но они имплицитно представлены в тексте, будучи интегральной частью ССТ. Актуальность классики сомнений не вызывает: это действительно современный, действующий ресурс дополнения, обогащения ССТ. Примерами служат использование Дж. Александером забытых идей Дюркгейма при создании культуросоциологии, дополнение теории социального действия М. Вебера положением о креативном действии (Х. Йоас) и др.

Итак, к числу *современных социологических теорий* мы можем отнести следующие.

1. Теории, истоки которых – анализ социального *действия*: теория социального действия, теория структурного функционализма, неофункционализм, теория креативного действия, диспозиционная теория социальной регуляции поведения, парадигма активности, теория практик.
2. Теории, выстраиваемые вокруг идеи анализа социального *взаимодействия* (интеракции): конфликтная парадигма, теория социального обмена, теория рационального выбора, диалогическая социология, коммуникационные теории.

3. Теории, основанные на идее *структуры*: структурализм, конструктивизм, теория структуриации, (де-) конструктивизм, теория морфогенеза, фигурационная социология (теория фигураций), теория социальных институтов, теория институциональных матриц, теория поля.
4. Теории, основанные на идее *системы*: общая теория систем в социальных науках, системная теория, мир-системная теория.
5. Теории, основанные на метафоре *сети*: анализ социальных сетей, реляционная социология, теория актор–сеть, теория цепочек интерактивных ритуалов, сетевой подход.
6. Социологические теории, сложившиеся на наследии *марксизма*: пост(нео-)марксистские социологические теории, критические социологические теории (в США – радикальные), публичная социология, фрейдомарксизм.
7. Теории, выстроенные на идеях феноменологической философии: *феноменологическая* социологическая теория, символический интеракционизм, теория фреймов, этнометодология, социология жизни, анализ разговоров, драматургическая перспектива, парадигма повседневности, концепция габитуса, фольк-социология, концепция обыденной рациональности и действия.
8. Теории, основанные на идее *эволюционизма*: неодарвинизм, неоспенсеризм, социоэкоантропоцентризм, виталистская социология, теория социального становления, процессная социология.
9. Теории, основанные на идеях *экологов*: экологический подход, космопланетарная энерго-информационная социология, эколого-центричный подход.
10. *Культуралистские* теории: культуросоциология, постколониальная социология, южная социологическая теория, буддистская (православная, теологическая) социология, теологические теории в социологии.
11. Нео- и пост*фрейдистские* теории: феминистская социология, теория точки зрения, гендерная теория социальной стратификации, теория социального конструирования гендера.
12. *Постмодернистские* теории.
13. *Сициентистские* теории: физикалистские теории, техницистские теории, синергетический подход, тетрасоциология, многомерная социология, геометрическая социология, математическая социология, компьютерная социология.
14. *Кросс-дисциплинарные* ССТ: смешанные (микс) теории, граунд-теория и методология, когнитивная социология, рефлексивная социология.

Не пытаясь за отсутствием места характеризовать каждую из приведенных выше теорий (их около 80; охват этой спецификацией также составляет около 80% встречавшихся терминов), подчеркну: современная социологическая теория в суммарном, подобающем понятию *тезаурус* виде – это комплекс (многоуровневый конструкт, набор) современных социологических (в отличие, повторюсь, от теорий социальных) теорий. Этот комплекс организован, структурирован по ряду основополагающих качеств: 1) он интегрирован, объединен онтологическими основами; 2) нормой считается единство уровней теоретического знания – от микро до макро. Говорить о макросоциологии допустимо с условием, что подразумевается интеграция микро-, мезо- и макроуровней; 3) комплекс социологических теорий интегрирует фактор времени, движения во времени и пространстве, процессность социальной жизни.

Нетрудно заметить, что эта классификация отразила эволюцию теоретической социологии после Т. Парсонса – прежде всего это касается теорий 1–7. Структурный функционализм – первая современная социологическая теория, применяемая до настоящего времени социологами. Проблемы и пробелы исходных построений Парсонса дали импульсы многим процессам в социологической теории. Так, парсоновской идее социального действия была противопоставлена зиммелевская идея социального взаимодействия (обмена, сети и т. д.). Неприятие Парсонсом идей марксизма породило конфликтную парадигму, позднее интеграцию идей неомарксизма, критической социологии. Парсонс, его современники и последователи теоретизировали идеи общей теории систем, образовавшей самостоятельный раздел ССТ. Реакцией на парсоновскую теорию (и на раздел в философии по линии идеализм–материализм) была феноменологическая социология – источник ряда социологических теорий и т. д.

Что до теорий 8–14, часть из них – перспективные работы социологов, не раскрывшие пока свой потенциал. Частью теории этой группы уходят; частично за ними, возможно, будущее. На классификации ССТ сказывается взаимодействие социологии с рядом наук. Есть в этой классификации следы теорий одного фактора; в статье П.А. Сорокина «Социология вчера, сегодня и завтра» их присутствие гораздо заметнее. Констатирую наличие среди приведенных выше теорий ряда эзотерических конструктов; ими грешит и российская теоретическая мысль. Среди отечественных теоретических конструкций можно найти поисковые работы в рамках признанных теорий, частично совпадающие с достигнутым, частью его дополняющие (пример: потоко-

вые структуры Д. Иванова¹³ близки Коллинзу). Не всегда теории социологические отделены от теорий социальных, выдаваемых за социологические, но не дифференцируемых от них. Встречаются эмпирически не тестируемые идеи. В целом же, с одной стороны, в современной России социологическое теоретизирование есть. С другой – социология Англии, Франции, Германии (особенно учебная литература и университетские курсы) подсказывает, что «плюс» ссылок на достижения ученых-соотечественников вещь естественная.

Важно видеть в приведенной классификации реальную динамику эволюции ССТ в виде «поворотов» в их развитии – частично продолжающихся. К примеру, поворот онтологический в конкретном применении к акторно-сетевой теории предлагает отказаться от «общества», приглашая визуально представить себе объект социологии в виде шара. Земля имеет эту форму; а шарик легко представить себе в виде клубка из сетей: Интернета, проводных, радио-, авиамаршрутов и т. п., выстроенных акторами и интегрирующих акторов, пропитанным желеобразными культурами, влияниями, политиками и т. п. При этом в центре внимания человек, его/ее действия, плюс окружающая среда. Исторический поворот придал нормативность требованию к социологическому теоретизированию мыслить с учетом времени, динамики, синхронии и диахронии. С ним, помимо отсылок к Элиасу, Тилли, Скочпол и др., связано стремление некоторых теоретиков отражать в своих построениях момент движения. В эту группу теорий можно включить теорию фигураций Элиаса. Культурный поворот (Дж. Александер) требует осуществлять охват всего социального мира пространственно, включая вовлечение в социологию культурно «иных» постколониальной периферии, конфуцианского Китая, Индии, исламского мира.

Имели место попытки выхода – их нельзя исключать в дальнейшем – из состояния мультипарадигмальности¹⁴, генерируемые сознанием связи этого состояния с возможным кризисом, со снижением конкурентоспособности и др. Они не дали результатов.

* * *

Теория в науке никогда не имела замкнутого на себе значения; суть ее – облегчать работу социологов, приносить им пользу в объяснении изучаемых явлений, их эвристике и аналитике¹⁵, глубже проникать в реальные «социальные проблемы», проблемы, переживаемые людьми. В работе университетских социологов роль теории отражена в требовании к студенческим (аспирантским) работам формулировать их теоретические основания.

Особняком стоит вопрос умения находить, выстраивать теоретическую новизну в исследовательских (учебно-научных) работах. Здесь интересен опыт исследований в области социологии менеджмента и организаций¹⁶. Из массива журнальных статей, содержащих теоретические положения, выделены пять типов теоретических поисков и находок (теоретизирования): 1) *информирование* о новых теоретических положениях; 2) *тестирование*, проверка выдвигаемых теоретических положений; 3) *уточнение* выдвигаемых социологами положений; 4) *построение, выстраивание* новых конструктов, связей, процессов и т. д. Здесь могут иметь место гипотетико-дедуктивные работы, проверяющие то, что ранее никем не анализировалось и не исследовалось; 5) *расширение* обнаруженных правил, моделей, закономерностей на новые сферы социальной действительности.

Примечания

-
- ¹ *Доган М.* Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 3–13.
- ² *Сорокин П.А.* Социология вчера, сегодня и завтра // Там же. 1999. № 7. С. 115–124.
- ³ *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
- ⁴ *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2004.
- ⁵ *Alexander J.* Twenty Lectures: Sociological Theory Since World War II. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1987.
- ⁶ *Collins R.* Four Sociological Traditions. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1994; *Waters M.* Modern sociological theories. L. e.a.: Sage, 1994; *Johnson D.P.* Contemporary Sociological Theory an Integrated Multi-Level Approach. N.Y.: Springer, 2008; *Levine D.N.* Social Theory as a Vocation: Genres of Theory Work in Sociology. Piscataway, New Jersey: Transaction publishers, 2014; и др.
- ⁷ *Semashko L.M.* Tetrasociology: theory of social harmony and harmonious peace. St. Petersburg: Technical Univ., 2002.
- ⁸ В этом отношении я включил в нижеприведенный перечень ССТ упоминаемые в литературе отечественные «изделия».
- ⁹ *Абед Г.* Значение слова «теория» в социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 23–28.
- ¹⁰ Три, а затем четыре социологические традиции Р. Коллинза.
- ¹¹ Не входит сюда, к примеру, теорема Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям».
- ¹² Исключение сделано для теорий, связанных с именем Маркса.
- ¹³ *Иванов Д.В.* К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.

- ¹⁴ Романовский Н.В. Мультипарадигмальная социология – auf Wiedersehen? // Там же. 2005. № 12. С. 23–32.
- ¹⁵ Штомпка П. Формирование социологического воображения: Значение теории // Там же. № 10. С. 64–72.
- ¹⁶ Colquitt J.A., Zapata-Phelan C.P. Trends in theory building and theory testing: a five-decade study of the Academy of management journal // Academy of Management Journal. 2007. Vol. 50. No. 6. P. 1281–1303.

Безземельные сельские жители – новый феномен российской деревни

В статье рассмотрены последствия либеральных экономических реформ на селе. На основе статистических данных делаются выводы о существенном ухудшении положения сельского хозяйства по сравнению с советским периодом, о раскрестьянивании (утрате традиционного для крестьян образа жизни) и возникновении слоя безземельных сельских жителей, обладающих рядом отличительных свойств от сельчан, имеющих личное подворье.

Ключевые слова: сельский житель, либеральные реформы, раскрестьянивание, образ жизни.

В 90-х гг. XX в. Россия вступила в очередную эпоху перемен. Перемены проходили под флагом неолиберализма и антикоммунизма. Коммунистическую партию Советского Союза обвинили в уничтожении крестьян. Отобрав у крестьян землю, насильно объединив их в колхозы и совхозы, проводя политику раскулачивания, большевики уничтожили крестьянский уклад жизни и мотивацию к труду у сельских жителей. Советского Союза и колхозного строя нет уже четверть века, сельские жители получили возможность вернуть себе землю, заниматься трудом для себя и насыщать рынок продуктами. Если следовать логике либеральных реформаторов, российское сельское хозяйство должно было возродиться за прошедшие 25 лет, так как препятствие в виде колхозно-совхозного строя было снято.

Произошло ли возрождение? Обратимся к цифрам. С 1990 г. (последний полный год существования СССР) – общая посевная площадь сельскохозяйственных культур в России сократилась на 39,2 млн га – со 117 млн 705 тыс. до 78 млн 525 тыс. га в 2014 г.

© Анисимов Р.И., 2016

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02016 «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований [1990–2010-е годы]»).

Наибольший упадок демонстрируют кормовые культуры, посевная площадь которых упала в 2,6 раза – с 44 млн 560 тыс. в 1990 г. до 17 млн 127 тыс. га в 2014 г.¹ Это отразилось на общем поголовье крупного рогатого скота, которое сократилось практически в три раза – с 57 млн 43 тыс. в 1990 г. до 19 млн 264 тыс. голов в 2014 г.² Упали и валовые сборы зерна. Например, зерновых и зернобобовых культур в 1990 г. было собрано 116 млн 676 тыс. т, а в 2014 г. – 105 млн 315 тыс. т. В то же время немного вырос сбор картофеля с 30 млн 848 тыс. т в 1990 г. до 31 млн 501 тыс. т в 2014 г. и существенно вырос сбор овощей³.

Как мы видим, падение производства растениеводства не так существенно, как падение общей посевной площади сельскохозяйственных культур, и это связано с общим ростом урожайности по сравнению с 1990 г. Ее повышение не следует относить к успехам в российском сельском хозяйстве, так как по сравнению с другими странами урожайность в Российской Федерации находится на очень низком уровне. Так, например, в 2012 г. урожайность зерновых и зернобобовых культур в Российской Федерации составила 18,3 центнера с гектара, а в Финляндии – 35,3, в Белоруссии – 34,4⁴. Иными словами, даже по сравнению со странами, имеющими схожий исторический опыт хозяйствования и более суровые климатические условия, урожайность в России меньше практически в два раза. Из этого можно сделать вывод о том, что, как и животноводство, растениеводство в России пребывает в глубоком кризисе, за исключением районов с благоприятным для него климатом. Данная информация идет вразрез с мнением российского правительства, гордящегося экспортом российского зерна. Но здесь следует оговориться, что экспорт зерна осуществляется за счет уничтоженного животноводства, т. к. раньше зерно шло на комбикорма, а сейчас, вследствие сокращения поголовья крупного рогатого скота в три раза, потребность в комбикормах существенно меньше, и избыток зерна идет на экспорт.

Таким образом, можно утверждать, что реформы в сельском хозяйстве не возродили его, а, наоборот, ухудшили положение дел в российском селе. Более того, либеральные реформы не только не способствовали занятию производительным трудом на селе, но, наоборот, отбили у крестьян мотивацию работать на земле.

Чтобы не быть голословными, приведем ряд данных. По сравнению с 1991 г. снизилось количество людей, продающих продукцию своего труда (табл. 1). Это, на наш взгляд, свидетельствует о трех вещах: 1) снизилось количество выращиваемой продукции;

2) разрушена система закупок сельхозпродукции; 3) идет раскрестьянивание села, увеличивается количество людей, у которых отсутствует земля и соответственно частная собственность.

Таблица 1

Если у Вас есть личное хозяйство,
то как Вы используете продукцию?
(в % от числа опрошенных)

Назначение продукции / Год	1991 ⁵	2015 ⁶
Только для своей семьи и родственников	42,8	48,3
В основном для семьи и родственников и немного для продажи	38,0	12,8
Примерно половину продаем, а половину оставляем себе	14,2	5,2
Больше продаем, чем потребляем сами	4,4	3,0
Затрудняюсь ответить (в 2015 г. вариант – не ответили)	0,6	3,0
Нет личного хозяйства		27,7

О снижении мотивации к занятию трудом на земле свидетельствует тот факт, что по сравнению с 1991 г. количество сельчан, указывающих на отсутствие особых проблем, связанных с ведением сельского хозяйства, выросло вдвое. В то же время уменьшилось количество сельчан, указывающих на трудности с обеспечением кормами, техникой, величиной участка и т. д. (табл. 2). Однако, несмотря на уменьшение объективных препятствий для занятий сельским трудом, желающих им заниматься меньше, чем было при колхозно-совхозном строе, так как в настоящее время практически вдвое уменьшилось количество людей, которые хотели бы увеличить свой земельный участок (табл. 3).

Таблица 2

Пожалуйста, назовите наиболее существенные трудности
для ведения Вашего подсобного хозяйства
(в % от числа опрошенных)

Проблема / Год	1991	2015 ⁷
Не хватает времени, сил заниматься личным хозяйством	36,1	37,8
Имеются трудности с обеспечением животных кормами	45,1	21,9

Имеются трудности с приобретением качественных семян, рассады		8,2
Не хватает земли, мал приусадебный участок	16,6	7,2
Нет средств для приобретения удобрений и средств химической защиты		9,5
Не хватает техники для обработки участка, перевозок	26,4	12,7
Другие трудности	1,4	2,5
Особых трудностей нет	14,1	31,5
Затруднились ответить		1,6

Таблица 3

Вы бы хотели увеличить свой земельный участок
или получить дополнительный надел земли?
(в % от числа ответивших)

Ответ / Год	1991	2015
Да	41,3	18,2
Нет	50,7	61,2
Пока не знаю	7,9	20,6

Не желают получить пай наиболее молодые группы сельских жителей (видимо, они не планируют заниматься сельским хозяйством) и наиболее возрастные (им, в силу возраста, тяжело работать) (табл. 4).

Таблица 4

Хотели ли бы увеличить свой земельный участок
или получить дополнительный надел земли
(2015, в % по столбцу от числа ответивших)

Ответ	Возраст					
	до 24 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Да	10,1	10,2	19,2	16,1	10,8	9,0
Нет	33,3	33,1	29,9	45,6	54,5	55,5
Пока не знают	56,6	56,7	50,8	38,3	34,7	35,5

Эти данные свидетельствует о том, что создать частного собственника на селе не удалось, более того, уменьшилось количество людей, желающих заниматься сельским хозяйством, и, главное, на что хотелось бы обратить внимание, образовался слой безземельных сельчан. Кто эти люди? Каков социальный портрет этой группы? В исследовании, проведенном социологическим факультетом РГГУ в 2015 г. среди сельских жителей, количество респондентов, указавших на отсутствие личного хозяйства, составило 27,7% (277 человек) от общей совокупности опрошенных (1000 человек). Мы сравним эту группу с группой респондентов, имеющих личное хозяйство, и попробуем выявить наиболее значимые различия между этими двумя группами.

Не имеющие хозяйства респонденты в большей степени проживают в крупных сельских поселениях. Так, в населенных пунктах до 500 человек проживают 18,2% респондентов, владеющих земельными участками, и только 6,1% не владеющих. Чем крупнее сельский населенный пункт, тем больше городской образ жизни преобладает в нем. Помимо места проживания, на ведение собственного хозяйства оказывает влияние возраст. Так 57% безземельных сельчан имеют возраст до 39 лет, тогда как только 38,9% крестьян с землей находится в той же возрастной группе. Сельская молодежь не заинтересована в ведении личного хозяйства. Его ведут только представители старших возрастных групп, наверное, в силу привычки, сложившихся трудовых практик, стиля и образа жизни. Мы предполагаем, что с уходом старших возрастных групп постепенно исчезнет традиционный для российской деревни образ жизни. Не будет личного подворья, прекратят существование небольшие деревни, а сельские жители будут приобретать городской образ жизни. В дополнение к сказанному, стоит отметить, что самое большое количество безземельных сельчан работают в третичном секторе экономики – 31% (это сфера обслуживания – продавцы, почтальоны), тогда как только 19,5%, обладающих наделом, работают в аналогичной сфере. Вообще, третичный сектор экономики в 90-е гг. XX в. выступил «спасательным кругом» для сокращаемых работников первичного и вторичного секторов экономики, но его рост не безграничен. Третичный сектор растет в условиях общего повышения благосостояния граждан; в условиях кризиса, когда люди начинают больше экономить и меньше потреблять, работники торговли страдают в первую очередь. Экономический кризис, развернувшийся в 2014–2015 гг., на селе приведет к общему ухудшению материального положения крестьян, но у них есть земля, которая, благодаря натуральному хозяйству, дает возможность

смягчить негативные последствия. Но что делать безземельным работникам сферы обслуживания?

Анализируя ответы сельчан, мы предполагаем, что в современной России происходят процессы дальнейшего раскрестьянивания, начатого еще при СССР, т. е. утраты сельскими жителями традиционного для них образа жизни, либеральные реформы только усилили эту тенденцию. Однако есть существенное отличие в способах раскрестьянивания. Если советская власть это делала насильственно, то сейчас этот процесс является добровольным. Никто не принуждает сельчан отказаться от традиционного для них образа жизни, просто создаются такие условия, при которых не работать на земле удобнее, к тому же сельчане перенимают городской образ жизни, который сулит им больший комфорт и удобство. Причем для того, чтобы перенять городской образ жизни, уже не обязательно переезжать в город. Город, с развитием технологий, сам приходит в деревню. Официальная статистика показывает, что соотношение городского и сельского населения не изменилось с 1990 г. Оно составляет 74 и 26% соответственно⁸, но увеличилось количество безземельных крестьян, занимающихся такой трудовой деятельностью, которая раньше была характерна для городов.

К этому следует добавить, что 37,5% безземельных жителей полагают, что не могут рассчитывать на помощь односельчан, если попадут в затруднительное положение. Среди обладающих землей аналогичным образом ответили 29,3% сельчан. Межличностные связи у безземельных крестьян становятся более слабыми. Так, в законном браке состоят 63,2% крестьян с землей и 55,2% без нее, зато в гражданском браке мы наблюдаем противоположную пропорцию. В нем состоит 10,8% безземельных жителей и 5,5% жителей с землей. Безземельные крестьяне имеют и более высокий уровень недоверия. Так, 20,2% безземельных крестьян относятся с недоверием ко всем людям другой национальности, тогда как крестьян с землей, выбравших этот вариант ответа – 14%. Таким образом, можно утверждать, что безземельные сельские жители отчуждаются не только от земли, но и от местных сообществ, а степень недоверия к представителям других национальностей свидетельствует об их большей атомизации, чем у сельских жителей, обладающих земельным наделом.

Подытоживая все вышесказанное, можно утверждать следующее.

Вывод первый. Рыночные реформы привели в плачевное состояние агропромышленный комплекс России. Россия потеряла свое животноводство, посевные площади, особенно это касается северных регионов, Нечерноземья, т. е. областей, где вырастить урожай труднее.

Здесь возникает ряд вопросов к самой идее экономического либерализма. Являются ли либеральные реформы в странах догоняющей модернизации (которыми являются Россия, Греция, Украина, Грузия и т. д.) средством повышения конкурентоспособности местных производителей, а не их разрушения? Существуют ли примеры успешных либеральных реформ в сельском хозяйстве? И если они существуют, имеет ли Россия схожие климатические, географические, трудовые условия для их повторения? И вообще, так ли уж верна экономическая либеральная теория? Но ответы на эти вопросы требуют отдельного изучения и освещения.

Вывод второй. В результате разрушения АПК России на селе возник слой сельских жителей, не обладающих личным хозяйством. Этого не было даже при коммунистах, борющихся с частной собственностью. Возникает парадокс. Строй, в основу которого положен примат частного собственника, лишает собственности людей. На наш взгляд, другого и быть не могло. Частная собственность возможна только при наличии ресурсов у ее владельцев. Поднять землю без капиталовложений невозможно. Поэтому, имея земельные паи, но не имея ресурсов, крестьяне сдают их в аренду, продают, забрасывают. Только 25% выращивают продукты на своих паях, 41,6% – сдают паи, 18,1 – никак не используют, а 10,3% – продали свои паи. Переехать в город, не имея экономического капитала, довольно затруднительно. К тому же переселенцы из деревень обычно занимают низкостатусные и малооплачиваемые позиции в городе (строители, рабочие, продавцы), но в условиях резкого сокращения производства эти позиции или закрылись, или были заняты еще более низкостатусными группами мигрантов. Единственное, что остается сельчанам, это сосредоточиться на собственном подсобном хозяйстве или искать свободные ниши третичного сектора у себя на селе (развозить продукты по деревням, скупать картошку, капусту, а затем продавать ее «с машины» в городе, или идти в сохранившиеся на селе органы социальной инфраструктуры).

Вывод третий. Слой безземельных сельчан утрачивает традиционный для села образ жизни, отчуждается от местного сообщества, и, мы предполагаем, приобретает городские черты. Утверждать этого мы не можем, здесь необходимо дополнительное исследование.

Последний вывод можно подвергнуть критике по следующим основаниям. Большинство безземельных жителей живут в крупных населенных пунктах, среди них преобладает молодежь. Поэтому, возможно, эти факторы, а не отсутствие земли, влияют на их настроение, контакты, мироощущение и т. д. Может быть, эти

доводы верны, но нашей целью было не выявление первопричин возникновения этого слоя, главной нашей задачей было указать, что этот слой возник в нашей социальной реальности, и он обладает отличными от основной массы сельчан свойствами. Возможно, вместе с процессами раскрестьянивания идет принятие городского образа жизни сельчанами, а возможно, мы наблюдаем маргинализацию, разрушающую сельскую социальную структуру. В любом случае эти вопросы требуют внимания и изучения.

Примечания

- ¹ Растениеводство // Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (дата обращения: 21.09.2015).
- ² Животноводство // Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (дата обращения: 25.11.2015).
- ³ Растениеводство...
- ⁴ Россия и страны мира, 2014: Статистический сборник // М.: Росстат, 2014. С. 217.
- ⁵ Исследование: Омнибус ВЦИОМ 1991-4 (Сельская Новь – 1). Исследование было проведено в период с 19 марта по 21 апреля 1999 г. В ходе анкетирования были опрошены 2429 человек. Всероссийская многоступенчатая стратифицированная случайная выборка. URL: <http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?S=1842&T=S> (дата обращения: 25.11.2015). Далее по тексту ответы респондентов 1991 г. брались из этого исследования.
- ⁶ Сельская жизнь. Исследование было проведено социологическим факультетом РГГУ (рук. Ж.Т. Тощенко) в августе 2015 г. во всех 9 федеральных округах, в 22 областях, краях и республиках и в 71 селе, всероссийская выборка, n=1000 человек. Далее приводимые в тексте ответы респондентов 2015 г. брались из этого исследования.
- ⁷ В 2015 г. на этот вопрос отвечали только те респонденты, которые имели личное хозяйство (69,3% от общего числа опрошенных).
- ⁸ Демография // Население. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 21.01.2016).

Трудовые установки и уровень жизни сельской молодежи

Для изучения трудовых установок в молодежной среде выделена группа «молодых взрослых». Предпринята попытка осмысления характерных для нее трудностей, связанных в первую очередь со сферой труда. Приведены данные о трудовой занятости, характере труда, безработице. Особое внимание уделено материальному положению той части сельской молодежи, которая находится в состоянии бедности. Обозначенный круг проблем влияет на миграционные установки молодых людей, их желание переехать в город постоянно растет.

Ключевые слова: молодежь, труд, трудовые установки, уровень жизни, оплата труда, доходы, материальное положение, миграционные установки.

Внутри молодежного возраста часто выделяют следующие периоды: подростковый (или отрочество), юношество (15–20 лет), молодость (21–24 года), «молодые взрослые» (25–30 лет)¹. Стоит отметить, что рамки условны: разные авторы придерживаются разных границ, однако все они сопоставимы. В контексте изучения трудовых установок и уровня жизни сельской молодежи наиболее подходящей выглядит группа «молодых взрослых», поскольку к 25 годам молодые люди обычно уже включены в трудовую деятельность, имеют собственный доход и отделились от родительской семьи.

Основной эмпирической базы выступают всероссийские исследования «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2000-е годы)»² и «Сельская жизнь»³, проведенные в 2014 г. и в 2015 г. при поддержке гранта РНФ № 14-18-02016. Следует оговориться, что в выборку попали устойчивые сельские поселения, и приведенные данные касаются только этой части сел, однако и они позволяют судить о проблемах современной деревни.

Молодежь в структуре сельского населения России. Доля молодежи (15–29 лет) в возрастной структуре сельского населения в настоящее время составляет 18,2%. Численность молодежи в сельской местности в последние годы снижается, как в абсолютном, так и в процентном выражении. Если в 2005 г. ее доля составляла 22,6%, то в 2010 г. – 21,4%, в 2014 г. – 19%, а в 2015 г. – уже 18,2%⁴. Частично такую тенденцию можно объяснить периодом спада рождаемости, начавшимся в начале 1990-х гг. и продлившимся до начала 2000-х гг.

На протяжении последних 25 лет происходили изменения и в возрастной структуре сельской молодежи (табл. 1). В настоящее время группа «молодых взрослых» – самая многочисленная (так же было и в начале 1990-х гг.), а это значит, что она нуждается в особом, пристальном внимании с точки зрения ее изучения, поскольку является наиболее стабильной по сравнению с другими возрастными группами, и во многом от нее зависят жизнь и судьбы сел и деревень.

Таблица 1

Возрастная структура сельской молодежи
(в % от всех сельчан в возрасте 15–29 лет)

Возраст, лет	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
15–19	30,49	37,23	37,09	38,78	28,61	27,98
20–24	29,9	30,87	32,5	31,89	37,57	30,28
25–29	39,61	31,9	30,41	29,33	33,82	41,74

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики, представленных в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС)⁵.

В связи с этим следует рассмотреть миграционные настроения. По данным исследования «Сельская жизнь», 37% молодых людей в возрасте 25–29 лет хотели бы переехать в город на постоянное место жительства. Эта цифра увеличилась с начала 90-х гг. прошлого столетия: тогда при возможности выбора места жительства в городе предпочли бы жить 22,3% «молодых взрослых»⁶.

Тяга к переезду в город более характерна для молодежи, в то время как старшие группы сельского населения демонстрируют стремление к оседлому образу жизни. Обнаружена такая закономерность: чем старше люди, тем меньше их желание переехать

в город, и наоборот, чем люди моложе, тем их желание переехать больше, т. е. получается своеобразная обратно пропорциональная зависимость стремления к переезду от возраста (рис. 1). Таким образом, основную массу выезжающих из сельской местности составляет молодежь.

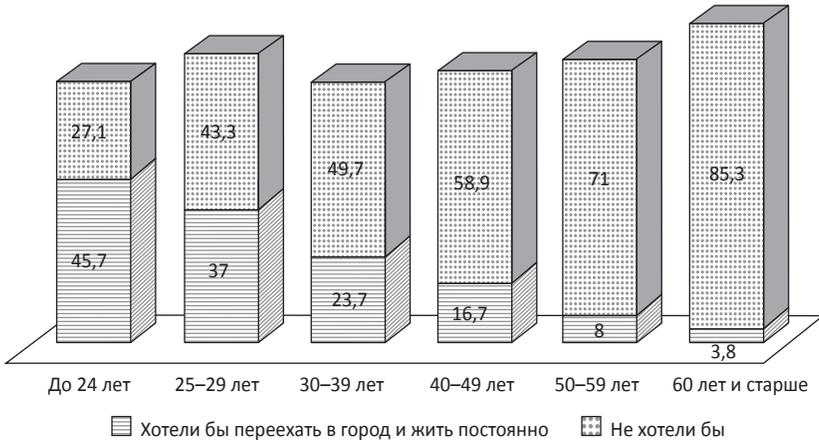

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы уехать из села в город?» (в % от числа опрошенных, сумма ответов меньше 100%, так как не включены варианты «хотели бы, но только работать» и «затрудняюсь ответить»)

Источник: Сельская жизнь...⁷

Стоит отметить при этом, что у сельских «молодых взрослых» практически нет установки на трудовую миграцию: «только работать» в городе хотели бы лишь 8,7% «молодых взрослых»⁸.

Трудовые установки. Более половины сельских «молодых взрослых» (53,5%) трудоустроены официально с заключением трудового договора, еще 18,9% работают без заключения официального трудового договора, 3,1% занимаются предпринимательством, бизнесом, 2,4% заняты подсобным хозяйством, 0,8% ведут свое фермерское хозяйство и столько же учатся.

Безработных в этой возрастной группе насчитывается 15,7%⁹. Важно отметить, что уровень безработицы в селах больше, чем в городах, во всех возрастных группах, за исключением молодежи в возрасте 15–19 лет (рис. 2). Проблема безработицы среди молодежи, таким образом, наиболее распространена в сельской местности.

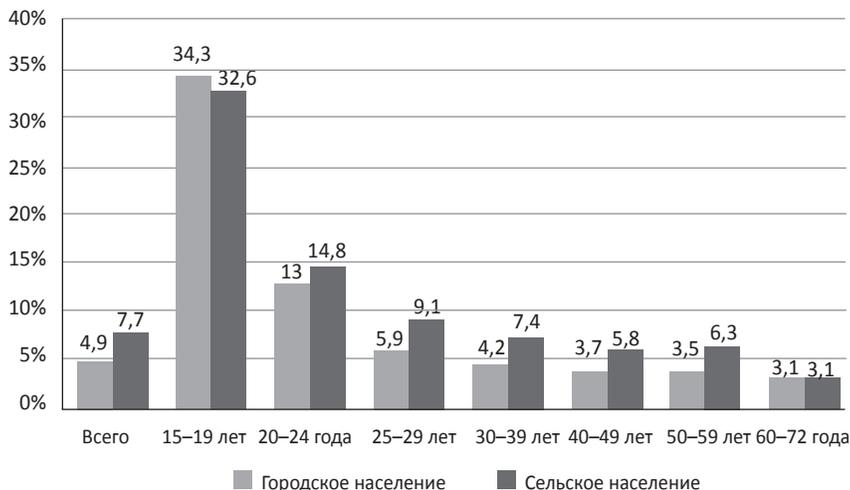

Рис. 2. Уровень безработицы по возрастным группам и виду поселения в мае 2015 года (в % от экономически активного населения, без корректировки сезонных колебаний)

Источник: Занятость и безработица в Российской Федерации в мае 2015 г. (по итогам обследований населения по проблемам занятости)¹⁰.

Интерес представляют данные о местонахождении работы и ее характере (сезонная или постоянная). Почти половина «молодых взрослых» (48,8%) работают в том же селе, где и живут, 5,5% – в другом селе, 26,8% – в близлежащем райцентре, поселке или городе, далеко от места жительства (вахтовым методом или сезонно) работают 1,6%, не ответили – 17,3%¹¹. Здесь нужно обратить внимание на тех, кто работает далеко от дома. Из приведенных данных видно, что их немного, однако 11% отметили временный, сезонный характер своей работы. Круглый год, независимо от местонахождения, работают 73,2%. Таким образом, более четверти представителей сельской молодежи не имеют постоянного стабильного заработка. Поскольку в выборку исследования «Сельская жизнь» попали лишь устойчивые сельские поселения, в остальных, не попавших в выборку, ситуация с наличием рабочих мест может быть значительно хуже, поскольку многие села в настоящее время имеют малую численность населения (15% всех сел в настоящее время имеют численность населения менее 6 человек¹²). Следует особо выделить тех, кто трудоустроен в родном селе. Таких представителей сельской молодежи в возрасте 25–29 лет насчитывается менее половины (48,8%). В маленьких селах и деревнях эта цифра

может быть еще меньше. В 1990-х гг. ситуация с трудоустройством в родных селах была более благоприятной, так, в 1996 г. в том же селе, где живут, работало 67,2% «молодых взрослых»¹³.

Более половины (59,9%) представителей молодежи в возрасте 25–29 лет в сельской местности хотели бы переехать жить в город из-за проблем, связанных с работой (26% – из-за того, что «на селе [в деревне] нет никакой работы», 18,9% – «...нет работы по профессии», 6,3% – из-за того, что «...работа тяжелая», и 8,7% – из-за того, что «...неинтересная»). В 1991 г. проблему отсутствия работы по специальности отмечали всего 5,8%, т. е. в 3 раза реже, чем сейчас¹⁴.

В сфере сельского хозяйства тогда работали более половины «молодых взрослых» сельчан (60%)¹⁵, сейчас – в 4 раза меньше – всего 15,7%¹⁶. Такое положение дел показывает, что за последние годы произошла утрата воспроизводства кадров в сельскохозяйственной сфере.

Уровень жизни. В условиях села потребление различных благ и услуг затруднительно, поскольку многие сельчане не имеют к ним непосредственного доступа и вынуждены выезжать с этой целью в города: 70,3% молодежи в возрасте 25–29 лет выезжают в города за покупками, 40,2% – для посещения медицинских учреждений¹⁷. Эта проблема отражена и в официальном документе (постановлении Правительства РФ): «Медицинские учреждения территориально доступны только для 49,4%, для 40% они труднодоступны, для 9% – недоступны...»¹⁸.

Более подробно стоит остановиться на жилищных условиях и материальном положении сельской молодежи.

Треть «молодых взрослых» сельчан не имеют собственного жилья (33,1%) и более трети – приусадебного участка (37,8%)¹⁹. Это не удивительно, если обратиться к рассмотрению их материального положения.

Доходы сельской молодежи в возрасте 25–29 лет формируются из следующих источников: заработная плата – 86,6%, собственное хозяйство – 23,6%, подработка, совместительство – 23,6%, помощь родственников, друзей – 18,9%, обеспечение себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство) – 37%, детские пособия – 6,3%, пенсия – 4,7%, проценты от сбережений, акций – 0,8% (сумма ответов больше 100%, так как респонденты имели возможность выбора нескольких вариантов ответа)²⁰.

Из представленных данных видно, что заработная плата является основным источником доходов. В среднем у сельских «молодых взрослых» они составляют 10 919 руб., это ниже, чем в среднем по селу (11 756 руб.)²¹. В то же время городская молодежь в возрасте 25–29 лет имеет доходы в размере, большем почти на

6 тыс. – 16 714 руб.²² Стоит отметить, что доходы сельчан пусть и ненамного, но все же преодолели порог прожиточного минимума, равного во II квартале 2015 г. (на момент проведения исследования) 10 792 руб.²³ для трудоспособного населения. Однако если приводить не усредненные показатели, то получается, что этот порог не преодолели более половины – 64,1% «молодых взрослых», проживающих в сельской местности. Эти данные позволяют сделать вывод о бедственном положении сельской молодежи.

Располагая объективными данными о доходах сельской и городской молодежи, интересно рассмотреть их субъективные оценки своего материального положения (*табл. 2*).

Таблица 2

Самооценка материального положения молодежи
(в % от числа опрошенных сельских и городских «молодых
взрослых» соответственно)

Материальное положение	Село ²⁴	Город ²⁵
Живут в нищете	1,6	0,6
Еле сводят концы с концами	11,8	3,1
Хватает на еду и одежду, в остальном приходится экономить	55,9	55,3
Могут себе позволить покупку холодильника, компьютера... но не более	28,3	41
Могут себе позволить крупные расходы (квартира, дом, машина...)	2,4	0

В целом субъективные оценки отражают объективные данные. Более чем половине сельских «молодых взрослых» доходы гарантируют покупку только еды и одежды.

Если в городе бедно («в нищете» и «еле сводят концы с концами») живут 3,7%, то в селе почти на 10% больше – 13,4%. По понятным причинам крайне низкие доходы не могут обеспечить достойный уровень жизни сельской молодежи, это, в свою очередь, влияет на миграционные установки, что подтверждается следующими цифрами: почти четверть (23,6%) «молодых взрослых» хотели бы переехать в город из-за низких заработков, т. е., по их представлениям, в городе заработки увеличились бы.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что среди сельской молодежи распространена бедность. О «бедственном положении» большинства представителей молодежи писали еще 10 лет

назад, но с тех пор практически ничего не изменилось. Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым был выдвинут тезис о существовании противоречия в структуре потребления молодежи: «Оно состоит в том, что потребительские ориентации российской молодежи по характеру и уровню развития сильно отличаются от стандартов потребления, характерных для современных обществ, поскольку в них однозначно доминируют ориентации, направленные на удовлетворение элементарных потребностей выживания»²⁶.

* * *

Целостность структуры сельского социума находится под угрозой уже давно, но в последние годы эта проблема стоит наиболее остро. Отсутствие гарантий достойного уровня жизни и рабочих мест в родных селах оказываются решающими факторами, формирующими миграционные установки «молодых взрослых» на переезд в города, что приводит к массовому вымиранию сел и деревень. Это подтверждается данными официальной статистики. В период с 2002 по 2010 г. число сельских населенных пунктов уменьшилось более чем на 2 тыс. (в 2002 г. – 155 289, в 2010 г. – 153 124), в то время как число сельских населенных пунктов без проживающего населения и сельских населенных пунктов, население которых составляет 10 и менее человек, растет (без проживающего населения: в 2002 г. – 13 086, в 2010 г. – 19 416; сельские населенные пункты с населением 10 и менее человек: в 2002 г. – 34 003, в 2010 г. – 36 225)²⁷.

Проблема оттока молодежи из сел и деревень признана и на государственном уровне: «Низкий уровень комфортности проживания в сельской местности влияет на миграционные настроения сельского населения, особенно молодежи»²⁸.

Сокращение доли молодежи, работающей по специальности, высокие показатели безработицы являются свидетельством нарастания невостребованности трудового потенциала как всей молодежи, так, в частности, и сельской.

В сложившейся ситуации необходимо не только осмысление, но и практическое решение имеющихся в сельской местности проблем, связанных в целом с бедностью, и конкретно – с отсутствием работы по специальности, с отсутствием работы в родных для молодежи селах, с низкими зарплатами, неспособными гарантировать достойный уровень жизни. От действий по их решению зависит сохранение структуры российского общества, баланс между городским и сельским населением.

- ¹ Майорова-Щеглова С.Н. Социология молодежи // Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2013. С. 303–306.
- ² Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2000-е годы). Всероссийское исследование, проведено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02016. Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны 25–30 октября 2014 г. с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, формам собственности и трудовому стажу. Опросы проведены во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг России, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса – Москву и Санкт-Петербург.
- ³ Сельская жизнь: Всероссийское исследование, проведено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02016. Опрошено 1000 человек во всех 9 федеральных округах, в 22 областях, краях и республиках и в 71 селе в августе 2015 г. с учетом репрезентативной выборки.
- ⁴ Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.xls (дата обращения: 05.12.2015).
- ⁵ Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января (человек) // Федеральная служба государственной статистики // Единая межведомственная информационно-статистическая система. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31548&referrerType=0&referrerId=1292833> (дата обращения: 22.01.2016); Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января (человек) // Федеральная служба государственной статистики // Единая межведомственная информационно-статистическая система. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=33459&referrerType=0&referrerId=1292833> (дата обращения: 22.01.2016).
- ⁶ Сельская Новь – 1. Омнибус ВЦИОМ 1991-4. Сроки проведения полевых работ: 19.03.1991 – 21.04.1991. Число опрошенных: 2429 человек. Всероссийская многоступенчатая стратифицированная случайная выборка. URL: [Электронный ресурс] http://sophist.hse.ru/dbp/S=1842/crosstab/?Q=75&row_vcode=Q6&col_vcode=Q11&weight_vcode=-&cell_val=abs (дата обращения: 05.12.2015).
- ⁷ Сельская жизнь... 2015.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Занятость и безработица в Российской Федерации в мае 2015 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/124.htm (дата обращения: 23.01.2016).
- ¹¹ Сельская жизнь... 2015.
- ¹² Группировка сельских населенных пунктов по численности населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/pereris2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-07.xlsx (дата обращения: 17.03.2015).

- ¹³ Сельский 1996-37 опрос ВЦИОМ. Сроки проведения полевых работ: 22.04.1996 – 12.05.1996. Число опрошенных: 1923. Всероссийская сельская многоступенчатая стратифицированная случайная выборка; опрашивалось взрослое сельское население от 18 лет и старше. [Электронный ресурс] URL: http://sophist.hse.ru/dbp/S=1895/crosstab/?Q=16&col_vcode=Q2&row_vcode=Q16&weight_vcode=-&cell_val=abs (дата обращения: 23.01.2016).
- ¹⁴ Сельская Новь – 1, 1991.
- ¹⁵ Сельская Новь – 2. Опрос ВЦИОМ 1991-14. Сроки проведения полевых работ: 24.01.1992 – 20.02.1992. Число опрошенных: 2056. Всероссийская многоступенчатая стратифицированная случайная выборка. [Электронный ресурс] URL: http://sophist.hse.ru/dbp/S=1851/crosstab/?Q=10&col_vcode=Q4&row_vcode=Q9&weight_vcode=-&cell_val=abs (дата обращения: 23.01.2016).
- ¹⁶ Сельская жизнь... 2015.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года”» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/70419016/> (дата обращения: 18.03.2015).
- ¹⁹ Сельская жизнь... 2015.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Жизненный мир россиян... 2014.
- ²³ Величина прожиточного минимума в целом по РФ (подготовлено экспертами компании «Гарант») // Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/3921257/#ixzz3tgYKF42M> (дата обращения: 06.12.2015).
- ²⁴ Сельская жизнь... 2015.
- ²⁵ Жизненный мир россиян... 2014.
- ²⁶ *Чуров В.И., Зубок Ю.А.* Методология целостного подхода в социологии молодежи // Россия: новые цели и приоритеты / Под ред. Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, В.В. Локосова. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. [Электронный ресурс] URL: <http://www.socyouthran.ru/bookview.php?file=16> (дата обращения: 23.01.2016).
- ²⁷ Группировка сельских населенных пунктов по численности населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-07.xlsx [Электронный ресурс] (дата обращения: 17.03.2015); Территория, число районов, населенных пунктов и сельских администраций по субъектам Российской Федерации // Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/1_TOM_01_03.xls (дата обращения: 17.03.2015); Группировка сельских населенных пунктов по численности населения по субъектам Российской Федерации // Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/1_TOM_01_06.xls (дата обращения: 17.03.2015).
- ²⁸ Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе...»

И.В. Воробьева

Политическая активность в структуре политического сознания россиян

В статье рассматривается политическая активность россиян через призму следующих индикаторов: интерес к политике, наличие определенных познаний в данной сфере, вовлеченность в политические процессы и политическую деятельность, участие в гражданских инициативах, выполнение гражданского долга.

Ключевые слова: политическое сознание, политическая активность, политическое участие, интерес к политике, протестные настроения, гражданский долг.

Происходящие в России в последние 20–25 лет социальные и экономические трансформации существенно изменили ее политическую систему. В политической сфере России расширился круг субъектов политической деятельности, появились новые гражданско-политические права и свободы, декларируемые государством и Конституцией. Одновременно с этим увеличился спектр возможных вариантов и форм политического участия граждан, начиная от пассивного исполнения гражданских прав и долга до активного включения в политическую деятельность.

В последние годы, как в научной литературе, так и в прикладных эмпирических исследованиях, усиливается интерес к изучению политического сознания россиян, формам участия в этой сфере, причинам абсентеизма и протестных настроений, политической и гражданской активности или пассивности населения. Политическая активность реализуется в соответствии с сознанием личности и может рассматриваться как вид социальной активности, которая реализуется в различных формах политического участия. В данной работе политическая активность будет рассматриваться через призму таких индикаторов, как интерес к политике, наличие определенных познаний в данной сфере, вовлеченность в политические

процессы и конкретную политическую деятельность, участие в гражданских инициативах, выполнение гражданского долга.

В 2000-е гг. (особенно в сравнении с концом 1980 – началом 1990-х гг.) в политическом сознании россиян наблюдается снижение интереса к политике и нежелание активного участия в политической жизни страны. Это находит свое подтверждение в материалах различных исследований. Так, например, по информации, полученной специалистами АНО «Левада-Центр», в 2015 г. только 7% населения отметили свой активный интерес к политике, а 30% – умеренный. Суммарно 60% респондентов обозначили отсутствие у них интереса к политике: политикой *«скорее не интересуются»* (38%) и *«совсем не интересуются»* (22%). Небольшая группа опрошенных (3%) затруднилась с ответом на данный вопрос¹. Примерно такая же ситуация, с незначительными колебаниями, прослеживается на протяжении всех 2000-х гг. (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«Насколько Вы в целом интересуетесь политикой»
(в % по строке от числа ответивших)²

Варианты ответов	2003 XI	2004 X	2005 X	2006 III	2006 X	2007 X	2010 X	2011 X	2012 X	2013 XI	2014 XI
Очень интересуюсь	6	7	6	5	6	7	3	3	5	1	5
Скорее интересуюсь	28	37	32	34	31	37	29	31	27	28	34
Скорее не интересуюсь	44	34	36	40	41	36	38	42	42	41	38
Совсем не интересуюсь	19	20	24	19	21	18	26	22	23	26	21
Затруднились ответить	2	2	2	2	1	2	4	1	2	2	1

Несмотря на незначительный рост числа граждан, проявляющих интерес к политическим событиям, в сравнении с 2013 г. (в первую очередь к событиям в Крыму, на Украине и Сирии), общая тенденция 2000-х гг. заключается в отсутствии интереса к этой сфере у большей части населения России. Более важными и значимыми россиянам кажутся такие повседневные вопросы, как рост цен на товары, ситуация в здравоохранении и образовании, проблемы с детьми, ситуация на работе и прочее.

Снижение интереса к политике еще более наглядно проявляется в сравнении с 1987 г. По данным исследования «Политическое сознание россиян: 25 лет спустя», в 1987 г. о своем активном интересе к политическим событиям заявляло более половины опрошенных – 54,4%. В 2013 г. доля тех, кто заявил об интересе к политическим событиям в стране, сократилась до 27,1%, т. е. примерно наполовину. Одновременно с этим происходит и численное перераспределение таких респондентов, кто практически не следит за политическими событиями: если в 1987 г. таковых было чуть более 1%, то в 2013 г. их доля в общей массе увеличивается в разы – до 12,9% (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос
«Регулярно ли Вы следите за политическими событиями,
происходящими в нашей стране и в мире?»
(в % по строке от числа ответивших)³

Варианты ответов	1987 г.	2013 г.
Регулярно, постоянно (практически ежедневно)	54,4	27,1
Нерегулярно, хотя и часто (2–3 раза в неделю)	31,8	30,5
Изредка, по случаю особо важных событий	9,4	29,1
Практически не слежу	1,1	12,9
Затрудняюсь ответить	0,7	0,4
Без ответа	0,4	–

Можно говорить о том, что политическая сторона жизни не является приоритетной в ценностях основной части россиян. По данным Всероссийского исследования «Жизненный мир россиян–2014», политика является наименее важной частью жизни человека, значительно уступая таким сферам, как семья, здоровье, работа, друзья, культурный досуг, общественное признание, религия. Та же картина наблюдается в представлениях людей о наиболее значимых и важных правах и свободах. Наименее важными правами для опрошенных оказались «свобода мирных собраний и ассоциаций» (17% – в Москве, 15% – в других крупных городах) и «право на участие в общественной и политической жизни» (17% и 14% соответственно)⁴. Таким образом, для большинства населения наиболее значимыми являются ценности социального благополучия, образования, здравоохранения, социальной защищенности.

При этом политические ценности и права (участие в выборах, участие в организации, возможности протеста) важны лишь для незначительной части населения.

Представленные материалы говорят не только о достаточно умеренном интересе к политике, низком значении этой сферы в жизни россиян, но и о низкой информированности населения по политическим вопросам, неопределенности политических взглядов и позиций. По данным общероссийского исследования АНО «Левада-Центр» (2013 г.), более половины респондентов согласились с тем, что не разбираются в политике: 14% дали ответ *«полностью согласны с высказыванием»*, 37% – *«скорее согласны»*⁵. Можно предположить, что в качестве одной из причин политической пассивности значительного числа граждан выступает неясность их политических позиций.

Отсутствие интереса к политике сказывается и на готовности населения к включению в данный вид деятельности. Во всяком случае, в последние 8–10 лет наблюдается достаточно стабильная картина, при которой основная часть населения (75–80%) говорит о своей неготовности более активно участвовать в политической жизни страны (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос
«Готовы ли Вы лично более активно участвовать в политике?»
(в % по строке от числа ответивших)⁶

Варианты ответов	2006 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Определенно да	5	3	3	2
В какой-то мере да	14	14	13	17
Скорее нет	30	38	35	39
Определенно нет	47	39	45	36
Затруднились ответить	4	6	5	6

Среди тех, кто не готов к активному участию в политике, были высказаны следующие причины такой позиции: *«Политика – не для рядовых граждан, политикой занимаются власти»* (32% опрошенных); *«Неспособность или невозможность изменить что-либо»* (23%); *«Отсутствие времени для занятий политикой»* (20%). 18% высказали мнение, что ничего в политике не понимают и как следствие не хотят ею заниматься, а 16% – отозвались о политике

как о «грязном деле»⁷. Можно сделать вывод, что в качестве причин низкой включенности россиян в политические практики могут выступать недоверие к институтам власти, а также представления людей о неспособности или невозможности индивида влиять на ход политических событий, политический процесс. На это указывают и данные других исследований. Основная часть россиян полагает, что не может влиять на принятие важных значимых решений в стране. Чуть больший оптимизм в этом вопросе ощущается лишь на уровне города, производственной организации, места жительства (см. табл. 4). Представляется, что речь идет об определенном отчуждении от власти и государства, при этом сферы более близкой дистанции становятся более интересными и возможными для приложения сил и активности.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос
«Можете ли Вы влиять на принятие важных решений?»
(дайте ответ в каждой строке)
(в % по строке от числа ответивших)⁸

Варианты ответов	Могут влиять в полной мере	Могут влиять в небольшой мере	Не могут влиять	Затруднились ответить
Принятие государственных решений в стране	1,3	4,7	93,7	0,3
Принятие решений республиканской, краевой, областной власти	1,1	6,5	91,9	0,5
Принятие решений городской (районной) власти	1,8	10,5	87,5	0,3
Принятие решений в вашей производственной организации	7,1	25,9	63,2	3,8
Принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство и т. д.)	6,1	28,5	64,9	0,5

С другой стороны, снижение интереса к политической жизни страны и нежелание участвовать в ней можно объяснить и относительным одобрением государственной политики. По данным АНО «Левада-Центр», в сентябре 2014 г. 66% населения одобряли проводимую государством политику и считали, что страна идет правильным курсом⁹. Помимо этого, 2014 год характеризуется наименьшей протестной активностью за последние несколько лет. Готовность протестовать как с экономическими, так и с политическими требованиями сохраняется практически на минимальном уровне за всего годы наблюдений. Несмотря на определенные ухудшения экономического положения людей, в 2015 г. только 14% предполагали возможность протестов с политическими требованиями, а реальная протестная активность оказалась еще ниже: о своей готовности присоединиться к таким протестам заявили 8% участников опроса¹⁰.

Кроме того, в последние несколько лет в России фиксируется очень высокий уровень патриотизма и гордости за свою страну. В качестве главных достижений сегодняшнего руководства (и в первую очередь Президента РФ В.В. Путина) россияне отмечают усиление роли России на внешнеполитической арене, расширение границ и территорий, восстановление статуса «великой державы», поднятие престижа российских Вооруженных сил. По данным АНО «Левада-Центр», число россиян, гордящихся политическим влиянием России в мире и ее Вооруженными силами, за последние три года значительно выросло (с 46% в 2012 г. до 68% в 2015 г. и с 59% до 85% соответственно)¹¹.

Согласие основной части населения с политикой, проводимой государством, можно проследить и в отношении электоральных предпочтений граждан. В декабре 2015 г. 69% жителей России высказали мнение, что собираются поддержать на выборах партию «Единая Россия» (КПРФ – 15%, ЛДПР – 8%, «Справедливая Россия» – 4%). Обращает на себя внимание тот факт, что 16% участников опроса сообщили, что не будут участвовать в выборах, а 21% затруднились с ответом на вопрос¹². Можно предположить, что удовлетворенность населения проводимым государственным курсом не всегда говорит о том, что в государстве все хорошо. В ряде случаев население не видит реальных конкурентов существующей власти, а действующее руководство поддерживает не с позиции полного удовлетворения его деятельностью, а из-за боязни перемен и возможного ухудшения положения дел в стране. При этом непарламентская оппозиция практически не воспринимается населением как возможная политическая сила, с которой можно связывать надежду на улучшение жизни, эта надежда в большей степени

направлена на партию власти, которая имеет мощный управленческий ресурс и государственную поддержку.

Важнейшей частью политической активности является политическое участие, т. е. включенность населения в различные формы политической деятельности. Эмпирические данные исследовательских компаний показывают, что россияне не принимают деятельного участия в политической жизни страны, а самыми распространенными видами политической активности остаются голосование на выборах, а также участие в дискуссиях об общественной жизни на работе и в кругу семьи. По данным Всероссийского исследования «Жизненный мир россиян», при ответе на вопрос «В каких формах политической жизни вы участвовали в 2014 году? (можно выбрать любое количество ответов)»¹³ среди основных форм политического участия респонденты отметили «участие в выборах в местные и региональные органы власти» (40,1%), «участие в митингах и демонстрациях» (3%), «подписание различных петиций и обращений» (2,6%). Между тем почти 53,3% опрошенных говорят, что не участвовали ни в каких формах политической жизни. Эти данные свидетельствуют о том, что у значительной части россиян сформировалась устойчивая практика неучастия в политической жизни страны даже на уровне избирательной активности. При том, что участие или неучастие в выборах декларируется как свободный выбор каждого человека, лишь немногим более половины россиян (до 60%), по данным ЦИК РФ, признают этот вид деятельности частью своего гражданского долга и как следствие участвуют в выборах¹⁴.

Как уже отмечалось выше, социальная, политическая и гражданская активность населения России довольно низка. При этом потенциал изменения ситуации в пользу расширения активистских политических практик, как в поддержку существующей власти, так и против нее, в целом невысок. Россияне, не включенные в политическую жизнь сегодня (43%), не собираются выходить из своего «политического небытия» и завтра (41%). Очень немногие жители готовы к личному политическому участию, да и участие в гражданских социальных инициативах охватывает довольно малую их часть. Желание позитивных изменений в обществе, стремление к стабильности и социальной защищенности существует на фоне пассивности и патерналистской позиции по отношению к государству и обществу. Факторами, блокирующими общественно-политическую активность, становятся уверенность респондентов в том, что их участие ничего не изменит, представления о невозможности и неспособности решать общественно-политические проблемы, сосредоточенность на личных проблемах и отсутствие

свободного времени. К тому же низкий уровень информированности о деятельности общественных и политических объединений, закрытость и непрозрачность их деятельности, недостаточность технологий включения граждан в данную сферу существенно снижают интерес к общественно-политической активности.

Анализ данных позволяет предположить, что будут расширяться такие формы политической активности, как поддержание связей с политическими единомышленниками в Интернете (в социальных сетях, на форумах), работа в органах местного самоуправления, участие в деятельности правозащитных организаций. Причем именно сферы, направленные на конкретное решение насущных проблем населения (например, социальные практики общественной активности по месту жительства, выраженные в проведении субботников, собраний по месту жительства, участия населения в благоустройстве, организации досуга по месту жительства), показывают наибольший потенциальный рост активности россиян. Помимо этого, рост политической активности может произойти из-за увеличения протестных настроений вследствие ухудшения экономического и социального положения граждан (особенно в случаях задержки заработной платы и ее сокращения, массовых увольнений, отмены социальных выплат и гарантий). Однако представляется, что это, в первую очередь, будут трудовые, экономические, социальные требования, возмущения коррупционными скандалами, а не протесты, направленные на смену политической власти. Массовый политический протест был бы возможен только в случае широкого общественного разочарования политикой руководства страны. Однако сегодняшнее положение дел говорит о поддержке деятельности Президента РФ В.В. Путина подавляющим числом россиян, поэтому широкой протестной политической активности пока прогнозировать не стоит. В качестве еще одного аргумента маловероятности политического протеста против существующей власти в ближайшие несколько лет может стать то, что часть населения напугана событиями на Украине, в которых протестные акции против действующей власти переросли в гражданскую войну. По мнению заместителя директора АНО «Левада-Центр» Алексея Гражданкина, *«пример соседней страны негативно сказался на готовности россиян выходить на митинги»*¹⁵. Кроме того, в данный момент россияне считают, что стабильность и порядок в стране важнее материального благополучия, а в ухудшении экономической ситуации склонны скорее обвинять внешние факторы.

- ¹ Готовность протестовать и интерес к политике // АНО «Левада-Центр». [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/2015/11/09/gotovnost-protestovat-i-interes-k-politike/> (дата обращения: 15.12.2014).
- ² Общественное мнение—2014. М.: Левада-Центр, 2015. С. 43.
- ³ Данные исследования «Политическое сознание россиян: 25 лет спустя». Опрос проведен с 18 по 25 октября 2013 г. Опрошены 1200 человек в возрасте 18 лет и старше в 15 субъектах Российской Федерации по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности.
- ⁴ Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: Сводный аналитический отчет / Под ред. Д. Волкова, С. Гончарова. М., 2014. С. 8.
- ⁵ Общественное мнение – 2013. М.: Левада-Центр, 2014. С. 40.
- ⁶ Там же. С. 43.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Материалы исследования «Жизненный мир россиян» (2014).
- ⁹ Сентябрьские рейтинги одобрения и доверия // АНО «Левада-Центр». [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/24-09-2014/sentyabrskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya> (дата обращения: 15.12.2014).
- ¹⁰ Готовность протестовать и интерес к политике // АНО «Левада-Центр». [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/2015/11/09/gotovnost-protestovat-i-interes-k-politike/> (дата обращения: 15.12.2014).
- ¹¹ Гордость, патриотизм и ответственность // АНО «Левада-Центр». [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/2015/12/07/gordost-patriotizm-i-otvetstvennost> (дата обращения: 15.12.2014).
- ¹² Электоральный рейтинг партий // АНО «Левада-Центр». [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/2015/12/10/elektoralnyj-rejting-partij/> (дата обращения: 15.12.2014).
- ¹³ Материалы исследования «Жизненный мир россиян» (2014).
- ¹⁴ Официальное Интернет-представительство Центральной избирательной комиссии РФ. Выборы в Государственную Думу ФС РФ: Сайт ЦИК России. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/index.html (дата обращения: 17.12.2015).
- ¹⁵ Протестная пассивность // АНО «Левада-Центр». [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/2015/11/09/protestnaya-passivnost/> (дата обращения: 20.12.2015).

Интерес к овладению финансовой грамотностью в жизненных практиках россиян

Усложняющиеся процессы формирования российской экономической системы и развития финансового рынка, сопровождающие их демографические и социально-политические изменения, актуализируют значение грамотных индивидуальных финансовых решений. Финансовая грамотность становится ресурсом, способным обеспечить материальное благополучие каждому человеку, и одним из важнейших навыков его жизни. Согласно данным отечественных исследований, доля населения, обладающего актуальными финансовыми знаниями и умениями, незначительна. Проблемы овладения россиянами финансовой грамотностью посредством вовлеченности в использование новых электронных финансовых услуг стали темой данной статьи.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовое поведение, личное финансовое благополучие.

Финансовый аспект сегодня активно проникает практически во все сферы жизнедеятельности человека. Используя современные технологии, финансовая сфера предлагает огромное число новых электронных финансовых сервисов от интернет-банков до виртуальных денег, от сервисов по планированию личных финансов до программ-роботов, торгующих акциями на фондовом рынке. Грамотное использование всех этих предложений выдвигает на передний план проблему овладения финансовой грамотностью не только в узких сегментах профессионалов, но и в широких слоях обычных потребителей. Отсутствие грамотного подхода к управлению личными финансами и неумение использовать новые электронные возможности, предлагаемые финансовыми рынками, затрудняет обеспечение личного финансового благополучия. В этой связи актуализируется потребность

в изучении состояния вовлеченности разных социальных групп населения в процесс управления личными финансами и факторов, определяющих уровень интереса россиян к овладению финансовой грамотностью.

В международной практике финансовая грамотность определяется как способность физических лиц управлять своими финансами и принимать эффективные краткосрочные и долгосрочные финансовые решения. В рамках Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации¹ под финансовой грамотностью населения понимается способность граждан России: эффективно управлять личными финансами; осуществлять учет расходов и доходов домохозяйства и осуществлять краткосрочное и долгосрочное финансовое планирование; оптимизировать соотношение между сбережениями и потреблением; разбираться в особенностях различных финансовых продуктов и услуг; принимать обоснованные решения в отношении финансовых продуктов и услуг и осознанно нести ответственность за такие решения; компетентно планировать и осуществлять пенсионные накопления. Необходимость принятия такой программы продиктована тем, что финансовая грамотность российских граждан, по данным многочисленных исследований, находится на довольно низком уровне: люди малограмотны в финансовом отношении, практически не доверяют никаким институтам финансового рынка, не склонны к рациональному поведению в сфере денег и соответственно включенность населения в пользование электронными финансовыми сервисами невысока, хотя и растет с каждым годом. По оценкам самих россиян, финансово грамотными считают себя 20%². Это невысокий результат даже для самоопределения, которое всегда дает более оптимистичные картинки, чем реальное положение дел. Ведь именно владение деньгами, по оценкам 70% россиян, материальными или другими ценностями, соответственно умение грамотно с ними обращаться определяют сегодня социальное положение и престиж человека в нашем обществе³.

Эффективно управлять личными финансами в России крайне затруднительно и тому есть сразу несколько причин. Во-первых, более 70 лет развития страны в рамках социалистической экономической модели практически исключили возможность для большинства граждан России получить какое-либо представление даже о простых финансовых продуктах и услугах. Во-вторых, переход страны к рыночной экономике был усугублен денежными реформами, проведенными государством в начале 1990-х гг., и финансовым кризисом августа 1998 г., что окончательно запугало большинство россиян, сделав их жертвами многочисленных финансовых

пирамид. Это негативно сказалось на отношении к финансовым продуктам и повышению уровня практической финансовой грамотности населения. В-третьих, финансовые знания и умения распространены крайне неравномерно: уровень информационной асимметрии между потребителями финансовых продуктов и услуг и их поставщиками очень высокий. Это обстоятельство приводит к когнитивному противоречию, существованию двух крайностей в восприятии гражданами уровня своей финансовой грамотности. Одна категория граждан полагает финансовые понятия весьма сложными для понимания и считает, что уровень их финансовой подготовки невысок, в то же время граждане другой категории переоценивают свое понимание финансовых вопросов. Результат один и тот же, обе категории граждан принимают необоснованные финансовые решения или становятся жертвами финансовых злоупотреблений.

Уровень оценки респондентами знаний в области финансовой грамотности колеблется вслед за изменениями экономической ситуации. Доля тех, кто оценил свой уровень финансовой грамотности неудовлетворительно, выросла с 20% в 2008 г. до 32% в 2013 г. Сохранилась тенденция к увеличению числа респондентов, признающихся в отсутствии знаний и навыков в сфере личных финансов (7% в 2010 г., 15% в 2011 г., 18% в 2013 г.)⁴. Остается низкой (на уровне 11–12%) и практически не меняется начиная с 2009 г. доля россиян, ведущих строгий учет доходов и расходов, менее трети россиян ведут семейный бюджет. Такая ситуация в значительной степени сложилась под влиянием экономического кризиса 2008–2009 гг.

Проявлением текущего кризиса можно считать формирование субъективного восприятия уровня финансовой грамотности у россиян. Растет число респондентов, которые стали оценивать выше свою финансовую грамотность: доля опрошенных в 2015 г., считающих себя финансово грамотными, выросла до 20%, остановив падение подобных оценок в предыдущие годы (до 13% в 2013 году). Сократилось также число тех, кто имеет скудные знания в сфере финансов (с 49% до 34%)⁵. Активное проникновение банковских услуг в повседневную жизнь людей и охват этими услугами широких слоев населения повышают вовлеченность россиян в пользование пластиковыми картами и банковскими кредитами. В Сбербанке сберегательные книжки для пенсионеров меняют на пластиковые карточки. Активно растут объемы зарплатных проектов с использованием пластиковых карт, когда заработная плата перечисляется на банковские пластиковые карты, минуя наличную выдачу денег. Развивается эквайринг в торговых сетях, внедряются современные

сервисы дистанционного самообслуживания. Результаты исследований говорят о том, что изменилось восприятие уровня собственной финансовой грамотности под влиянием роста реального опыта использования электронных финансовых услуг. Формируется своеобразная субъективная финансовая грамотность, которая не имеет ничего общего с объективным ее уровнем. Попробуем проанализировать, верно ли, что формируется субъективное представление о повышении уровня финансовой грамотности россиян или действительно произошли изменения под влиянием практик использования электронных услуг? Становится ли финансовое поведение людей более рациональным и ведет ли это к повышению финансовой грамотности населения в целом в условиях текущего кризиса?

Нестабильная экономическая обстановка в стране повлияла на группу низкодоходных граждан, доля которых выросла за последний год (25% в 2015 г. против 18% в 2014 г.). Доля бедного населения впервые за десять лет показала тенденцию к росту (3% в 2013–2014 гг., 7% в 2015)⁶. Подавляющая часть населения ощущает на себе влияние кризиса: более 90% опрошенных отмечают снижение покупательной способности, а 53% – указывают на неспособность делать накопления⁷. Основной удар кризиса пришелся на слои населения с низкими доходами, часть из которых сообщает, что находится на грани выживания и не может позволить себе ничего, кроме основных продуктов питания. Эти социальные группы являются особенно уязвимыми и их доходы чаще всего формируются только за счет заработной платы на основном месте работы. По данным ФОМ, при распоряжении своими доходами в повседневной жизни 41% населения тратят все деньги и ничего не откладывают, еще 42% – тратят деньги на текущие нужды, а то, что остается – откладывают, только 14% – сначала что-то откладывают, а потом тратят на текущие нужды⁸. Последняя группа респондентов представляет собой ту аудиторию, для которой управление финансами не потеряло актуальности в связи с падением уровня доходов, обусловленным влиянием кризиса. Если обратиться к ответам пользователей интернет-банкинга или мобильного банка, то доля тех, кто сначала что-то откладывает, а потом тратит на текущие нужды, возрастает до 19%, а количество тех, кто тратит все деньги и ничего не откладывает, падает до 33%. Интерес к пользованию новыми финансовыми услугами, от пластиковых карт до электронных сервисов по планированию бюджета, проявляют представители аудитории, которая имеет определенные материальные ресурсы для их реализации и включена в пользование новыми электронными сервисами.

Большинство в кризисной России независимо от включенности в практики использования электронных услуг не имеет возможности реализовывать накопительные стратегии: каждый четвертый не видит смысла в практиках ведения семейного бюджета и столько же россиян не ведут учет расходов и доходов по причине низких заработков, считают, что нет смысла планировать, так как тратить на текущие расходы приходится весь заработок. Основная причина, по которой не происходит переход к грамотному использованию финансовых средств – это отсутствие свободных денег. Так, около 3% жителей Калининградской области считают, что «сейчас лучше тратить, чем копить», хотя в предвзятом отношении к финансовым институтам признались только 5% респондентов, которые тратят все деньги, так как считают финансовую систему ненадежной. Большинство (около 82%) не делающих сбережения ответили, что денег просто нет⁹.

Встает главный вопрос: кто, кого и чему должен учить в целях повышения финансовой грамотности населения в целом?

При современном уровне развития финансовых технологий грамотно обращаться с финансовыми продуктами возможно, только имея специальные профессиональные знания. Поэтому сегодня на финансовом рынке работает большое количество брокеров, инвестиционных менеджеров, всевозможных финансовых консультантов, которые оказывают физическим лицам все услуги, связанные с обслуживанием финансовых операций.

Любое коммерческое производство имеет своей целью получение прибыли, и финансовая деятельность не исключение. Коммуникация финансовых организаций с целевым рынком построена на основе социально-этического маркетинга, основная концепция которого предполагает получение прибыли за счет обеспечения желаемой удовлетворенности более эффективными и продуктивными (чем у конкурентов) способами с одновременным сохранением или укреплением благополучия потребителя и общества в целом. В подавляющем большинстве случаев коммуникация на рынке предложений финансовых услуг практикует подмену рациональных мотивов эмоциональными, что объясняется разными векторами содержательного наполнения целей потребителей и производителей финансовых услуг. Использование сложных банковских продуктов, продуктов страховых, инвестиционных компаний или негосударственных пенсионных фондов требует наличия материального ресурса в виде свободных для инвестиций денег и высокой финансовой грамотности.

Россияне, оценивающие свое материальное положение как хорошее и очень хорошее, считают, что обладают хорошими знани-

ями и навыками в области финансовой грамотности (19%), столько же оценивают свои знания как плохие. Россияне, оценивающие свое материальное положение как плохое и очень плохое, в три раза реже дают своим финансовым знаниям высокую оценку, в то же время оценивают свои знания как неудовлетворительные, плохие почти в полтора раза чаще (28%), чем высокодоходная группа¹⁰. Уровень доходов и активность пользования Интернетом значительно влияют на субъективную самооценку уровня финансовой грамотности респондента. У высокодоходных групп граждан, по их оценкам, и так достаточно хорошие знания в области использования финансовых продуктов. Причем москвичи и высокодоходные группы респондентов охотнее выбирают на роли наставников по финансовой грамотности профессионалов: экспертов коммерческих банков (21%), пенсионных фондов и/или страховых компаний (34%) и независимых финансовых консультантов (33%), нежели опрошенные в целом по стране (14%, 23% и 23% соответственно)¹¹. Поэтому встает вопрос: если у тех, кто обладает хорошим материальным положением, уже есть знания в области финансовой грамотности или они пользуются услугами профессионалов в этой области, какие знания нужны тем, у кого нет материального ресурса для включения в активное и грамотное финансовое поведение?

Россияне делают свой выбор по поводу того, кому доверить вопросы повышения своей финансовой грамотности. Растет число респондентов, которые считают, что это компетенция представителей государственных организаций, контролирующих финансовые рынки (37% в 2014 г., 34% в 2008 г.), и высших учебных заведений экономического и финансового профиля (27% против 23% соответственно). Желание доверять подобные вопросы частным организациям у россиян заметно снизилось. В 2008 г. в качестве учителей по финансовой грамотности 23% респондентов готовы были видеть представителей неправительственных или общественных организаций, занимающихся защитой прав потребителей, в 2014 – лишь 14%¹². Изменился и спектр тем, связанных с управлением личными финансами, которые волнуют россиян. Больше всего респондентов интересуют законы, защищающие права потребителей, принципы их применения (45%), особенности подписания договоров с банками и другими финансовыми организациями (40%), а также разумное пользование банковскими кредитами (29%). Эти три темы, ставшие наиболее актуальными для населения уже на протяжении двух лет, определяют характер отношений, который сложился на финансовом рынке. Потребители нуждаются в защите своих прав и в знаниях в области правоприменения в практическом смысле. Для москвичей на первое место по значимости выходит

получение информации о «подводных камнях» в подписании договоров с банками и другими финансовыми компаниями (отметили 53%). Россияне стали активнее интересоваться возможными рисками (с 19% в 2012 г. до 24% в 2014) и параметрами сравнения услуг различных финансовых организаций (с 8% до 15% соответственно)¹³. Несмотря на то что недоверие финансовым организациям не высказывают большое количество респондентов, люди понимают, что взаимодействие с финансовыми организациями – это «игра в одни ворота», закрепленная в законодательных актах, обеспечивающих, прежде всего, интересы финансовых организаций. Поэтому потребители финансовых продуктов пытаются себя защитить. Каждому пятому россиянину неинтересна ни одна из тем, связанных с управлением личными финансами, что еще раз говорит об отсутствии у него ресурсов для осуществления такого управления. Для значительной части аудитории управление финансами потеряло актуальность в связи с падением уровня доходов, обусловленным кризисным состоянием внешней экономической среды.

Спрос на новые электронные платежные инструменты и сервисы постоянно растет в условиях снижения притока на рынок платежеспособного потребителя. Расширение финансовых сервисов и овладение финансовой грамотностью происходит для узкого сегмента уже включенных пользователей, обладающих достаточными материальными ресурсами. В структуре их спроса присутствуют такие запросы, как быстрое, предсказуемое и с минимальными потерями времени и средств решение проблем, связанных с платежами, переводами, удобными формами оплаты, предполагающими отказ от реквизитов, автоплатеж, использование кошелька как базы данных, а также осуществление всех этих сервисов на коммуникационных площадках, когда получатель в своем чате выбирает, куда попадут деньги.

Тенденцию в области повышения финансовой культуры и расширения финансовой грамотности можно охарактеризовать как имеющую интенсивный, а не экстенсивный характер. Углубление знаний в области рационального финансового поведения происходит на узком сегменте уже включенных в новые финансовые практики пользователей. Они выделяются активной жизненной позицией, наличием свободных материальных ресурсов, открыты к освоению новых возможностей в финансовой сфере для упрощения расчетов и экономии времени. Финансовая грамотность этого сегмента повышается по мере освоения новых практик использования финансовых сервисов. Хотя изначально задача ставилась добиться повышения финансовой грамотности на широком сегменте пользователей с разным уровнем дохода. Но в российской действитель-

ности самый широкий сегмент российского рынка финансовых услуг это люди, использующие зарплатный проект и не имеющие возможности принять участие в использовании инновационных электронных услуг, предлагаемых финансовыми организациями. Их основные интересы – защитить свои сбережения, а не инвестировать или грамотно распределить свои финансы, так как практически все, что они получают, тратят на текущие нужды. Для значительной части этой аудитории управление финансами потеряло актуальность в связи с падением уровня доходов, обусловленным кризисным изменением условий внешней экономической среды.

В современной российской реальности более высокий доход позволяет не только удовлетворять текущие потребности граждан и их семей, но и предоставляет им возможность заботиться о своем будущем, свободнее используя разнообразные финансовые продукты и услуги для сохранения, инвестирования и приумножения своих средств, а также повышения грамотности в области финансового поведения.

Примечания

- ¹ Концепция Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043-р. [Электронный ресурс] URL: <http://www.misbfm.ru/node/11143> (дата обращения: 05.03.2015).
- ² Инициативный Всероссийский опрос НАФИ проведен в апреле 2015 г. Опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 регионах России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.
- ³ Всероссийский социологический опрос, проведен 25–30 октября 2014г. Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу. Метод: анкетирование. Опрос проведен во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг России, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса – Москву и Санкт-Петербург.
- ⁴ Аймалетдинов Т.А., Имаева Г.Р., Лобанова И.А., Любимова М.В. Энциклопедия финансового поведения россиян: 2013. М.: Радуга, 2013.
- ⁵ Противоречивая финансовая грамотность россиян // НАФИ: Аналитический центр. [Электронный ресурс] URL: <http://nacfin.ru/protivorechivaya-finansovaya-gramotnost-rossiyan/> (дата обращения: 05.09.2015).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Исследование PricewaterhouseCoopers: Экономический кризис в России в 2015 году // Центр гуманитарных технологий, 23.06.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/06/23/7209> (дата обращения: 10.09.2015).

- ⁸ «ФОМнибус» – опрос граждан от 18 лет и старше, 9 февраля 2014 г., 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.
- ⁹ «Финансовая грамотность и финансовое поведение жителей Калининградской области»: социологическое исследование для подготовки целевой программы «Повышение уровня финансовой грамотности жителей Калининградской области в 2011–2015 гг.». [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.minfin39.ru%2Ffactual%2FFinans_2011.pdf&name=Finans_2011.pdf&lang=ru&c=571f3bca8f2c (дата обращения: 10.09.2015).
- ¹⁰ Инициативный Всероссийский опрос НАФИ проведен в ноябре 2014 г. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах и 42 регионах России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.

Практики взаимодействия пенсионеров с ближним окружением

Социальные проблемы людей пожилого возраста, практики взаимоотношения пожилых с другими возрастными группами приобретают в современном обществе особую актуальность в связи с существующей тенденцией увеличения численности людей пенсионного возраста. С выходом на пенсию социальный мир человека сужается, круг общения ограничивается в основном ближайшими родственниками. Изменяющиеся в результате данного процесса практики социального взаимодействия людей пенсионного возраста с ближним окружением стали предметом рассмотрения данной статьи.

Ключевые слова: пенсионеры, гендерные отношения, жизненный мир, практики взаимодействия.

Переход России к рыночной экономике кардинально изменил общество, его экономическое положение, образ и стиль жизни всех социально-демографических групп, особенно пенсионеров. Современные преобразования в системе власти, политической и экономической сферах неизбежно ведут к существенным переменам в общественном сознании и жизненном мире населения, значительную часть которого составляют пожилые люди.

На сегодняшний день численность пенсионеров составляет около 30% населения, они являются большой социальной группой. Практически все страны мира, кроме слаборазвитых, где до преклонных лет очень сложно дожить, превращаются в «государства стариков». В России пожилых людей год от года становится больше, их число ежегодно увеличивается в среднем на 400 тыс. чел.¹

Прекратив работу, пожилой человек сталкивается с новым к себе отношением со стороны привычного круга людей (детей, друзей, родных и близких, бывших коллег). Выход на пенсию – это важное событие не только для конкретного человека, но и для окружающих его лиц. Многие люди склонны думать, что пожилые – это

прежде всего обездоленные люди, нуждающиеся в социальном обеспечении. Другое мнение, разделяемое и самими пожилыми людьми, состоит в том, что эта группа населения представляет значительный человеческий потенциал, который может и должен быть вовлечен в социально активную жизнь общества. Еще одна точка зрения представлена тезисом о том, что пожилые люди – это социальный балласт общества, тормозящий реформы.

Социальные проблемы людей пожилого возраста, проблемы отношения к пожилым людям, практики взаимоотношения пожилых с другими возрастными группами рассматриваются социальной геронтологией. Обобщая существующие подходы к исследованию названных проблем, можно выделить следующие группы теорий: теории разъединения, активности, субкультуры, возрастной стратификации. Теория разъединения (Э. Каминз и У. Генри) представляет старение как неизбежное взаимное отчуждение, снижение взаимодействия между стареющей личностью и обществом, ведущее по мере старения к полному дистанцированию. Теория активности выступает как альтернативная к предыдущей и предполагает, что, вступая в старость, люди сохраняют те же потребности и желания, что и в среднем возрасте, и всячески сопротивляются любым намерениям, имеющим целью исключить их из общества. Ко времени глубокой старости верх берет отчуждение. Н. Смелзер выводит специальные коэффициенты зависимости пожилых людей от людей других возрастов. Причем установление хронологических границ не имеет смысла, так как вступление в каждый из этих этапов весьма индивидуально и не подчинено формальным возрастным нормам. Теория субкультуры (А. Роуз), согласно которой культура становится стержнем, объединяющим людей пожилого возраста, и создает особую близость между ними и в то же время обособливает их от других возрастных когорт. Причем автор теории утверждает, что культура пожилых особая, отличается от культуры всех других возрастных групп. В практическом плане А. Роуз предлагал создание поселков, жилых домов, домов-интернатов для пенсионеров. Теория возрастной стратификации предполагает возрастную дифференциацию наряду с социальной, разделение людей на группы по их образу жизни и материальному положению. В целом можно сказать, что каждая из описанных теорий абсолютизирует значение какого-то одного аспекта в процессе старения².

В 2015 г. во всех 9 федеральных округах в 22 областях, краях и республиках и в 71 селе, с охватом по всероссийской выборке в 1000 человек, были проведены полевые работы социологического исследования «Жизнь на пенсии». Полученные данные позволяют

выявить практики и особенности взаимоотношений пожилых людей с ближним окружением и родственниками.

подавляющее большинство пенсионеров сегодня говорят о том, что они полностью удовлетворены отношениями с близкими (74%). Скорее удовлетворены 17%, совершенно не удовлетворены 3% (табл. 1).

Таблица 1

Удовлетворенность пенсионеров общением с родными и близкими (% от числа опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены общением со своими близкими и родными?	В % от числа опрошенных
Полностью удовлетворен	74
Скорее удовлетворен	17
Скорее не удовлетворен	5
Совершенно не удовлетворен	3
Затрудняюсь ответить	1

Таким образом, мы видим, что в целом взаимоотношения с семьей и родственниками носят преимущественно позитивный характер. Обращаясь к данным более раннего периода (1991 г.), можно отметить, что никаких значимых изменений не выявлено, так как сохранилась тенденция, когда большинство пенсионеров довольны отношениями со своими родными и близкими.

В целом исследование подтвердило, что с выходом на пенсию социальный мир человека сужается, круг общения ограничивается в основном ближайшими родственниками и отчасти соседями, немногими друзьями. Утрачиваются многие связи. Наиболее важной, зачастую практически единственной становится связь с семьей. Семейные ценности доминируют в сознании пожилых людей. Семья становится важнейшей сферой, в которой реализуются многие потребности пожилого человека – материальные, эмоциональные и т. п. Сильная связь с семьей фиксируется сегодня многими социологическими исследованиями. Россияне погружены в повседневность и свое ближайшее окружение. Сегодня семья, комфортное окружение представляет для рядового россиянина наибольшую ценность³.

Многие исследования пенсионеров показывают, что старшее поколение больше отдает, чем получает помощи. «...73% респондентов сами оказывают различного рода помощь своим детям.

Наиболее популярные виды помощи – уход за внуками (49%), деньгами (47%). Материальную помощь своим детям пожилые люди оказывают в основном только за счет пенсии, но все же оказывают»⁴.

Пожилые люди вносят свой вклад в воспитание несовершеннолетних внуков. Они оказывают помощь также среднему поколению своих семей в ведении домашнего хозяйства, помогают деньгами. Наиболее тяжело приходится пожилым людям, не имеющим ближайших родственников, либо имеющих детей, но не поддерживающих с ними отношений»⁵.

Сегодня в российском общественном мнении нередко отмечается негативное отношение к пожилым людям. В научной и научно-популярной литературе межпоколенческая ситуация в России обычно оценивается как неудовлетворительная, особенно в сравнении с более успешными обществами. «Здесь типовыми стали апелляции либо к моделям успешного старения на Западе, являемого нам в медиарепортажах или образах пожилых туристов, либо к восточной традиции почитания старших, хорошо знакомой нам по народам Кавказа и Средней Азии»⁶.

Между тем результаты нашего исследования показали, что в общественном сознании не зафиксировано негативного отношения между пенсионерами и их родными и близкими.

Анализируя различные возрастные группы людей пенсионного возраста, можно сделать вывод о том, что с возрастом уровень позитивного оценивания взаимоотношений с близкими немного снижается. Так, если в возрастной группе 55–59 лет 79% респондентов удовлетворены общением с родными и близкими, то в группе 70 лет и старше – 74% (табл. 2).

Таблица 2

Удовлетворенность общением с родными
и близкими пенсионеров различных возрастных групп
(% от числа опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены общением со своими близкими и родными?	55–59 лет	60–64 года	65–69 лет	70 лет и старше
Полностью удовлетворен	79	75	68	74
Скорее удовлетворен	15	19	21	15
Скорее не удовлетворен	3	4	5	6
Совершенно не удовлетворен	3	1	5	4
Затрудняюсь ответить	0	1	1	2

Еще одна особенность выявлена в зависимости от того, есть ли у пенсионера муж/жена. Так, среди пенсионеров, которые живут с супругом, уровень удовлетворенности общением с родственниками и близкими выше, чем у одиноких людей на пенсии. Вариант ответа «скорее не удовлетворен» выбрали 3% пенсионеров, имеющих супруга, и 7% одиноких людей пенсионного возраста (*табл. 3*).

Таблица 3

Удовлетворенность общением с родными и близкими у одиноких и живущих с партнером пенсионеров (% от числа опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены общением со своими близкими и родными (дети, внуки и другие близкие родственники)?	Живущие с партнером	Одинокие
Полностью удовлетворен	79	69
Скорее удовлетворен	15	19
Скорее не удовлетворен	3	7
Совершенно не удовлетворен	3	3
Затрудняюсь ответить	1	1

В зависимости от материальной обеспеченности пенсионера, его отношения с родственниками также варьируются. В группе пенсионеров с доходом «выше среднего» и «средний» – 79% и 65% соответственно ответили, что удовлетворены (*табл. 4*).

Анализируя материальное положение пенсионеров, отметим, что в число значимых источников в структуре их дохода входит помощь детей, родственников, знакомых – ее отметили 25,7%⁷. В России достаточно широко распространена традиция внутрисемейных и межсемейных трансфертов. Анализ домохозяйств показывает, что наиболее часто реципиентами трансфертных обменов становятся одинокие женщины пенсионного возраста, за ними следуют домохозяйства, состоящие только из пенсионеров, и, наконец, одинокие мужчины пенсионного возраста. Особенно значимой такая помощь оказывается для неработающих пенсионеров. Донорами чаще всего становятся дети, живущие отдельно, или другие родственники. В среднем объем получаемых пенсионерами трансфертов не превышает трети среднедушевого дохода домохозяйства. При этом пенсионеры также оказывают помощь своим детям и внукам. Самыми активными донорами являются домохозяйства,

состоящие только из пенсионеров (половина указанных домохозяйств в той или иной степени оказывает поддержку детям или внукам) – чаще это делают те, у кого есть работа. Более того, каждое шестое домохозяйство, состоящее из пенсионеров, умудряется откладывать в качестве сбережений часть своего дохода. Кроме того, несмотря на невысокий уровень дохода домохозяйств, состоящих из пенсионеров, они исправно оплачивают счета за жилье – наличие пенсионеров в семье резко снижает вероятность наличия задолженности по квартплате⁸.

Таблица 4

Влияние материальной обеспеченности пенсионеров на удовлетворенность общением с родными и близкими
(% от числа опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены общением со своими близкими и родными (дети, внуки и другие близкие родственники)?	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий
Полностью удовлетворен	100	79	65	76	78
Скорее удовлетворен	0	17	17	18	14
Скорее не удовлетворен	0	3	10	3	4
Совершенно не удовлетворен	0	0	5	3	2
Затрудняюсь ответить	0	0	2	1	1

Треть российских пенсионеров живут отдельно от более молодых родственников. Это сильно сказывается на уровне благосостояния семей, причем не в лучшую сторону. Если, например, в 1990-х гг. довольно часто бывало, что вся семья жила на «бабушкину пенсию», то сейчас все совершенно иначе. Пенсионер (впрочем, как и ребенок) – это для семьи дополнительная обуза даже при самых теплых взаимоотношениях. 32% семей, где есть пенсионеры, признались социологам, что их материальное положение значительно ухудшилось. Но все же большинство детей помогают своим родителям⁹.

Со своей стороны, пенсионеры испытывают большое желание помогать своим родным и близким. Более трети россиян собираются продолжить работать после достижения пенсионного возраста. Еще столько же – 37% – готовы трудиться, если к этому их подтолкнут обстоятельства. И только каждый десятый точно ответил, что работать на пенсии не будет. Так, россияне, отвечая на вопрос о том, почему они собираются работать, часто заявляли о своем желании тем самым помочь своим детям и внукам. «Почти каждый второй сказал, что пенсионеры хотят материально помочь своим детям и внукам»¹⁰.

Подводя итог, можно сказать, что положение пожилых людей во многом зависит от того, в какой семье они проживают, а также от их брачного состояния. Родственники и члены семьи являются для пенсионеров очень важной социальной группой. 33% респондентов пенсионного возраста отмечают, что часто испытывают чувство надежной поддержки близких; 86% пенсионеров, отвечая на вопрос «Предположим, Вы оказались в затруднительном положении, к кому обратитесь в первую очередь за помощью?», выбирают ответ «Члены семьи, родные»¹¹. Таким образом, мы видим, что пенсионеры нуждаются в поддержке и внимании со стороны родственников и близких друзей. Позитивным является и тот факт, что большая часть пенсионеров удовлетворены отношениями с близкими.

Пожилый человек нуждается в семье, прежде всего, в связи с потребностью в общении, взаимопомощи. Это объясняется тем, что пожилой человек уже не имеет прежних сил и энергии. Пенсионерам, живущим в семьях, намного легче. Не только с точки зрения материального достатка, но и с точки зрения возможности выполнять социальную функцию – передавать опыт молодому поколению, помогать в воспитании детей.

Большое значение для пожилого человека имеет эмоционально-психологическая «подпитка», получаемая от сознания проявляемой по отношению к нему заботы. Чаще всего дети помогают своим пожилым родителям. Взаимодействие пожилых людей со своими взрослыми детьми далеко не всегда ограничивается получением помощи.

Примечания

¹ Пенсионеров в России в ближайшие три года будет все больше // РИА-НОВОСТИ. 05.07.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20130705/947941313.html#ixzz3steB3YAB> (дата обращения: 11.01.2016)

² Щирова А.И. Отношение молодежи к старости и пожилым людям: опыт теоретико-эмпирического анализа // Студенческий научный форум: Материалы

- конференции: 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6976.pdf> (дата обращения: 11.01.2016).
- ³ Семья и дружба для россиян превыше всего – опрос // Информационно-аналитический портал Interfax. 27 июня 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/142885>
- ⁴ Анализ социологического опроса «Социальное самочувствие граждан пожилого возраста». 2012. Информационно-аналитический портал Министерства социального развития правительства Саратовской области. [Электронный ресурс]. URL: http://www.social.saratov.gov.ru/upload/iblock/a44/balakovo_uszn_socopros_11102012.pdf (дата обращения 11.01.2016).
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Смолькин А.А.* Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 107.
- ⁷ *Дорофеева З.Е.* Социальное положение пенсионеров // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 162–163.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Добрынина Е.* Пенсия меньше, чем жизнь // Российская газета. 2006. 23 нояб. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2006/11/23/pensionery.html> (дата обращения: 11.01.2016).
- ¹⁰ *Петин В.* Требуется пенсионер // Российская газета. 2015. 20 нояб. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2015/11/20/pensionery-site.html> (дата обращения: 11.01.2016).
- ¹¹ Исследование «Жизненный мир россиян» (2014). При финансовой поддержке гранта РНФ (проект №14-18-02016).

Гражданская активность современной гуманитарной интеллигенции

В данной статье на основе данных исследования жизненного мира россиян 2014 г. проводится анализ гражданской активности современной гуманитарной интеллигенции через оценку ее участия в социальной и политической жизни. Поднимается проблема политической и социальной пассивности представителей гуманитарной интеллигенции.

Ключевые слова: гуманитарная интеллигенция, роль интеллигенции, социальная и политическая активность.

Изучение проблемы специфической природы интеллигенции, ее роли и места в истории России не теряет своей актуальности в настоящее время. Многообразие подходов в определении понятия «интеллигенция», отсутствие единства в трактовках временных границ появления данной социальной группы, с одной стороны, затрудняют выбор подходов к изучению интеллигенции, а с другой – создают богатую дискуссионную почву для научных изысканий в этом направлении. С течением времени подходы к изучению интеллигенции претерпевали ряд изменений, а внимание исследователей концентрировалось как на социально-профессиональных, так и на нравственно-этических аспектах жизненного мира данной общности. В настоящее время немаловажным аспектом в изучении природы интеллигенции является оценка ее гражданского потенциала, включающая анализ социальной и политической активности данной группы. Осмысление сущности интеллигенции через призму ее гражданской активности позволит сделать вывод о том, можем ли мы на сегодняшний день рассматривать интеллигенцию как социально активную прослойку населения и можем ли говорить о данной социальной группе в контексте исторически сложившегося представления о ней как о группе, выполняющей особую роль в жизни общества.

Прежде всего следует отметить, что, по данным исследования жизненного мира россиян, проведенного в 2014 г., доля представителей интеллигенции, высоко оценивающих роль интеллигенции

в современном обществе, крайне незначительна и составляет всего 13,3%. При этом 29,5% отмечают, что она оказывает среднее влияние на жизнь общества, 26,7% – что роль интеллигенции незначительна, 14,8% отмечают, что интеллигенция практически не играет никакой роли. Схожие позиции в оценке роли интеллигенции характерны и в целом для россиян, лишь 9,3% которых говорят о значительной роли интеллигенции, при этом 19,7% отмечают, что данная социальная группа практически не играет никакой роли¹.

Анализ данных позволяет сделать вывод, что подобные низкие оценки небезосновательны и находят отражение в достаточно низком уровне участия в политической и социальной жизни страны представителей гуманитарной интеллигенции.

На сегодняшний день мы можем констатировать, что политическая пассивность является одной из характерных черт жизненного мира российской интеллигенции. Активный интерес к политике выражают только 17,6% представителей данной группы, 26,7% отмечают, что совсем не интересуются политикой. Интерес к политике у представителей гуманитарной интеллигенции проявляется в основном только через заинтересованность отдельными проблемами (55,7%). Практически половина представителей данной социальной группы затрудняются в идентификации собственных политических взглядов (44,8%)².

Об отсутствии заинтересованности во включенности в политические процессы, происходящие в стране, в определенной мере говорит и тот факт, что в качестве основной формы политической активности гуманитарной интеллигенции остается лишь участие в выборах. Процент участия в демонстрациях, митингах, забастовках, пикетах, подготовке петиций и т. п. весьма незначителен (*табл. 1*).

При этом мы видим, что, даже подтверждая свое участие в выборах, люди не всегда могут уточнить, о каких конкретно выборах идет речь. При ответе на вопрос об участии в различных формах политической жизни страны в 2014 г., 22,9% респондентов в анализируемой группе отмечают участие в выборах в Государственную Думу РФ, которые на самом деле проводились в 2011 г. Таким образом, можно сделать вывод, что политическая пассивность в свою очередь может порождать недостаточную информированность и компетентность в отношении вопросов политики, политических событий и процессов, происходящих в стране.

Особо следует отметить, что 43,8% представителей гуманитарной интеллигенции характеризуют ситуацию в современной России как кризисную; 56,7% отмечают, что не совсем удовлетворены тем, как развивается демократия в нашей стране, а 28,1% – что не удовлетворены³.

Однако осознание существующих проблем и трудностей в представлениях граждан не всегда предполагает наличие активной гражданской позиции и желания быть вовлеченным в социально-политическую жизнь страны и, в частности, в решение существующих проблем. При том, что 80,5% представителей анализируемой группы считают себя патриотами, 56,7% ощущают себя гражданами Российской Федерации, практически половина представителей гуманитарной интеллигенции в принципе не задействована в политической жизни страны и не участвует ни в каких формах политической активности⁴.

Таблица 1

В каких формах политической жизни Вы участвовали в 2014 году? (в % от опрошенных)

Участвовали в пикетах	1,4
Участвовали в забастовках	0
Участвовали в демонстрациях, митингах	6,7
Подписывали петиции, обращения	6,2
Участвовали в выборах в местные и региональные органы власти	47,6
Участвовали в выборах в Государственную Думу	22,9
Не участвовали ни в каких формах	44,8
Еще в чем?	1

Источник: «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е гг.)», грант РНФ №14-18-02016.

Следует отметить, что подобная ситуация наблюдается не только в отношении участия в политических организациях и сопричастности к политической жизни страны. Подобная пассивность среди представителей гуманитарной интеллигенции также проявляется в различных направлениях культурной и социальной деятельности в целом.

Так, например, по данным исследования жизненного мира россиян, проведенного в 2014 г., более половины представителей гуманитарной интеллигенции не включены в деятельность никакой общественной организации (61,4%). Значительный процент участия наблюдается лишь в отношении профсоюзных организаций, вхождение в которые, стоит отметить, носит традиционный характер для государственных учреждений в сфере культуры и

образования, науки и медицины, в которых работают представители гуманитарной интеллигенции, но не обязательно предполагает общественную активность ее участников. Доля интеллигенции, задействованной в деятельности других общественных организаций, при этом крайне незначительна и по большинству пунктов не превышает 2–3%⁵.

Наибольшую заинтересованность представители рассматриваемой социальной группы проявляют в отношении вопросов личного комфорта, повседневных проблем, связанных с организацией труда и условиями жизни (проблемы здравоохранения, общественный транспорт, проблемы в сфере торговли, очереди и т. д.) (табл. 2).

Таблица 2

Какие проблемы в Вашем городе, районе,
селе в первую очередь Вас волнуют?
(в % от опрошенных)

Плохое решение жилищно-коммунальных проблем	58,6
Проблемы здравоохранения	60,5
Проблемы обучения детей	34,8
Плохое транспортное сообщение	14,3
Отсутствие условий культурной жизни	14,8
Отсутствие условий для занятия физкультурой и спортом	8,6
Плохая экология	26,2
Криминальная обстановка, преступность	18,6
Что еще?	3,3
Ничего не волнует	4,8

Источник: «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е гг.)», грант РНФ №14-18-02016.

В попытке определить первопричину подобной политической и социальной пассивности можно сделать предположение о том, что во многом она продиктована существующими представлениями о невозможности повлиять на ситуацию. Большинство представителей гуманитарной интеллигенции не видят реальных возможностей влиять на преобразования как на уровне государственных решений в стране, так и на уровне проблем, связанных

с их ближайшей зоной окружения (по месту жительства, на работе), что, возможно, и приводит к сознательному дистанцированию от активного участия в различных формах политической и социальной жизни.

Подводя итоги, можно сделать вывод о существующей на сегодняшний день проблеме социально-политической пассивности со стороны представителей группы гуманитарной интеллигенции. Отстраненность от деятельности общественных организаций, низкий уровень вовлеченности в общественную жизнь, низкий уровень включенности в различные формы политической активности, в совокупности с отсутствием четких представлений о собственных возможностях в принятии решений в отношении жизни страны во многом снижает оценку гражданского потенциала данной социальной группы и приводит к восприятию ее роли как весьма незначительной в современном российском обществе.

Примечания

¹ Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е гг.), грант РФФИ №14-18-02016. Опрошено 1750 человек (среди них 205 чел. – представители гуманитарной интеллигенции) в 18 регионах страны (21 населенном пункте) 25–30 октября 2014 г. (37% опрошенных составили россияне от 18 до 29 лет).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Совместные покупки как новая экономическая практика родительского сообщества

В статье рассмотрен новый феномен неформальной экономики – совместных покупок (СП) – как практики выживания и образа жизни современных семей с детьми. Приводятся доказательства интернализации ценностей и принципов СП: сетевые взаимодействия, субкультура, играизация покупок.

Ключевые слова: семья, совместная покупка, неформальная экономическая практика, геймификация покупок, неправова́я практика, сетевая организация.

Многие российские семьи начинают воспринимать последствия экономического кризиса как обычные жизненные проблемы, «неприятности любого времени» и связывают свою стратегию со способностью адаптироваться к новым условиям, не просто выживать, а не снижать своего уровня потребления.

Одной из таких технологий проживания непростых времен для семей с детьми становятся совместные покупки. *Совместная покупка* (синонимы – совместная закупка, коллективная покупка) – процесс, при котором несколько лиц объединяются в группу для приобретения товаров непосредственно от поставщика или производителя по оптовым ценам. Между поставщиком и покупателями в качестве посредника выступает не официальный продавец, а так называемый организатор закупки. Он занимается подбором ассортимента, переговорами с поставщиком, сбором заказов и оплаты от участников покупки, получением товара и передачей. Для оплаты своих затрат организатор на цену товара начисляет организаторский процент, в среднем составляющий 15% от оптовой цены товара (от 10 до 20 % в отдельных случаях). Оплата может происходить либо на собственные средства организатора, либо по предоплате участников.

Первое упоминание об объединении покупателей относится к 60-м гг. XIX в. Но тогда инициатором таких оптовых покупок выступил Джордж Гилман, основатель Great Atlantic & Pacific Tea Company в Нью-Йорке, рассылал клиентам предложения организовывать «клубы покупок» среди своих соседей и совместно делать заказы чая и кофе, получив хорошую скидку. Организатор соседей получал за свои усилия дополнительную упаковку товара. К началу XX в. в США и Европе такие клубы формировались соседями по району для закупки продовольственных товаров. В современном Китае совместные покупки «туангоу» служат также возможностью поторговаться с поставщиками и получить оптовую партию товаров со скидкой¹.

В России совместные покупки начали появляться в середине 2000-х гг. Спецификой совместных покупок в России является то, что основными участниками покупок выступали молодые мамы, которым необходимо было покупать множество детских вещей при весьма ограниченных средствах. Через некоторое время самые активные участницы стали заниматься организацией закупок на постоянной основе, взимая за свои услуги небольшой процент. Развитие Интернета позволило вывести старую идею на новый уровень: сегодня совместные покупки часто совершаются через Интернет на специализированных сайтах, тематических форумах или через социальные сети.

«Для меня это уже образ жизни. Я зарегистрировалась [на этом сайте покупок. – С. М.-Щ.] в 2008 г. и почти все покупаю здесь», «Лично для меня (провинциалки) СП – это возможность приобрести брендовые вещи, которых в нашем городе просто не купишь, ни один предприниматель у нас еще не открыл магазин. СП – это мой торговый центр. Эх, были времена – закупалась на рынке, в холод и дождь. А теперь сижу в теплом кресле, с чайком и... покупаю», – так описывается этот процесс на форуме сайта, где мы и проводили свое исследование².

Драйверами роста совместных покупок являются товары для детей, подобно тому как в интернет-торговле сначала эту роль выполняли компьютеры и их комплектующие, книжная продукция, CD/DVD, а в прямых продажах традиционно лидируют косметические товары и товары личной гигиены³. В 2015 г. в России практически каждый крупный родительский форум имеет раздел, посвященный совместным покупкам (<http://www.7ya.ru/>; <http://eva.ru/>; <http://sibmama.ru/>; <http://www.eka-mama.ru/>), и многие другие. В некоторых случаях он закрыт для новичков, случайных

«не проверенных» участников, как, например, на сайте <http://materinstvo.ru>. Это делается для того, чтобы у сайтов была возможность рекламировать официальных поставщиков и розничные сети тех или иных брендов детских товаров, при этом фактически совместные покупки – сервис, являющийся конкурентом официальных рекламодателей сайтов, проводящий демпинг.

С точки зрения участников-родителей технология совместной покупки выглядит так:

1. Организатор открывает закупку и указывает условия участия в закупке, прайс-лист. Товар выбирается клиентом непосредственно с сайта фирмы-поставщика или из каталога, созданного организатором. За счет оптовой закупки партии товара цены, предлагаемые поставщиком, ниже розничных цен на тот же товар в магазине.
2. Участники закупки (покупатели) делают заказы.
3. Организатор отправляет общий заказ поставщику для согласования наличия товара, объявляет сроки и варианты сбора денег.
4. Получает товар, сортирует для раздачи покупателям, при необходимости делает перерасчет с участниками совместной покупки.
5. После разбора товара для участников объявляется место раздачи и организатор выдает заказы, осуществляет возвраты денег.

Мы полагаем, что анализ данного явления невозможно ограничить рамками экономики, и предлагаем подходы к обоснованию данного феномена в нескольких социологических аспектах. Прежде всего, проанализируем его как *неформальную экономическую практику («ненаблюдаемая экономика» и формы самозанятости) и сетевую организацию*.

Регулярная организация совместных покупок требует регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и уплаты налогов. Однако большинство организаторов этого не делают, мотивируя тем, что они не занимаются прямой торговлей, они выполняют лишь посреднические услуги. Такая форма самозанятости крайне удобна женщинам, имеющим детей, не требуется значительного начального капитала, нет зависимости от образования и опыта, что позволяет зарабатывать и добиваться успеха людям из различных социальных слоев. Коммерческие риски в данном виде бизнеса по сравнению с другими областями предпринимательства минимальны. Молодые мамы рассматривают это как временную подработку, основанную на виртуальном общении. СП как сеть дает им возможность проводить большую часть своей работы не выходя из дома, товары и их свойства известны, клиенты с их запросами понятны. Эта работа дает возможность отойти от рутины домашнего

быта и приобрести дешево товары, прежде всего для своей семьи. Отсутствие социальных гарантий компенсируется этими фактами, а также возможностью дополнительной экономии – не платить налоги. Лишь отдельные организаторы зарабатывают больше, чем формальные продавцы. При этом все оценивают свой статус часто выше, чем занятые официально в сфере торговли, так как обладают двумя важными, на их взгляд, преимуществами: они сами регулируют свою занятость по времени, интенсивности, приоритетам, а также выполняют важную социальную миссию – противостояния розничным сетям, поддержке семей и нуждающихся.

СП создает новые рабочие места путем самозанятости организаторов, а также «обрастания» специальными дополнительными работниками (курьерами, раздающими заказы на встречах и в специальных пунктах раздачи, наполняющими каталоги в электронной форме). По нашим оценкам, сайт имеет более 70 тысяч участников, более 200 организаторов и еще столько же дополнительных работников с частичной временной занятостью. Одновременно на нем осуществляется свыше 800 закупок.

Неуплата налогов с деятельности не исключительная проблема СП. Социологи выяснили, что утаивание рядом предпринимателей и работников части доходов от налоговых служб, их солидаризация в этом отношении отчасти объясняется несовершенством и несогласованностью налогового законодательства, системы медицинского страхования, пенсионного обеспечения и др. Весьма распространены случаи культурно допускаемых нарушений в группе организаторов закупок: совмещение статуса безработных с неоформляемой работой, которая скрывается от служб занятости, получение официального статуса, гарантирующего материальную господдержку (мать-одиночка, многодетная мать на пособии) и др.

Отношения в системе совместных покупок по обоюдному согласию организаторов и участников заведомо носят неправовой характер, который оба актора принимают с той или иной долей выгоды для себя, но погружение в это взаимодействие чаще всего интерпретируется вне контекста нарушения экономических составляющих. Неправовые практики определяются учеными как совокупность устойчивых и массовых социальных действий (взаимодействий), связанных с нарушением акторами разных уровней норм права⁴. Считается, что неправовые социальные практики сталкиваются с представлениями людей о праве и справедливости. У данной группы граждан сложились определенные представления о том, какие социальные действия являются правовыми, а какие – неправовыми. Многие участники СП понимают, что эти

действия организаторов противозаконны, но не осуждают их, так как считают более нечестными действия поставщиков и розничных продавцов, накручивающих цену в 1,5–2, а то и 3 раза. «Ох и жадная... как только сходишь к какой-нибудь магазин, цены посмотришь, и давай бегом в СП жадничать», – один из примеров самообъяснения участия в неправовой деятельности.

Для поддержания этой уверенности и убежденности применяются особые приемы: при анонсе новой закупки проводится сравнение цен, объяснения необходимости экономии. *Эти взаимодействия не просто взаимовыгодные (все получают определенный выигрыш), они солидаристические.* Неформальная система экономических отношений в СП довольно часто похожа на систему родственных / близких дружеских / соседских отношений. Расчет проводится неофициально, без подтверждающих документов, таких как товарный чек, расписка и т. п. Все отношения строятся только на доверии между организатором и участниками закупки, при наблюдающем участии администрации.

В современных условиях развития электронных платежей все чаще сбор средств идет через безналичный расчет, реже назначается место сбора наличных. Все этапы закупки освещаются организатором на форуме. Однако такого рода торговлю нельзя в полной мере отнести к обычным дистанционным формам. По данным Euromonitor, наибольшая доля внемагазинной торговли приходится на интернет-магазины (49%), второе и третье места делят прямые продажи (24%) и торговля по почте (24%), и, наконец, замыкает этот список торговля через автоматы (3%). Число занятых в России в данном сегменте за последние 10 лет увеличилось в 10 раз⁵. Дистанционная форма предполагает отсутствие непосредственного контакта покупателя с продавцом, отсутствие прямого (тактильного, фактического) контакта с образцами выбираемого товара, выбор товара без участия продавца, доставку покупателю без непосредственного продавца. Здесь же скорее система соответствует определению сетевой организации.

Формально-правовые нормы, призванные регулировать именно формат совместных покупок, отсутствуют, в силу чего *основным регулятором социальных практик становятся социокультурные нормы*, укорененные в общественном опыте. СП становятся устойчивым, постоянно воспроизводящимся феноменом в среде семей, особенно с молодыми родителями, практически «живущими в сетях». Этот феномен интегрируется в их систему экономических и неэкономических общественных отношений, становится привычным образцом поведения «новых родителей общества потребления» и постепенно *интернализуется* ими.

«Ну нет у меня времени на магазины! Бегать по всей Москве, искать необходимую вещь просто некогда! А тут зашел, раз, два – и заказчик, через онлайн оплатил, а потом ЕМС или паровозик [объединение при получении заказа. – С. М.-Ш.] с соседями – и он дома. Именно то, чего хотелось и что обдуманно выбиралось, а не первое попавшееся “оно” из первого попавшегося магазина».

«Женщины с активной жизненной позицией, от бизнесвумен до любящих себя домохозяек, которым не без разницы, в каком халатике сидеть перед компом... и совершенно не все равно, как выглядят их дети и мужья, и другие любимые родственники! ...И тут у нормального человека включается мозг, и он начинает искать. И находит СП».

К неправовым практикам внутри сети относят некачественный труд организаторов, например, несоблюдение сроков выкупа и раздачи товара, завышение каталожных цен. Участники не должны нарушать установленные сетевые взаимодействия, например, нельзя отказываться от заказа, если ты «стоишь» в полном размерном ряду и твой отказ не даст возможность приобрести заказанное для всех. Все заинтересованы в устойчивости СП. Именно сеть стимулирует участников делиться своим опытом, выставлять «хвасты» – рассказы об уже приобретенных вещах, советовать что-либо к покупке или откровенно предупреждать о недостатках или особенностях товара. «Всем миром» (сетью) осуществляются благотворительные покупки для детских домов, домов престарелых, приютов животных. Через своих представителей (модераторов и администраторов, как правило, из среды лучших организаторов и участников) сеть организует социальный контроль над взаимодействиями, определяет и вводит санкции к нарушителям. Единичные случаи сбоев в системе (недобросовестных организаторов, поставщиков или участников) решаются также с привлечением сети (поиск должников через виртуальные и реальные контакты, сбор компенсаций и т. п.).

Геймификация покупок в рамках СП. Участие в закупках привлекает не только экономией. Покупка в определенной степени становится выигрышем в виртуальной игре, сам процесс уже организован по принципу соревнования (например, крайне важно успеть к началу открытия сбора, дожидаться быстрой распродажи, занять первые места, иметь возможность выбора цвета). В некоторых случаях участники начинают совершать покупки по принципу сбора паззлов (подбора разных элементов по цвету, стилю, по цепочке). Таким образом, при играизации СП из формы экономии может трансформироваться в форму расточительности.

«Выкупленное в СП развесила, т. е. в шкафу осталась только одежда по размеру на новый учебный год. В итоге в шкафу оказалось 78 предметов школьной одежды (брюки – 4 шт.; сарафаны – 15 шт.; блузки, кофточки – 32 шт.; жилеты – 12 шт.; юбки – 15 шт.).»

«Начав закупаться в СП, я закупую все впрок большего размера.»

Причастность к продолжительной деятельности способствует созданию своеобразной *субкультуры СП*. Ее основными элементами становятся социокультурные инварианты, модели поведения и артефакты. Сленг СПшников ничем не проще, чем языковой инвариант закрытых сообществ: слова «*пристрой, паровоз, стоп*» также непонятны невключенным в группу, «чужим». Устанавливаются ранги участников («пантера шопинга», «вип-пользователь» и ранги организаторов). Есть правила обращения, объединения в доставке среди соседей, разрешения конфликтов при покупке. Есть прецеденты совместных очных сборов участников в оффлайне и проведения юбилеев сайтов покупок.

Что будет происходить в дальнейшем с этим социальным явлением? По предположениям Росстата, доля теневой экономики частично сокращается в результате таких мер, как проведение налоговой реформы и регулирование экономики, а отчасти благодаря росту официального сектора экономики. История развития групповых покупок показывает, что *этот торговый инструмент возникает как реакция рынка на определенные обстоятельства*. Прежде всего, это ограниченные бюджеты покупателей и неразвитая розничная торговля, неспособная соответствовать этим бюджетам.

Официальная экономика не способна обеспечить эффективную трудовую занятость мам, воспитывающих детей, и приемлемый жизненный уровень семей с детьми. Обстоятельства «смутного» в экономическом и правовом смысле времени будут благоприятствовать развитию экономической формы СП. Такая *ниша нередко помогает семьям выживать в большей степени, чем меры социальной поддержки*. Укреплению доверия к СП способствует создание специализированных торговых электронных платформ, постепенная стандартизация деятельности, процедур саморегулирования, развитие средств коммуникации и логистической инфраструктуры, но главное – ценностей СП.

«Я надеюсь, что СП будет вечнее всех живых», – пишет на форуме одна из участниц СП. И мы склонны считать, что эта надежда будет реальностью в обозримом будущем. Возможности применения репрессий против СП ограничены, поскольку имеет место групповая солидарность (участники СП будут всегда на стороне организаторов). Прямое административное давление на вир-

туальные сети малопродуктивно⁶. Повышение уровня жизни и развитие торговли не снимет необходимость в совместных покупках. Выявленный нами процесс интернализации СП в семьях с детьми (сетевая организация, субкультура, играизация покупок) затруднит вытеснение этих практик с экономической арене.

Примечания

¹ История совместных покупок. 06.02.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://spark.ru/startup/repka/blog/2283/5-istoriya-sovmestnih-pokupok> (дата обращения: 01.10.2015).

² Авторское исследование «СП как новая экономическая практика родительского сообщества» проведено в 2008–2015 гг. Метод исследования – кейс-стади сайта materinstvo-shop.ru (включенное наблюдение, конверсационный анализ материалов форума сайта).

³ Особенности и тенденции развития внемагазинной торговли России: текущее состояние, потенциал развития, регулирование. М.: НИУ ВШЭ, 2011.

⁴ *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России. [Электронный ресурс] URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/146/463/1217/001.ZASLAVSKAYA.pdf> (дата обращения: 01.10.2015); *Заславская Т.И.* Социальный механизм расхождения формальных институтов и реальных практик // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 3–15.

⁵ Особенности и тенденции развития внемагазинной торговли России: текущее состояние, потенциал развития, регулирование. М.: НИУ ВШЭ, 2011.

⁶ Налог для шопоголиков: Организаторы совместных покупок, чьими услугами пользуются миллионы российских шопоголиков, неожиданно заинтересовали Федеральную налоговую службу // Коммерсантъ Деньги. 2013. 15 июля. № 27 (935).

Транснациональное родительство: исследования и проблемы

В статье рассматриваются проблемы, связанные с миграцией родителей по экономическим и/или социокультурным причинам и формированием транснационального родительства. Мы можем говорить о нарушении семейной общности, отчуждении, трудностях в отношениях как взрослых, так и детей, об отклонениях в процессе социализации и психологическом развитии ребенка.

Ключевые слова: родители, дети, миграция, транснациональное родительство, отцовство, социализация.

Среди многочисленных проблем, связанных с миграцией, немного исследований, посвященных разделенным семьям, проблемам социализации детей, растущих практически без родителей, преимущественно отцов. Российские социологи почти не обращались к этой тематике, возможно, потому, что, на первый взгляд, в России проблема не бросается в глаза, не хватает социологических и статистических данных, государственные структуры (в том числе органы опеки и попечительства) этим также не интересуются. Мы пока больше озабочены миграционными проблемами внутри страны. Но ведь и российские граждане выезжают за границу на работу, стажировки, на учебу. Меньший масштаб проблемы не означает ее отсутствия. Кроме того, внутренняя миграция зачастую имеет те же последствия. Занимаясь тематикой отцовства и родительства, автору статьи приходилось сталкиваться с разделенными (транснациональными) семьями, брать интервью у таких матерей и отцов.

Определимся с понятиями. Словарные определения выражений, уже устоявшихся в немногочисленных публикациях по этой проблематике («транснациональная семья», «транснациональное (трансграничное) родительство», «транснациональное отцовство», «транснациональное материнство»), отсутствуют. Попытку обозначить «транснациональное родительство» «как семейное общение

на основе привязанностей, заботы и финансовой поддержки, преодолевающие национальные границы», предприняли зарубежные авторы¹. Но возникает вопрос: насколько семейные и детско-родительские отношения способны выдержать жизнь на расстоянии? Однозначного ответа нет. Мы определили *транснациональную семью* как разделенную семью, где родители и/или дети проживают в разных странах и с неодинаковой степенью успешности поддерживают семейное единство с помощью современных средств коммуникации. *Транснациональное родительство* – социальное явление, обозначающее родственные отношения родителей и детей, проживающих по разные стороны государственных границ.

В странах ближнего зарубежья проблема стоит остро, поэтому есть исследователи, обращающие на нее внимание. В «Социологических исследованиях» был опубликован материал о влиянии трудовой миграции родителей на социализацию подростков² в Литве. Авторы пишут о том, что в последние годы в странах Центральной и Восточной Европы, в том числе и в Литве, увеличилась временная трудовая миграция. Оценить ее очень сложно, потому что немало временных мигрантов работает нелегально, а данные статистических агентств значительно различаются. В Литве, по различным источникам, временно из страны с целью работы эмигрировало от 10 до 20% населения. Считается, что когда люди мигрируют лишь для работы и без цели переселиться на постоянное жительство, это полезно для экономики всего мира и особенно для развивающихся стран. Но большинство выезжающих за границу людей оставляют в своей стране семьи, в которых растут дети. Приходится признать, что из-за этого происходит трансформация института семьи, а социализация детей испытывает существенные изменения. Авторы пишут, что появились исследования, в которых рассматриваются отдельные аспекты этой проблемы. Например, в одном из них констатируется, что часть детей в возрасте до 7 лет переживает кризис разлуки с временно выезжающими на работу за границу родителями (9% детей сталкиваются с долговременными эмоциональными и поведенческими трудностями, 38% испытывают кратковременный эмоциональный кризис, 14% имеют проблемы с поведением). 10–11-летние дети родителей-мигрантов также испытывают психологические и социальные проблемы.

Оставаясь с одним из родителей или совсем без родителей, ребенок лишается возможности следовать их примеру и учиться у них. У него не формируется нуклеарная модель семьи, в которой вместе живут родители и дети. Ребенку трудно осознать ценности родителей, их культуру и мораль, нарушается эмоциональная

система семьи: ограничиваются совместные переживания и деятельность. Дети получают меньше внимания. У младших детей чаще возникают отрицательные эмоции и болезненные переживания. Подростки переживают отрицательные эмоции острее, если уезжают на заработки оба родителя. 97% детей с отъездом родителей переживает тоску (постоянно – 32%, часто – 32%, иногда – 31%); грусть – 86%, тревогу – 77%, страх – 50%, злость – 28%. Из рассказа матери³: «Дети скучают по отцу, но, когда он приезжает, как будто заново привыкают к нему. Особенно переживает дочка, говорит, что если бы папа больше их любил, то не уезжал бы так надолго. Ей не хватает папиного внимания, потому что, приезжая, муж больше занимается сыном. И папиной твердой руки ей тоже не хватает. Проблемы возникли и у нас с мужем». В результате семья решила, что после окончания средней школы дочерью они все переедут в Финляндию, где папа уже получил вид на жительство. Это относительно благополучная история.

В другой семье на заработки в Испанию уехала мама, получившая хорошую работу. Двое детей-подростков остались с отцом. Несмотря на все усилия родителей, их попытки объяснить ситуацию необходимостью зарабатывать деньги для семьи, дети обиделись на мать, «бросившую» их в такое сложное для них время, и перестали с ней общаться. «Дети говорили: да мы бы лучше экономили, ничего лишнего не покупали, чем она уехала»⁴. Отношения родителей также дали трещину, семья распалась.

Добавим, что помимо временной миграции, многие семьи из Литвы, Латвии, Эстонии эмигрируют навсегда. Как правило, предварительно родители уезжают, получив работу и оставив детей на попечение родственников, чтобы обосноваться и закрепиться на предполагаемом новом месте жительства. Такой период адаптации, часто до получения вида на жительство, может составлять от года до нескольких лет. Дети, оставшиеся на родине, погружаются в те же социально-психологические проблемы.

А.В. Толстокорова рассматривает новые идеи в изучении миграции на основе транснационального подхода, в сферу ее интересов входит и транснациональное родительство⁵. Исследование, посвященное миграции и родительству, было проведено в Украине⁶. Автор этого материала основной акцент делает на трансформации гендерных ролей и института отцовства, отмечая разнонаправленность изменений. С одной стороны, наблюдается формирование категории «новых отцов»: появление мужчин, поддерживающих отношения с семьей и детьми на расстоянии. Гендерный императив «кормильца семьи» зачастую вынуждает мужчин-мигрантов жертвовать своим здоровьем, физическим

комфортом и эмоциональным благополучием. Иногда это отчуждение от семьи сказывается на них тяжелее, чем на женщинах. При этом значимость отцовства для мигрантов может снижаться в силу ослабления связей с семьей и детьми из-за больших расстояний, но может и усиливаться благодаря укреплению отцовского авторитета через повышение экономического статуса. С другой стороны, с усилением феминизации миграции из Украины сформировалась когорта мужчин, вынужденных принимать на себя ответственность за семью, детей и ведение домохозяйства на родине. Автор называет эту модель «активным отцовством», хотя многие отцы соглашались практиковать ее только до тех пор, пока матерей нет дома. Другие, оставаясь дома на хозяйстве, готовы воспитывать не только собственное потомство, но даже приемных детей своих жен, появившихся на свет за границей. Но выполнение мужчинами домашней работы как феминизированной, непрестижной, незаметной и неоплачиваемой приводит к девальвации статуса отца в семьях, где представители мужского пола не имеют возможности выполнять свои традиционные функции «кормильца семьи». Отцы еще одной группы из транснациональных семей не находят себе применения в условиях инверсии гендерных ролей, превращаясь в иждивенцев. Возникающие в результате отъезда жен на заработки проблемы мужчин на личном и общественном уровне (алкоголизм, иждивенчество, вымогательство) свидетельствуют о «девальвации маскулинности» в семьях этой категории. В работах А.В. Толстокоровой предпринимается попытка концептуального обоснования трансграничного родительства на основе транснационального и гендерного подходов, на постсоветском пространстве это единственный автор, который систематически занимается данной проблематикой.

Вопросы социальных и психологических последствий миграции для детей поднимаются в статье о трудовой миграции в Молдавии⁷. Миграция родителей, связанная с желанием заработать деньги для повышения благосостояния семьи, при экономических плюсах имеет социальные минусы, и особенно отрицательно сказывается на положении детей. Количество детей, оказавшихся без родительского присмотра (0–18 лет), в Молдавии достаточно велико: по данным Министерства экономики и ЮНИСЕФ, 198 тыс. в 2008 г. и 150 тыс. в 2011 г. Более чем у одной трети детей мигрантов за пределы страны выехали оба родителя. Как правило, такие дети остаются на попечении родственников, соседей, знакомых без официального оформления, и это представляет огромную социальную проблему для всего общества. Масштаб миграции и большое количество детей, чьи родители выехали на заработки,

не обеспечив официальной защиты своих несовершеннолетних детей, вынудили правительство в 2010 г. принять постановление, согласно которому при выезде на работу за рубеж родители в обязательном порядке должны официально решить вопрос о назначении попечителя. В семьях, где мигрировал один родитель, дети имеют поддержку от оставшегося в семье родителя. Но если на заработки выехали оба родителя, ситуация гораздо хуже. Дети лишены возможности приобретать навыки, способствующие их социальной интеграции, не умеют управлять своими эмоциями, строить отношения с друзьями. При этом в 2010 г. из общего количества школьников, чьи родители мигрировали, доля оставшихся без обоих родителей составляет 41%.

В домохозяйствах мигрантов, в которых проживают несколько поколений, обязанности по присмотру за детьми взяли на себя бабушки и/или дедушки. В 45,1% случаев ребенок оставался под присмотром оставшегося дома родителя, а в 51,3% случаев – под присмотром бабушки и/или дедушки. В случаях, когда на заработки выезжают оба родителя, роль бабушек и дедушек возрастает – в девяти из десяти случаев (91%) они берут на себя обязанности по уходу за детьми. И только в одной трети таких домохозяйств (34,7%) бабушки/дедушки официально оформили опеку над детьми. Хотя денежные переводы способствуют экономическому благополучию, они не восполняют эмоциональные потери и социальные риски детям, оставшимся без присмотра родителей. Часто дети не умеют распоряжаться деньгами, правильно использовать свое время, не располагают знаниями, как действовать в сложных ситуациях, как просить и предлагать помощь, у них отсутствуют и другие поведенческие навыки.

Дети, чьи родители находятся за пределами страны, страдают от эмоциональной бедности, их успеваемость ниже, чем у сверстников из полных семей, свое будущее они видят за границей. Более 2/3 опрошенных детей говорили, что им не хватает родительской любви и общения с родителями. При отсутствии обоих родителей или в отсутствие мамы дети нередко находятся в состоянии депрессии. Эти изменения эмоционального фона и поведения, краткосрочного либо более длительного характера, обусловлены множеством факторов – длительностью отсутствия родителей, степенью подготовленности ребенка к самостоятельной жизни, взаимоотношениями ребенка с попечителем и многим другим, к примеру, отношением общества к детям мигрантов.

Ряд данных указывает на то, что часто дети мигрантов подвержены риску насилия, вовлечения в преступную деятельность, они раньше своих сверстников приобретают сексуальный опыт при

отсутствии должного воспитания в данных вопросах, чаще пропускают занятия или вообще перестают посещать школу и демонстрируют прочие девиации. Тревожным сигналом для общества является противоправное поведение детей, чьи родители выехали на заработки за рубеж. Более четверти детей-правонарушителей – это дети, оставшиеся без присмотра родителей в связи с миграцией последних. У каждого четвертого из них за границу выехали оба родителя, причем за период 2010–2011 гг. отмечена тенденция роста данного показателя. Сложность переживаний детей порождает для них долгосрочные отрицательные последствия. В то же время длительное раздельное проживание семей в связи с миграцией супругов способствует их отчуждению, часто ведет к распаду брака.

Еще одним последствием миграции является рост количества детей, нуждающихся в опеке и попечительстве. Органы опеки и попечительства выявляют таких детей, берут их на учет и избирают для них форму защиты: установление опеки, попечительства, в исключительных случаях – устройство в детские дома семейного типа или учреждения интернатного типа и другие. В Молдавии ежегодно растет количество детей, взятых на учет органами опеки и попечительства (по сравнению с 1996 г. в 2008 г. их количество выросло на 33,4%). У взятых на учет в 2010 г. детей, у которых мигрировали оба родителя, официальную опеку над оставшимися детьми выехавшие родители оформили только в 20% случаев. В остальных случаях дети остались под присмотром третьих лиц, без какого-либо правового оформления.

Зарубежные исследователи миграции обращают также внимание на внутреннюю миграцию, считая, что и она создает проблемы для семей и социализации детей⁸. Они считают, что дети мигрантов, оставшиеся дома, склонны к более рискованному поведению по сравнению со сверстниками, проживающими с родителями. Исследование по развитию интеллекта среди 558 детей и подростков школьного возраста и их опекунов является одним из исследований, которые показывают отрицательный результат миграции. Исследователи изучили воздействие миграции на IQ детей, заболеваемость в течение последних 6 месяцев, состояние питания и развитие. Исследование показало отрицательную связь между родительской миграцией и развитием ребенка. Данные показывают, что дети, которые живут в семьях, имеющих мигрантов, в 1,4 раза чаще имеют низкий уровень IQ, чем их ровесники из других семей. Преступность и девиантное поведение среди молодежи, выращенной преимущественно бабушками и дедушками, также является отчасти результатом отсутствия родительского

внимания по причине миграции. Оставленные дома матери (при отсутствующем отце), как правило, склонны к чрезмерной опеке своих детей. С точки зрения исследователей, денежные переводы, как правило, рассматриваемые в качестве основной пользы от миграции для семьи, оставленной дома, также могут испортить детей мигрантов.

Таким образом, мы можем говорить: 1) о формировании разделенных семей особого типа – так называемых транснациональных или трансграничных семей; 2) о существовании транснационального (трансграничного) родительства, в том числе отцовства. Варианты отсутствия родителя: а) мигрировал надолго или навсегда, дома бывает только в отпуске; б) уезжает на время – это сезонная или маятниковая миграция. Семья живет за счет зарплаты отсутствующего родителя; 3) о нарастании многочисленных социальных, психологических и даже интеллектуальных проблем, связанных с социализацией детей, родителей которых нет рядом. В будущем эти проблемы, вероятно, приведут к трансформации представлений о нормативной семье и семейных ценностях; 4) о трудностях родителей, разделенных с детьми. Неизбежно происходит: а) сокращение времени общения с ребенком; б) уменьшение влияния отсутствующего родителя на ребенка; в) отчуждение, охлаждение чувств и отношений вследствие расстояний, разделяющих родных людей. Общение посредством современных средств коммуникации и информационных технологий лишь отчасти сглаживает этот разрыв.

Примечания

- ¹ *Hondagneu-Sotelo P., Avila E.* "I'm Here, but I'm There": the Meaning of Latina Transnational Motherhood // *Gender and Society*. 1997. № 11. P. 548–571. Цит. по: *Толстокорова А.В.* «Мама моет раму в Риме»: Гендерные аспекты транснационального родительства в Украине // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. № 10 (№3). С. 395.
- ² *Лялюгене И.Ю., Рупшине Л.А.* Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков // *Социологические исследования*. 2008. № 1.
- ³ Мать с детьми постоянно живет в Эстонии, отец последние 10 лет работает в Финляндии, приезжая домой только на 3–4 дня выходных один раз в месяц. Детям 16 (девочка) и 8 (мальчик) лет.
- ⁴ Интервью с отцом. Детям на момент отъезда матери в другую страну было 14 и 15 лет.
- ⁵ *Толстокорова А.* Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // *Социологическое обозрение*. Т. 12. № 2. 2013. С. 98–21.

- ⁶ *Тостокорова А.В.* «Папы всякие нужны»: трансформации института отцовства в украинской транснациональной семье // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 94–111; *Она же.* «Мама моет раму в Риме»... С. 393–406.
- ⁷ *Бучучану-Врабие М.* Трудовые мигранты из Молдавии и их дети. [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/tema03.php> (дата обращения: 22.02.2014).
- ⁸ См. например: Дети, проживающие отдельно от родителей вследствие миграции. [Электронный ресурс] URL: <http://riss.ru/demography/demography-research/6180/> (дата обращения: 22.02.2014).

Электронный контент для детей: риски или новые возможности

В статье рассматриваются существующие онлайн-риски, с которыми могут столкнуться дети и подростки при использовании Интернета. Приводятся примеры российских и европейских программ, стимулирующих создание позитивной и безопасной информационной среды для детей.

Ключевые слова: дети, подростки, Интернет, онлайн-риски, электронный контент для детей, безопасность.

Российское общество постепенно отходит от моральной паники, которая была распространена десятилетие назад¹, по отношению к использованию Интернета детьми и подростками. По мнению А.В. Мудрика, Интернет играет важную роль в стихийной социализации, поскольку в нем содержатся неисчерпаемые «коммуникативные возможности, фундаментальный познавательный ресурс, обширное поле для реализации человеком игровой и иной рекреативной активности»². Однако нам кажется важным подчеркнуть, что стихийная социализация в Интернете имеет как позитивную, так и негативную составляющие. Наша статья посвящена сравнению рисков и возможностей электронного контента для детей.

Риском в социологии называется категория, отражающая, во-первых, характеристику условий жизнедеятельности социальных субъектов в состоянии перехода от ситуации неопределенности к ситуации определенности (или наоборот); во-вторых, саму деятельность в данных условиях, когда появляется обоснованная возможность выбора при оценке вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи или отклонения от цели, с учетом действующих морально-этических норм³.

Риск может проявляться в двух формах – субъективной (деятельной) и объективной (средовой). Так, объективный риск выступает частью социальной реальности, среды обитания, которая формируется вне деятельностного участия индивида или

группы. В случае данной формы риска речь идет о социальных условиях, которые вызваны постоянными изменениями в социальной среде, наличием внешних опасностей и угроз, неопределенностью, возникающей в силу описанных выше причин, а также ощущением постоянного чувства опасности и угрозы. Субъективный риск реализуется в особом роде деятельности индивида или группы, которую принято называть рискованной. Рискованная деятельность отражает особенности восприятия риска, предрасположенность к риску у индивидов и групп, и на этой основе их собственный активный выбор в пользу рискованного поведения или избегания такового⁴.

Важно подчеркнуть, что индивиды могут быть предрасположены как к рискованному поведению, так и к его избеганию. Эти типы поведения формируются в диспозиционной структуре личности в форме двух противоположных аттитюдов: опасности и безопасности⁵. Диспозиционная концепция личности в отечественной социологии разрабатывалась В.А. Ядовым и основывалась на утверждении, что «...человек обладает сложной системой различных диспозиционных образований, которые регулируют его поведение и деятельность. Эти диспозиции организованы иерархически, т. е. можно обозначить более низкие и более высокие их уровни»⁶. Опасность и безопасность отражают тенденции самосохранения, адаптивные и неадаптивные свойства личности на уровне индивидуального сознания. Риск может проявляться по-разному на разных уровнях диспозиционной структуры:

- на первом уровне вопрос соотношения опасности и безопасности решается инстинктивно, в стереотипной форме поведения;
- на втором – формируется осознанное отношение к обеим крайностям в стереотипно-личностной форме;
- на третьем – в решение вопроса опасности / безопасности включаются ценности, тогда поведение приобретает активную личностную форму⁷.

На индивидуально-личностном уровне риск выступает важным фактором развития и регулятором индивидуального поведения в каждой конкретной жизненной ситуации, в которой оказывается индивид.

Уровень риска для личности повышается в силу неопределенности целей общественного развития, нестабильности и непредсказуемости всех сфер жизни, наличия неразрешенных социальных конфликтов в нестабильном обществе. Важно подчеркнуть, что в процессе взросления дети и подростки познают мир опытным путем и в связи с этим они неизбежно попадают в ситуации риска. В то же время стратегия ограждения от внешнего контакта

представляется педагогически неоправданной, поскольку препятствует процессу социализации⁸. По мнению И.Ф. Дементьевой, конструктивным средством решения этого противоречия является признание допустимости минимального уровня риска, при котором сохраняется познавательный интерес ребенка. Поэтому ребенка необходимо научить преодолевать риски, а не изолировать его от них.

Под электронным контентом для детей понимается информационное наполнение сайта, а именно тексты, графическая, аудио-, видеоинформация, ориентированная на детскую и подростковую аудиторию, созданная с учетом психологических и возрастных особенностей целевой аудитории, разрешенная действующим законодательством Российской Федерации (Федеральные законы № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»)⁹. Электронный контент для детей может быть как позитивным, так и негативным. Контент, содержащий информацию, оказывающую деструктивное воздействие на психику человека и (или) общественное сознание, является негативным¹⁰.

В данном случае под риском понимается рискованное поведение индивида; рассмотрим типы такого поведения детей и подростков, выделенные на основе классификации, предложенной профессором Лондонской школы экономики С. Ливингстон¹¹:

- 1) опасный контент, т. е. небезопасное содержание того или иного сайта;
- 2) вредоносные программы, а также кибератаки, кибертерроризм;
- 3) угрозы, травля, преследование ребенка или других интернет-пользователей;
- 4) риск неприемлемого виртуального или реального контакта ребенка с виртуальными знакомыми.

О первом типе интернет-риска можно говорить, поскольку согласно результатам исследований Фонда Развития Интернет (2009–2012 гг.), а также анализа обращений на горячую линию помощи «Дети онлайн» 35% подростков в возрасте 12–17 лет сталкивались с сексуальными изображениями в Интернете, 33% видели информацию, фото или видео с насилием, жестокостью и убийствами, 19% встречали на интернет-сайтах пропаганду наркотиков, алкоголя, курения, и еще 11% – пропаганду самоубийства¹². С вредоносными программами, относящимися ко второму типу онлайн-рисков, сталкивались 37% опрошенных подростков, еще 9% подвергались мошенничеству и краже денег в Интернете. Об оскорблениях, травле и преследовании в Интернете заявляют

24% респондентов, несколько чаще подростки страдают от взлома профилей в социальных сетях, электронной почты и кражи личной информации (28%), что также может быть отнесено к третьему типу рисков, связанных с Интернетом. С последним, четвертым типом онлайн-рисков, согласно результатам исследований, российские подростки сталкиваются реже всего – лишь 5% опрошенных заявили, что сталкивались с сексуальными домогательствами в Интернете.

Однако несмотря на вышеприведенные типы онлайн-рисков, в сети Интернет имеется большое количество разнообразных позитивных ресурсов различной тематики, способных играть важную роль в стихийной социализации детей и подростков. Для выявления, а также стимулирования создания полезных, позитивных ресурсов для детей и подростков в Европе, а также и в России на протяжении нескольких лет действует ряд государственных и некоммерческих проектов. Так, начиная с 2004 г. в Евросоюзе работает Европейская сеть Центров безопасного Интернета INSAFE/INHOPE¹³. Главной целью данной сети является защита личности ребенка от различных опасностей и рисков, с которыми он может столкнуться в сети Интернет, и просветительская работа с населением.

В мае 2012 г. Еврокомиссией была принята новая стратегия развития лучшего Интернета для детей (Digital Agenda: “Best children’s online content”)¹⁴, согласно которой дети должны получить новые инструменты для улучшения своих навыков и получения пользы от работы в Сети. В рамках данной стратегии до 2015 г. проводился конкурс “Best content for kids”¹⁵, направленный на стимулирование коммерческих и некоммерческих организаций на создание позитивных (интерактивных, творческих и образовательных) интернет-ресурсов для детей в возрасте 4–12 лет. К участию в конкурсе приглашались как профессиональные производители онлайн-контента, так и взрослые-энтузиасты, дети могли участвовать как индивидуально, так и в составе школьных классов или групп молодежи¹⁶.

Критерии отбора победителей включали в себя 5 групп требований, таких как «Целевая группа и возрастное соответствие», «Привлекательность», «Удобство использования сайта», «Присутствие элементов социальных сетевых сервисов: социальные сети, чат-комнаты, форумы, гостевые книги, видеоплатформы и т. д.», «Наличие коммерческих элементов: рекламы, спонсорства, онлайн-шопинга и т. д.». Также создатели конкурса выделили три критерия отбора сайтов¹⁷:

1. Безопасность: а) контент не является вредоносным для несовершеннолетних – он не содержит оскорбительных материалов или

иных элементов, оказывающих вредное воздействие (например, контента (фотографий или видео) порнографического, расистского, насильственного, оскорбительного характера); б) дети не перенаправляются на другие веб-сайты, содержащие неприемлемый для детей контент.

2. Надежность: а) имеется информация о провайдере (создателе сайта); б) размещена легкодоступная контактная информация для связи родителей или детей в случае возникновения проблем; в) размещенный контент не нарушает авторских прав других людей.
3. Неразглашение персональных данных: а) соблюдение законодательства о неразглашении персональных данных (предоставляются только необходимые данные; соблюдается конфиденциальность персональных данных, четко оговаривается необходимость предоставления дополнительной информации (например, для целей доставки приза) и заявляется о последующем удалении данных; информация о политике конфиденциальности и защите персональных данных размещена на видном месте на языке целевой группы детей и их родителей; если данные посетителей обрабатываются при посещении ими сайта, то об этом следует размещать соответствующую информацию); б) если дети размещают свои персональные данные, то это должно подтверждаться родительским согласием.

Важно подчеркнуть, что приведенные выше критерии практически полностью совпадают с критериями, предложенными автором в статье «Критерии отбора сайтов для детей: социологический анализ»¹⁸, что свидетельствует в пользу их объективности и актуальности.

В 2009 г. российским Центром безопасного Интернета был организован первый конкурс «Моя безопасная сеть». Целью данного конкурса являлось привлечение внимания детей и родителей к необходимости обеспечения безопасности при работе в Интернете. Важной целью конкурса являлось побуждение детей и взрослых совместно повышать уровень интернет-грамотности и выстраивать стратегию безопасного поведения в Сети. Также в том же году стартовал Всероссийский конкурс на лучший интернет-ресурс для детей, подростков и молодежи «Позитивный контент». Основные цели конкурса: 1) поиск и отбор наиболее качественных, познавательных, образовательных и безопасных сайтов; 2) поддержка полезных и позитивных сайтов, вовлекающих детскую и молодежную аудиторию Рунета в активную жизнь как в Сети, так за ее пределами; 3) привлечение внимания к проблеме безопасного использования интернет-технологий; 4) мотивирование

аудитории Рунета к созданию сайтов с позитивным контентом¹⁹. Интернет-ресурс, представленный на конкурс, должен содержать исключительно интересный и позитивный контент; повышать уровень образованности пользователя; способствовать формированию навыков использования Интернета; представлять в роли территории безопасного общения и отвечать техническим требованиям безопасности и защиты контента.

Проведенный анализ существующих инициатив по поддержке и созданию позитивной и безопасной информационной среды для детей, целью которых, в частности, является информирование родителей и детей о том, с какими опасностями может столкнуться ребенок в Интернете и как их можно избежать, показывает, что в настоящее время существуют и развиваются различные способы разрешения основных типов онлайн-рисков, с которыми может столкнуться ребенок в процессе использования Интернета. Дальнейшее развитие электронного контента для детей на наш взгляд должно опираться на следующие положения:

1. Не только мышление, но и социальное поведение ребенка подвержено влиянию электронных медиа. Невозможно ограничивать детей в освоении интернет-пространства, необходимо нивелировать, исключить онлайн-риски.

2. Изучение воздействия медиа на раскрытие человеческого потенциала является необходимым в современных условиях, поскольку на основе полученных результатов важно пытаться управлять воздействием, продумывая новые механизмы социализации ребенка.

Примечания

¹ Майорова-Щеглова С.Н. Особенности адаптации школьных учителей к ценностям информатизации // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 115.

² Мудрик А.В. Воспитательные ресурсы Интернета // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 4. С. 37.

³ Риск // Социология молодежи: Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 401.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 402.

⁶ Диспозиция // Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. С. 111.

⁷ Риск // Социология молодежи... С. 402.

⁸ Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 114.

- ⁹ Губанова А.Ю. Методические рекомендации по поиску и отбору качественных сайтов для детей и подростков / Российская государственная детская библиотека. М., 2014. С. 9.
- ¹⁰ Смирнов А.А. Негативный контент: проблемы идентификации в контексте правового регулирования // Информационное право. 2015. № 2. С. 18.
- ¹¹ Livingstone S., Staksrud E., Ólafsson K. Does the use of social networking sites increase children's risk of harm? [Электронный ресурс] URL: http://eprints.lse.ac.uk/45016/1/__Libfile_repository_Content_Livingstone,%20S_Does_%20use_social_Livingstone_Does_use_social_2012-digital.pdf (дата обращения: 23.12.2015).
- ¹² Солдатова Г.У. и др. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. С. 96.
- ¹³ Официальный сайт «Better Internet for Kids» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saferinternet.org/> (дата обращения: 31.08.2015).
- ¹⁴ European Commission – Press Release Database. Digital Agenda: “Best children's online content” competition winners. Brussels, 17 June 2011. [Электронный ресурс] URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-11-746_en.htm?locale=en (дата обращения: 01.09.2015).
- ¹⁵ Официальный сайт «Лучший контент для детей. Европейская премия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestcontentaward.eu> (дата обращения: 02.09.2015).
- ¹⁶ Информацию о конкурсе см.: <http://www.bestcontentaward.eu/the-competition> (дата обращения: 02.09.2015).
- ¹⁷ Критерии отбора победителей см.: <http://www.bestcontentaward.eu/criteria-for-judges> (дата обращения: 02.09.2015).
- ¹⁸ Губанова А.Ю. Критерии отбора сайтов для детей: социологический анализ // Вестник РГГУ. 2014. № (4). Серия «Социологические науки». С. 199–204.
- ¹⁹ О конкурсе см.: <http://positivecontent.ru/about> (дата обращения: 07.10.2015).

Проблемы сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков

В статье представлены результаты межрегионального исследования детей и подростков, посвященного теме Великой Отечественной войны. Главными источниками передачи информации о Великой Отечественной войне для юных являются семья и школа. Появление новых механизмов сохранения памяти о Великой Отечественной войне, наряду с традиционными, оказывает все большее влияние на заинтересованность детей и подростков данной темой, а также на доступность информации о событиях той далекой войны для новых поколений.

Ключевые слова: историческая память, война, детство, чтение.

Великая Отечественная война – важнейшая составляющая Второй мировой, имеющая всемирно-историческое значение. Отечественная война – целая историческая эпоха, вместившая экономические, политические, идеологические, военные, социальные, психологические теории и практики, идеалы, цели, интересы, невиданный патриотизм и героизм¹. Новое подрастающее поколение детей, родившихся в начале XXI в., воспринимает эту войну как далекую историю. Однако историю своей страны необходимо знать и не забывать ради будущего. Историческая память о войне 1941–1945 гг. – общенародная ценность, которая формирует духовный капитал России, ее целостность и историческую значимость на мировой арене.

В самом общем виде историческая память – это устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании. Ей свойственна не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого. С этих позиций историческая память делит события на хорошие и плохие, она обладает инерционной устойчивостью, сравнительно стабильна, но подвержена и изменениям. Представления о прошлом, сформированные прежде, могут

меняться под влиянием различных факторов² на микро-, мезо- и макроуровнях.

Основными каналами трансляции исторической памяти являются семья, школа, СМИ, государство. В современном обществе трансформируются механизмы сохранения и актуализации пластов исторической памяти и появляются новые механизмы формирования исторической памяти с использованием информационных технологий.

В 2015 г. Россия отметила 70-летний юбилей победы в Великой Отечественной войне. Российская государственная детская библиотека инициировала межрегиональное исследование «Тема Великой Отечественной войны в чтении детей и подростков». Исследование проходило в Липецке, Ставрополе, Севастополе, Симферополе и Москве. Основной целью исследования было выявить, насколько современные дети и подростки испытывают необходимость в изучении истории войны; осуществляется ли передача памяти о событиях войны и ее участниках в семьях; читают ли дети и подростки книги о войне и как относятся к произведению военной тематики. В опросе приняли участие 585 детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет: 59 % – девочки, 41% – мальчики.

Для большинства детей и подростков слова «Великая Отечественная война» это, прежде всего, великий подвиг России, который нельзя забывать (77%). На втором месте «память о погибших в сражениях за Родину» (61%), на третьем – «уважение к ныне живущим ветеранам и участникам войны» (42%), далее «трагическое и страшное событие в судьбе нашей Родины» (33%), «чувство боли и страдания за безвременно ушедшие жизни миллионов людей» (27%), «неотъемлемая часть моей жизни, истории моей семьи, истории моей страны» (20%), «сострадание к людям, которых затронула война» (17%). И только для 10% – это история давно минувших дней. Для каждого эта Война значит что-то свое, но при этом есть некие общие представления о том, что она значит для истории нашей страны.

Конечно, школьное образование, уроки истории дают ученикам знания об этом важном и трагическом событии в жизни страны, однако они не являются единственными источниками информации для детей. Память о событиях тех лет передается из поколения в поколение в каждой семье, поэтому большинство респондентов (84%) указали родителей и родственников, еще 70% опрошенных детей ответили, что получают такую информацию от учителей, по 52% получают знания от ветеранов и библиотекарей, 11% – от друзей и знакомых.

В качестве источников информации о Великой Отечественной войне дети в основном указывали книги (82%) и школьные учеб-

ники (60%). Однако роль кинофильмов, сериалов также весьма велика (66%), поскольку большинство информации современные дети получают из телевизора и Интернета (50%). Наименее популярными источниками информации оказались газеты и журналы (25%), доступ к которым предоставляется в специализированных библиотеках.

В процессе передачи исторической памяти важна непосредственная коммуникация, обсуждение исторических событий, героев, подвигов. Чаще всего дети обсуждают тему Великой Отечественной войны в кругу семьи, среди родителей и родственников – 75%, на школьных уроках, с учителями обсуждают тему войны 61% респондентов, 36% обсуждают войну с библиотекарями, еще 33% обсуждают эту важную тему с ветеранами и 31% с друзьями и знакомыми. Отметим, что четверть опрошенных детей и подростков ни с кем не обсуждают тему войны 1941–1945 гг.

Современные учителя включают в школьную программу различные мероприятия, посвященные Великой Отечественной войне, проводятся общегородские и районные мероприятия. В год 70-летнего юбилея Победы также проводилось большое количество культурно-исторических мероприятий, посвященных этой теме; проводились они не только в школе, но и на самых разных культурно-образовательных площадках. Наиболее часто дети встречались с ветеранами (72%), посещали выставки (52%), участвовали в школьных конференциях (38%), в библиотечных мероприятиях участвовала половина (52%) опрошенных. В свободных ответах дети указали, что посещали концерты, митинги и парад в честь Дня Победы.

Одним из основных источников, который формировал историческое сознание и чувство патриотизма, способствовал сохранению памяти поколений, всегда была литература о войне.

Среди мест, где дети и подростки берут книги о Великой Отечественной войне, лидирующие позиции занимают городские и школьные библиотеки (60% и 51% соответственно). 41% опрошенных детей и подростков книги данной тематики имеют дома, в домашней библиотеке (в основном жители Москвы и Севастополя). Только 15% детей и подростков указали, что покупают книги в книжном магазине, это преимущественно жители Москвы. Возможно, это объясняется тем, что в книжных магазинах книги дорого стоят, тогда как в библиотеках доступ к книгам предоставляется бесплатно. Кроме того, ассортимент книжных магазинов в регионах не всегда может удовлетворить спрос на узкоспециализированную тему.

Сегодня на книжном рынке существует огромное количество как отечественных, так и зарубежных книг о Великой Отечественной войне³ – это и переиздания произведений советских авторов, и книги современных писателей, поэтому представляется интересным узнать, какие книги выбирают дети.

Респонденты назвали более 200 наименований разных произведений (повести, романы, стихи и др.). В подавляющем большинстве назывались книги отечественных авторов, многие из них включены в школьную программу по литературе, также встречаются и зарубежные – например, «Дневник Анны Франк», книги Кристине Нёстлингер «Лети, майский жук!», тетралогия Аники Тор «Остров в море».

Большинство опрошенных детей называли несколько книг. Это может говорить об их начитанности, погружении в тему и интересе к нашей истории этого периода. Нередко респонденты помнили только название произведения, но не могли назвать автора, или же указывали только писателя, не конкретизируя, какое из его произведений они читали, например «Рассказы Ивана Сударева». Наиболее читаемыми оказались книги, уже ставшие классикой литературы о войне: В. Катаев «Сын полка», Б. Васильев «А зори здесь тихие» и «Завтра была война», А. Твардовский «Василий Тёркин».

Примечательно, что кроме классических произведений, в списке встречаются современные книги, в том числе написанные в жанре фэнтези (например, «Мы из будущего» А. Шевцова). Несмотря на то что современные авторы не часто обращаются к теме Великой Отечественной войны, она по-прежнему актуальна, и хорошо написанная книга обязательно находит своих читателей.

Не обошлось и без пробелов в знаниях детей о литературе, посвященной Великой Отечественной войне. Эти ответы встречались у детей из разных городов. Респонденты указывали романы Э.М. Ремарка «Три товарища» и «Триумфальная арка», роман Л. Толстого «Война и мир» и стихотворение М. Лермонтова «Бородино». Такие бросающиеся в глаза несоответствия могут указывать на поверхностный интерес некоторых детей к истории не только Великой Отечественной войны, но и страны в целом. Соответственно некоторые дети отождествляют Великую Отечественную войну со Второй мировой войной, другие не отличают и от Первой мировой; а для кого-то слились в одно события 1812 г. и 1941–1945 гг.⁴

Как известно, дети и подростки – это та категория читателей, которые ищут в книге приключения, динамичный сюжет и ярких героев. Им важно, чтобы было «не скучно». Наиболее привлекательным в книгах о войне, которые прочитали респонденты, оказалась динамичный сюжет (47%), яркие характеры, необычные судьбы

(34%). Но самое интересное для ребенка, познающего мир, – каков же предел человеческих возможностей. Поэтому преодоление трудностей человеком как самый привлекательный фактор в книге отметили 46% юных читателей. Треть респондентов привлекает описание военного быта и неизвестные факты истории и меньше привлекает главный герой.

Тем не менее любые исторические события всегда связаны с выдающимися людьми, остающимися в памяти поколений. В теме событий Великой Отечественной войны нельзя было обойти данный вопрос. Имя Г.К. Жукова по-прежнему знают и помнят, некоторые даже читали его мемуары в столь юном возрасте. Наиболее известными из юных героев, имена которых дети называли чаще других – это Шура и Зоя Космодемьянские. Также неизвестен среди читателей и подвиг Александра Матросова. Часть респондентов указывали имена пионеров-героев: Вали Котика, Зины Портновой, Нади Богдановой, Лёни Голикова, Люси Герасименко, Марата Казея, Муси Пинкензона, Саши Бородулина, Толи Шумова, Кости Кравчука и др. Очевидно, судьбы своих сверстников, отдавших жизнь за Отечество, очень близки юным читателям, истории их подвигов не могут не вызывать сопереживания и восхищения. Были названы и участники подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия» Ульяна Громова и Сергей Тюленин. Также дети называли и других героев войны и полководцев, таких как К. Рокоссовский, И. Конев, И. Баграмян, И. Кожедуб, М. Неделин, В. Кондаков, А. Покрышкин и многих других.

Знают опрошенные и воинов-земляков, защищавших свои земли от врага. Наряду с маршалами и признанными героями той страшной войны ребята называли и своих дедушек, пусть и не отмеченных высокими наградами, но внесших свой посильный вклад в общее великое дело.

Сравнение читательской культуры детей из разных городов на тему Великой Отечественной войны показало, что существуют некоторые универсальные показатели. Дети и подростки из Ставрополя, Липецка, Севастополя, Симферополя и Москвы, несмотря на географическую удаленность, знают и читают практически одни и те же книги о войне, называют имена одних и тех же героев военных лет, чьи подвиги увековечены в общей культурно-исторической памяти нашего народа и передаются из поколения в поколение на протяжении уже 70 лет.

Однако есть и серьезные отличия, возникающие в силу экономического и социального уровня развития каждого отдельного региона. Доступность литературы, комплектование библиотечных

фондов и книжных магазинов, возможности, обеспеченные местными властями, развитие и проникновение новых информационных технологий в сферу образования – все это влияет на историческую память о Великой Отечественной войне и на интерес к этой теме новых поколений.

Примечание

- ¹ *Афанасьева А.И., Меркушин В.И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11.
- ² Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол») // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 78.
- ³ О войне и не только; Сороковые роковые // Библиогид: Сайт рекомендательной библиографии РГДБ. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliogid.ru/krug-chteniya/obzory/2184-sorokovye-rokovye>; <http://bibliogid.ru/novye-knigi/kontekst/2203-o-vojne-i-ne-tolko> (дата обращения: 10.12.2015).
- ⁴ *Колосова Е.А., Губанова А.Ю.* Тема Великой Отечественной войны в чтении детей и подростков: межрегиональное исследование // Человек и общество в условиях войн и революций: Материалы II Всероссийской научной конференции (15 декабря 2015 г., Самара, СамГТУ). Вып. 2 / Под ред. Е.Ю. Семеновой. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2015. С. 210.

Образование в жизненном мире жителей села

Процесс глубоких трансформаций, произошедших в современном российском обществе, затронул и сельские поселения. В статье анализируются изменения роли и места образования в жизненном мире жителей села.

Ключевые слова: образование, жизненный мир, село, жители села.

В условиях перемен, происходящих в российском обществе, образование как социальный институт, способствующий адаптации личности к новым обстоятельствам жизни, претерпевает изменения не только в городах, но и в сельских поселениях. В связи с этим особенно интересны данные, полученные во Всероссийском исследовании жизненного мира россиян (в том числе и сельских жителей) в 2014 г.

Согласно результатам исследования, образование не является для сельских жителей существенным фактором, определяющим социальное положение и престиж человека в обществе. В достаточно большом списке факторов образованию сельские жители отвели последнее место перед ответом «другое». Вариант «личные достижения в образовании и профессиональной подготовке» выбрали

© Буланова М.Б., 2016

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-18-02016. В статье приведены данные Всероссийского исследования «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2000 гг.)», проведенного 25 октября 2014 г. Было опрошено 1750 чел. в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу. Опросы проведены во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг России, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса – Москву и Санкт-Петербург.

лишь 15,0% опрошенных. Та же ситуация, даже с более низким процентом (14,1%), наблюдается в поселках городского типа. В качестве гипотезы можно предположить, что востребованность на селе и в поселках городского типа образованных, квалифицированных людей ниже, чем в других типах поселений. Однако и здесь сказывается недостаток общей образованности сельчан – 68,4% затруднились с ответом на поставленный вопрос. Следует обратить внимание, что затруднившихся с ответом столько же и в мегаполисах.

Возможно, есть более глубокий пласт проблемы – «заикленность» людей на более насущных вопросах собственной жизни, характерная для ситуации выживания. Косвенно такое предположение подтверждают данные, что по степени значимости в жизненном мире сельчан проблемы образования занимают третью позицию (31,4%) после проблем здравоохранения (59,4%) и ЖКХ (44,3%).

Образовательный потенциал жителей села сегодня недостаточен для их долгосрочной ориентации в политической и экономической жизни страны. Так, его явно не хватает, чтобы ответить на поставленный дихотомический (да–нет) вопрос о том, в правильном или неправильном направлении развивается Россия. Об этом свидетельствует большое количество воздержавшихся с ответом (39,4%). Ближе к такому ответу (39,1%) оказались областные, краевые и республиканские центры. Та же картина наблюдается и при ответе на дихотомический вопрос, в каком направлении идут экономические реформы в России. Здесь несколько меньше затруднившихся с ответом (38,8%) среди сельчан, возможно, по причине их непосредственной вовлеченности в решение вопросов развития сельского хозяйства. Та же причина может объяснить и чуть больший процент (22,9 против 19,7) выбравших отрицательный ответ. Вместе с тем несущественная разница в ответах на предыдущий вопрос позволяет подтвердить гипотезу о невысоком уровне не только общей, но и специальной профессиональной образованности сельских жителей.

Причиной подобной ситуации может быть недостаточное количество учебных заведений в сельских поселениях и, как следствие, низкий уровень культуры и информированности граждан. Действительно, пятая часть сельчан (20,2%) отметила в числе беспокоящих их проблем отсутствие условий культурной жизни, что косвенно связано и с проблемами образования. Тем более что эти проблемы волнуют сельских жителей в связи с необходимостью обучения детей, особенно на первых ступенях их жизни.

Тем не менее в определении ситуации, сложившейся в России в настоящее время, большинство сельчан разделились между

ее оценкой как обычной (45,2%) и кризисной (32,6%). Кроме уже установленного, что для оценки этой ситуации, как видно, им не хватает либо образования, либо информированности, можно увидеть действие более глубокого фактора – менталитета сельского населения. На всем протяжении российской истории сельские жители преодолевали различного рода тяготы, связанные отчасти с природными особенностями ведения сельского хозяйства, отчасти с искусственно создаваемыми препятствиями со стороны власти. Именно поэтому терпение, труд, лишения вошли в плоть и кровь нынешних сельчан. Село всегда испытывало трудности, поэтому современная ситуация воспринимается почти половиной населения все-таки как обычная.

О том же особом менталитете свидетельствует достаточно высокая степень лояльности (40,8%) сельчан по отношению к действующей власти. В этом смысле сельские поселения сложно назвать оппозиционными, нынешняя власть может рассчитывать на их поддержку. Однако не следует забывать и о пятой части (19,7%) сельских жителей, которые не считают правильным выбранное властью направление развития страны. Примерно такая же часть сомневающаяся имеется в областных, краевых, республиканских, районных центрах и поселках городского типа (соответственно 16,7%, 14,6%, 18,2%).

И все-таки жители села поддерживают нынешнюю власть при всех ее недостатках. Об этом заявили 64,4% сельчан. И дело не только в общем недостаточно высоком уровне образования для формирования оппозиции, но и в том же менталитете – особом поклонении власти – «барин к нам приедет, барин нас рассудит». Устав жить в состоянии неопределенности, треть сельского населения (34,4%) считает, что страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах. Кстати, запрос на стабильность отмечен для более чем трети респондентов во всех типах поселений. Необходимо отметить, что постоянная социальная динамика, незапланированные перемены противоречат самой сути жизни и работы в тесном контакте с природой. А для обеспечения стабильности почти треть сельчан (28,9%) выбирают твердую руку, способную навести порядок. Итак, сельские жители ждут от нынешней власти решительных мер для стабилизации положения в стране и сельском хозяйстве.

Почти половина жителей села (44,5%) не планируют свою жизнь, впрочем, схожие показатели имеют и другие типы поселений (в частности, мегаполисы – 43,9%). С одной стороны, это может свидетельствовать об общей нестабильной обстановке в обществе, когда быстрые социальные перемены превращают любое планирование в весьма непродуктивное занятие. С другой

стороны, имеющийся у жителей села экономический, социальный и культурный капитал (в частности, образование) позволяют трети из них планировать свою жизнь только на 1–2 года (34,2%).

Интересно, что в сознании жителей села не присутствует стереотип о том, что чем выше уровень образования, тем интереснее работа, а значит, и выше уровень удовлетворенности ею. Сельские жители недаром не связывают свое мироощущение с уровнем образования. Оказывается, большинству (66,8%) работа и без образования приносит удовлетворение (полное или не очень). Видимо, следует учитывать сложившийся менталитет сельского жителя, образование для которого имеет узкоспециализированный смысл (например, оно необходимо для работы агрономом, техником, учителем, библиотекарем). Неудовлетворенных своей работой среди сельчан оказалось 18,8%, что сопоставимо с числом считающих и общее, и экономическое развитие страны неправильным (19,7% и 22,9%). Видимо, это та, почти пятая часть сельского населения, которая стремится уехать из села, деревни, хутора, а потому их ничего не устраивает там, где они вынуждены находиться.

Интересны полученные данные о числовом значении, определяющем восприятие сельскими жителями своего места в обществе и материального положения. Судя по приведенным средним значениям, мироощущение сельчан в целом даже лучше, чем в мегаполисах (5,12 против 4,67). Несмотря на то что часть жителей стремится покинуть сельские поселения, большая часть уверена, что жить не в городе лучше.

Что касается материального положения, то по собственным ощущениям сельских жителей оно в среднем не хуже, чем в городе. Среднее значение данного показателя у жителей сельских поселений и мегаполисов одинаковое (4,43). Однако следует учитывать экономическое расслоение, оно больше в сельских поселениях. Самую нижнюю позицию по своему материальному положению выбрали 6% сельчан против 1,6% жителей мегаполиса.

Проведенное исследование позволяет установить корреляцию между выполняемой сельскими жителями работой и их образованием. Большая часть опрошенных считают, что полученное ими образование либо полностью соответствует (38,8%), либо частично соответствует (25,9%) выполняемой работе. Поскольку поставленный вопрос не позволяет выявить образовательный ценз ответивших, можно сделать предположение, что для большинства людей, работающих в сельских поселениях, полученного уровня образования вполне хватает для выполнения порученной им работы. Нуждается в дополнительной проработке вопрос о том, сколько требуется на селе квалифицированной рабочей силы и какому проценту

реального населения это соответствует. Пока в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что в том состоянии, в каком находятся сейчас сельские поселения России, потребность в квалифицированной рабочей силе крайне мала и касается в основном некоторых конкретных профессий.

Таким образом, проблемы образования и труда в сознании сельчан разведены. Сельские жители демонстрируют удовлетворенность своим трудом вне зависимости от уровня образования. Однако большинство из них считает, что их труд не всегда справедливо (38,8%) и несправедливо (30,3%) оплачивается. Только пятая часть из них (20,4%) удовлетворены оплатой своего труда. Вместе с тем на современном производстве существует корреляция оплаты труда в зависимости от уровня образования. Неудовлетворенность оплатой труда по основному месту работы приводит сельских жителей к необходимости подрабатывать дополнительно. Половина опрошенных респондентов признались в том, что им приходится регулярно (23,2%) или нерегулярно (29,8%) подрабатывать на стороне. Однако следует отметить, что довольно большой процент (39%) на селе не подрабатывает. При том, что удовлетворены оплатой труда 20,4%, остаются еще 18,6%, которые не считают, что получают достойную зарплату, но все-таки не подрабатывают. В качестве версии можно предположить, что часть средств для жизни дает им приусадебное хозяйство.

Кроме того, большинство жителей сельских поселений (72%) считают, что они не могут влиять на принятие решений на основном месте работы. Поэтому для многих вопрос о справедливой оплате труда, видимо, актуален в смысле его постановки, но отнюдь не решения. Только 8% сельчан уверены, что в полной мере способны влиять на принятие решений в производственной организации. Скорее всего, они сами являются хозяевами данных сельскохозяйственных предприятий по типу фермерства и т. п. Большинство сельчан (74,8%) считают, что не могут влиять на решение вопросов благоустройства, ЖКХ и пр. Лишь 6,7% заявляют, что полностью влияют на ситуацию, связанную с ведением домашнего хозяйства.

Можно предположить, что высокий показатель неучастия в управлении производственными и домашними делами может быть вызван отчасти отсутствием необходимых знаний, приобретаемых в процессе обучения, и низким уровнем политической культуры.

Несмотря на ожидания стабильности и порядка в стране, перемены в сельской жизни не привели к изменению ситуации даже в семье. 62,2% опрошенных определяют, что семейная жизнь идет, как прежде. 10,3% считают, что семейная ситуация ухудшилась.

Кстати, такое же ощущение влияния перемен характерно и для других типов поселения.

Очень важно понять, какое место отводят образованию своих детей родители-сельчане. На первых пяти местах среди тех качеств, которые надо обязательно воспитать у детей, находятся: трудолюбие (70,6%), честность (58%), стойкость, умение постоять за себя (50%), самодисциплина (49,5%), доброта (48,9%). Отличные личные качества, прямо-таки курс молодого бойца по выживанию в непростой жизненной ситуации. С таким набором качеств точно не пропадешь. Интересно, что качества, имеющие непосредственное отношение к образованию, оказались на шестой и седьмой позиции: стремление к знаниям (47,2%) и умственные способности (43,6%). Логика получается такая: сначала надо выжить, а уж потом думать об образовании. Таким образом, продумываемая родителями для детей жизненная траектория непосредственно не связана с построением образовательной траектории личности.

Последнее утверждение иллюстрирует и тот факт, что стремление к высокому профессионализму (18,8%) уступило место деловой хватке (19,5%). Получается, что образование не помогает, а лишь дополняет жизненный сценарий, но не является обязательным его атрибутом.

Только каждый десятый родитель согласился дать возможность самому ребенку выбрать то, что ему нужно в жизни. Однако надежды на то, что этим нужным окажется именно образование, мало. Ведь известно, что первоначальный жизненный старт и жизненные установки ребенку дают именно родители.

Совершенно неудивительно, что проведение свободного времени жителями села почти не связано с удовлетворением ими образовательных потребностей. Первые места заняли: просмотр телепередач и слушание радио (72,9%), занятие домашним хозяйством, детьми (64,7%), встречи с друзьями (50%), просто расслабление (35,6%). Несколько более вдохновляют увлечение компьютером, Интернетом (33,5%), чтение газет и журналов (25,9%). Однако неясна цель – если компьютерные игры и светские новости, то просто развлечение, а не обучение. Посещение музеев, выставок актуально только для 2,3% сельчан, а получение дополнительного образования, повышение квалификации – для 2,8%.

Полученные данные свидетельствуют о том, что образование не входит в жизненную траекторию сельского населения как необходимый элемент, скорее это дополнение к основным способам проведения свободного времени.

Выделенную тенденцию изменения роли и значения образования в жизненной траектории личности подтверждают и ответы

сельских жителей на вопрос, хотели бы они побывать, жить или работать за рубежом. Тех, кто хотел бы поучиться или пройти стажировку за границей, оказалось мизерное количество – 3,2%, тогда как больше трети сельчан мечтают провести там отпуск или побывать в командировке (33%).

Итак, сделаем выводы.

Место и роль образования в жизненном мире сельских жителей изменились. Проблемы образования волнуют сельских жителей в связи с проблемами обучения детей, однако не связаны с потребностями накопления и развития собственного культурного капитала.

Образование не является для сельских жителей существенным фактором, определяющим социальное положение и престиж человека в обществе. Сельские жители не связывают ни свое мироощущение, ни профессиональную удовлетворенность с уровнем образования.

Востребованность на селе и в поселках городского типа образованных, квалифицированных людей ниже, чем в других типах поселений и касается, в основном, некоторых профессий. Для большинства работающих в сельских поселениях полученного уровня образования вполне хватает для выполнения порученной им работы. Проблемы образования и труда сельчан разведены.

Образовательного потенциала сельчан не хватает не только для того, чтобы оценить направление развития страны, суть экономических реформ, но и спланировать свою жизнь больше, чем на 1–2 года.

Высокий показатель неучастия сельских жителей в управлении производственными и домашними делами вызван отчасти отсутствием необходимых знаний, приобретаемых в процессе обучения, и недостаточным уровнем общей культуры.

Перемены в сельской жизни не привели к изменению ситуации в семьях. Предлагаемая родителями для детей жизненная траектория непосредственно не связана с построением образовательной траектории. Образование детей дополняет жизненный сценарий, но не является обязательным его атрибутом.

Проведение свободного времени жителями села почти не связано с удовлетворением их образовательных потребностей. Образование является дополнением к основным способам проведения досуга.

Полученные выводы подтверждают тот факт, что в современном российском обществе меняется восприятие образования как эффективного ресурса адаптации и социальной мобильности сельского населения.

Модель
«национального
исследовательского университета»
(на примере НИУ «Высшая школа экономики»)

В статье анализируется модель «национального исследовательского университета» на примере Высшей школы экономики. Приводятся показатели эффективности в рамках Программы развития вуза в статусе НИУ. Определяются промежуточные итоги эффективности модели в ВШЭ.

Ключевые слова: национальный исследовательский университет, образование, университет, программа развития, показатель эффективности.

В 2005 г., в рамках реализации четырех приоритетных национальных проектов, был запущен Национальный проект «Образование», одним из основных направлений реализации которого стала организация сети национальных исследовательских университетов с целью развития науки, технологий и техники, научного и кадрового обеспечения потребностей экономической и социальной отраслей общества.

Уже к началу реализации данного проекта стало понятно, что российское образование требует модернизации и большей поддержки со стороны государства, что необходимы целевые ориентиры и временные установки. Таким образом, было условно обозначено, что в срок до десяти лет должны быть достигнуты следующие показатели повышения эффективности и конкурентоспособности отечественного образования¹: доля российских вузов на мировом образовательном рынке должна вырасти до 10%; годовой доход профессуры в ведущих вузах должен быть сравним с доходами зарубежных коллег (средний доход ППС в Европе составляет 60–80 тыс. долл. в год, в США – 80–120 тыс. долл.); не менее 25% объема финансирования сферы высшего образования должно осуществляться со стороны реального сектора экономики (инвестиционная привлекательность образовательных учреждений); доля

НИР и НИОКР должна составить не менее 25% в структуре доходов ведущих вузов.

Категория «национальный исследовательский университет» присваивается российским вузам сроком на 10 лет по результатам конкурсного отбора, который проводится Министерством образования и науки РФ. В 2016 г. статус НИУ присвоен 29 университетам в разных регионах страны. Они ежегодно отчитываются по ходу реализации программы развития своего учебного заведения. Оценка эффективности реализации программ развития университетов категории НИУ проводится Министерством образования и науки РФ один раз в год на основании отчетных докладов руководства вузов. Выделяются следующие группы показателей для оценки эффективности реализации программы развития университетов категории НИУ²: показатели успешности образовательной деятельности; показатели результативности научно-инновационной деятельности; показатели развития кадрового потенциала; показатели международного признания; показатели финансовой устойчивости.

Для каждого университета-участника категории НИУ обозначены приоритетные направления развития науки, технологий, социальной сферы и так далее, по которым НИУ занимает высокие позиции в России: по подготовке кадров, в области исследований и разработок.

На примере некоторых основных показателей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», определим динамику модернизации вуза в последние годы.

Стратегической целью Программы развития НИУ ВШЭ является формирование на базе университета передовых научно-образовательных, аналитических, консалтинговых и проектных центров в области социальных и экономических наук. В результате университет должен, по истечении определенного срока, войти в число ведущих мировых исследовательских университетов³.

Для достижения основной стратегической цели был разработан комплекс мероприятий по реализации следующих стратегических задач: обеспечение российской экономики кадрами исследователей, аналитиков и менеджеров; формирование в области социально-экономических наук исследовательского и инновационного центра мирового уровня; развитие кадровой базы исследовательского университета; создание инфраструктуры образовательной и научной деятельности на уровне лучших мировых научно-образовательных центров.

Приоритетными направлениями в Программе развития НИУ ВШЭ являются: экономика, менеджмент, государственное и муниципальное управление.

ципальное управление, социология, которые, в свою очередь, обеспечивают поддержку реализации приоритетов модернизации экономики Российской Федерации и приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, утвержденных Указом Президента РФ № 899 от 7 июля 2011 г.⁴

*Прикладная наука*⁴. В 2014 г. в рамках тематического плана фундаментальных исследований НИУ ВШЭ было реализовано 158 научных проектов, в том числе и по приоритетным направлениям Программы развития (51 – в области экономики, 25 – в социологии, 19 – по государственному и муниципальному управлению, 9 – по менеджменту, 54 – прочие направления).

Следует также отметить, что НИУ ВШЭ входит в топ-3 российских вузов по объемам НИОКР. Ниже приведены проекты университета 2014 г. по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в РФ: «Индустрия наносистем» – 3 проекта; «Информационно-телекоммуникационные системы» – 29 проектов; «Науки о жизни» – 12 проектов; «Рациональное природопользование» – 9 проектов; «Транспорт и космические системы в области транспорта» – 28 проектов; «Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика» – 20 проектов.

*Публикационная активность*⁴. С 2009 г. произошли заметные изменения в структуре научных публикаций: ВШЭ укрепляет позиции в публикационной активности на международном уровне. Так, по сравнению с 2009 г. количество публикаций в Scopus увеличилось почти в 11 раз, а количество публикаций в Web of Science – в 7 раз.

Кроме того, наблюдается быстрый рост цитирований публикаций сотрудников НИУ ВШЭ в наукометрических базах данных Web of Science и Scopus. За четыре года количество цитирований в базе данных Web of Science увеличилось в 5,6 раза, а в базе данных Scopus – в 6,7 раза.

*Интеграция образования и науки*⁴. Проектно-учебные лаборатории и группы объединяют студентов, практиков и исследователей вокруг конкретных прикладных проектов. Научно-учебные лаборатории и группы объединяют студентов и исследователей вокруг конкретных научных проблем. Работа в них засчитывается в академическую нагрузку студентов. Студенты НИУ ВШЭ активно участвуют в зарубежных стажировках, научных школах, преддипломной практике (303 студента в 2014 г.). Помимо этого, студенты в процессе обучения ведут активную исследовательскую деятельность. Так, например, была запущена «Ярмарка проектов». Это – «электронная площадка» ВШЭ, где научные и административные подразделения размещают предложения по проектам и вакансиям

для студентов. Участие студентов в «Ярмарке проектов» дает им исследовательский и практический опыт в разных областях знаний, причем в проекте не существует никакой привязки к факультету или образовательной программе. Любой студент может выбрать проект в любой области и с любым видом занятости.

Преобразование организационной структуры университета. В рамках Программы развития НИУ происходит модернизация структуры факультета и учебного процесса. К таким изменениям, которые должны повысить уровень эффективности работы университета НИУ, ВШЭ относит: преобразование факультетов в мегафакультеты, где факультеты остаются в статусе департаментов и школ (отвечают за исследования и кадровое развитие); ликвидация кафедр; организация автономного управления образовательными программами; объединение наук с наибольшим взаимодействием; профильные НИИ и лаборатории включены в мегафакультеты.

Подобные структурные изменения позволяют работать над усилением полидисциплинарности, укрупнения научных проектов и их эффективности, интегрирования исследований в процесс обучения, создание возможностей для реализации научного и преподавательского потенциала.

Так, в 2015 г. закончилось преобразование факультетов в мегафакультеты. При этом НИУ ВШЭ полностью перешел к модели «образовательных программ», а не «факультетов» или «направлений». Также продолжается увеличение количества англоязычных программ во всех кампусах университета, так, в 2013 г. их было 10, в 2015 г. уже 18. Англоязычные программы обладают рядом преимуществ, поэтому они являются очень ценным образовательным продуктом: привлекают иностранных студентов; обеспечивают получение выпускниками дополнительных компетенций на глобальном рынке труда; способствуют привлечению квалифицированных специалистов из-за рубежа; обеспечивают включение российских научных коллективов в международную повестку и пространство академической коммуникации; обеспечивают качество образования, соответствующее мировым стандартам; способствуют развитию навыков социокультурной коммуникации.

Помимо этого, в университете создаются международные лаборатории – научные подразделения, работающие под руководством зарубежного ученого и представителя научного сообщества ВШЭ. В международных лабораториях ВШЭ в 2014 г. работали: 520 научных сотрудников (362 – моложе 40 лет), 145 студентов и аспирантов.

За 6 лет участия (с 2009 по 2014 г.) университета в программе НИУ вузу удалось достигнуть успехов в реализации приоритетных направлений развития, конкретных областей исследований,

модернизации внутренней организации и образования. Кроме того, следует отметить, что Высшая школа экономики стабильно показывает высокие результаты в международных рейтингах оценки качества образования среди российских вузов. Однако отставание от передовых европейских учебных заведений до сих пор сильное, при том, что по сравнению с 2014 г. ВШЭ улучшила свои результаты. Так, результаты, опубликованные рейтинговым агентством QS в 2015 г., показали успехи вуза в предметных и отраслевых рейтингах – в областях «Социально-экономические науки и менеджмент» (161-я позиция, в 2014 г. – 232-я позиция, среди российских вузов в 2015 г. – 2-я позиция), «Гуманитарные науки и искусство» (289-я позиция, среди российских вузов – 3-я позиция), а также в предметах «Изучение социально-экономического и политического развития» (группа 51–100, среди российских вузов – 1-я позиция), «Экономика и эконометрика», «Социология» и «Философия» (группа 151–200 по каждому предмету, среди российских вузов – 1-я позиция, по философии – 2-я).

Важно заметить, что важной составляющей рейтингов является цитируемость результатов исследований, а также репутация, которая создается годами. С этим во многом связано то, что ВШЭ – это молодой университет. При этом с каждым годом вуз повышает результативность, в том числе благодаря модели НИУ. В течение еще двух лет НИУ ВШЭ будет участником программы, и за это время университету необходимо повышать эффективность всех показателей, а также развиваться в сторону увеличения присутствия на мировом рынке образовательных услуг.

Примечания

- ¹ Волков А.Е., Ливанов Д.В., Фурсенко А.А. Высшее образование: повестка 2008–2016 // Эксперт. 2007. № 32. 3 сент.
- ² Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 июля 2009 г. № 276 г. Москвы «О перечне показателей, критериях и периодичности оценки эффективности реализации программ развития университетов, в отношении которых установлена категория “национальный исследовательский университет”». [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2009/09/18/universitet-dok.html> (дата обращения: 27.01.2016).
- ³ Доклад о ходе реализации «Программы развития государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования “Государственный университет – Высшая школа экономики”, в отношении которого установлена категория “национальный исследовательский университет”, на 2009–2018 гг.» за 2014 г. [Электронный ресурс] URL: http://strategy.hse.ru/nic_report (дата обращения: 27.01.2016).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33514> (дата обращения: 27.01.2016).

Методология и методы социологических исследований

А.В. Кученкова

Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения

В статье представлен обзор подходов к измерению близких по содержанию понятий: социальное самочувствие и субъективное благополучие. Определено их соотношение, рассмотрены наиболее распространенные наборы эмпирических индикаторов для их измерения. Установлено, что «широкое» толкование социального самочувствия сближает его с термином «социальное настроение» и подразумевает использование не только оценок собственного положения индивида и его жизни, но и ситуации в обществе. «Узкая» трактовка социального самочувствия ближе к содержанию распространенного в англоязычной литературе термина «субъективное благополучие». Она включает в первую очередь характеристики удовлетворенности жизнью в целом и отдельными аспектами. Особенностью моделей измерения субъективного благополучия является стремление исследователей учитывать эмоциональную оценку жизни.

Ключевые слова: социальное настроение, социальное самочувствие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью.

Социальное настроение, социальное самочувствие, субъективное благополучие часто становятся предметом научного исследования и регулярных мониторингов, проводимых службами по изучению общественного мнения. Однако согласия по поводу трактовки и способа измерения этих явлений среди социологов не достигнуто. Исследователи используют самые разнообразные наборы показателей и индикаторов, не всегда обосновывая их выбор. Осложняется ситуация различиями в российской и запад-

© Кученкова А.В., 2016

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (грант № 14-03-00279 а).

ной традициях по изучению этих явлений. В этой связи возникает потребность в систематизации подходов к пониманию этих категорий и способов построения их концептуальных моделей.

Сравнение способов измерения рассматриваемых явлений может производиться по разным основаниям. Например, Г.Г. Татарова и Г.П. Бессокирная¹ предлагают формально-логические (особенности индивидуальных измерений, специфика групповых измерений, размерность (число независимых компонент) и др.), имеющие особую важность с точки зрения обеспечения валидности. Вместе с тем различия между моделями измерения социального настроения, самочувствия, субъективного благополучия связаны с содержательной трактовкой этих понятий, которую также следует учитывать.

Наиболее общим понятием из трех упомянутых является «*социальное настроение*», под которым понимают оценку индивидом внешней ситуации, обстановки, эмоционально-рациональную реакцию на окружающую среду и происходящие события, а также собственное положение. Тем самым социальное настроение представляет собой «целостную форму жизнеощущения», «продукт духовно-практического освоения мира; отражающий действительность, реальность, исходя из содержания конкретных интересов субъекта, его конечных целей и идеалов»². Действительность, отраженная и преломленная через социальное настроение, детерминирует деятельность и поведение человека. Однако определение этого понятия носит достаточно абстрактный характер и вряд ли может быть подвергнуто прямой операционализации. Косвенным подтверждением этому служит использование в исследовательской практике самых разнообразных индикаторов социального настроения. Например, Н.Н. Седова предлагает³ следующие: 1) уровень социального самочувствия (удовлетворенность жизнью, материальным положением и его перспективами, приспособленности к происходящим в стране переменам); 2) оценки положения дел в стране (экономической, политической ситуации, общего вектора развития); 3) оценки деятельности основных политических институтов (президента, правительства, государственной думы, главы региона, города, политических партий и др.). С помощью совокупности подобных индикаторов исследователи пытаются определить характер общего эмоционального фона и атмосферы в обществе. Для решения этой задачи прибегают и к другим показателям, в частности измеряют уровень обобщенного доверия, отражающего представление людей о надежности потенциальных партнеров по коммуникациям и позволяющего судить о социальном климате, уровне напряженности, комфортности жизнедеятельности в обществе⁴.

Анализ научной периодики показывает, что чаще всего понятие «социальное настроение» либо вообще не операционализируют, используя в качестве интегральной характеристики мнений опрашиваемых по самым разным вопросам, либо рассматривают в роли синонима социальному самочувствию и предлагают обширный перечень разнообразных индикаторов, не конструируя каких-либо обобщенных показателей.

В практике социологических исследований широко распространено обращение к изучению *социального самочувствия* как населения страны в целом, так и отдельных групп граждан (молодежи, пожилых, рабочих и т. д.) или представителей различных регионов страны для осуществления сравнительного анализа состояния этого явления. Особое значение придается рассмотрению показателей социального самочувствия в динамике, поиску линии их основного тренда, общего направления и установлению причин колебаний значений (как правило, внутри- и внешнеполитических). Подчеркивается, что социальное самочувствие отражает общую тональность общественных настроений, эмоциональную оценку собственного положения, условий удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей, интересов.

В эмпирических исследованиях по изучению *социального самочувствия* доминируют *два подхода*: первый связан с трактовкой понятия в широком смысле как аналога социальных настроений, второй – в узком как нечто подобное субъективному благополучию (о котором речь пойдет ниже).

Первый (широкий) подход к измерению социального самочувствия подразумевает рассмотрение, во-первых, общей оценки собственной жизни (в контексте положения в обществе, включая социальный оптимизм, адаптированность к сегодняшней жизни, материальный, социальный статус и возможности их изменений и т. п.), а во-вторых, оценку положения дел в стране (экономической и политической ситуации, деятельности властей и институтов, направления развития страны в целом). Типичными примерами этого подхода могут служить следующие наборы индикаторов:

- уровень удовлетворенности жизнью; оценка текущего материального положения своей семьи и его перспектив; экономического положения России и политической ситуации в стране, перспектив развития страны (методика ВЦИОМ⁵);
- оценка личного положения (настроение, изменение жизни в определенном направлении), текущего положения России (экономического, политического, правильности направления развития), ожидания (как будет жить семья, Россия), одобрение деятельности власти: президента, правительства (методика Левада-Центра⁶);

- удовлетворенность жизнью в целом, уверенность в завтрашнем дне, оценка респондентом уровня своего переживания социального дискомфорта; оценка степени социального благополучия в стране, уровня социальной напряженности, общая оценка степени благоприятности для себя лично общей ситуации в стране⁷;
- объективные показатели уровня жизни и их оценка респондентами (достаточность/недостаточность объективных условий для реализации собственных притязаний), удовлетворенность/неудовлетворенность своими жизненными достижениями (состояние здоровья, эмоционально-психологическое состояние, социальное самочувствие), оценка социальной среды (проблемы), гражданская позиция, оценка положения дел в регионе, жизненные стратегии (исследование Южного научного центра РАН⁸).

Отличительной особенностью приведенных выше способов измерения социального самочувствия в содержательном плане является стремление исследователей учитывать не только оценку индивидом собственного положения в обществе, но и *ситуации в стране/обществе в целом*. С формальной точки зрения доминирует представление о социальном самочувствии как многомерном явлении, рассмотрение его составляющих по отдельности, как составляющих многомерной модели, использование по одному эмпирическому индикатору для каждой компоненты социального самочувствия и получение *групповых оценок* (отражающих соотношение положительных и отрицательных мнений). Часто акцент смещен на рассмотрение динамики отдельных показателей социального самочувствия *на групповом уровне* и их взаимосвязи с информационным фоном, текущими событиями общественной жизни (от принятия нового закона до мирового экономического кризиса). Исследования, выполненные в данном русле, пытаются дать общую оценку общественных настроений, в том числе в динамике на протяжении больших временных периодов, с помощью нескольких независимых вопросов-индикаторов, которые по своему содержанию затрагивают разные аспекты восприятия индивидом не только собственной жизни, но и ситуации в обществе.

К этому же подходу можно отнести исследования, в которых для измерения социального самочувствия отбираются только некоторые из перечисленных компонент. Например, в опросах ФОМ⁹ до 2007 г. использовались вопросы про адаптированность к сегодняшней жизни и социальный оптимизм. П.М. Козырева¹⁰ для изучения социального самочувствия на основе вторичной концептуализации данных РМЭЗ выделила три показателя: удовлетворенность и стабильность существования, статусно-престижная идентичность (представления о своем положении в экономико-политической

организации российского общества на основании оценок своего положения в континуумах: «нищих» и «богатых»; «бесправных» и «тех, у кого много власти»; «тех, кого совсем не уважают» и «тех, кого очень уважают»), самооценка состояния здоровья.

В рамках *второго (узкого) подхода* к измерению социального самочувствия ключевым показателем является удовлетворенность жизнью и/или сумма частных удовлетворенностей различными аспектами (сферами, доменами) жизни. Иногда вместо шкалы удовлетворенности используются шкалы «достаточно/недостаточно», «хватает / не хватает». В дополнение к вопросам об удовлетворенности жизнью включаются индикаторы психологического комфорта, эмоций. В этом случае социальное самочувствие можно рассматривать как аналог распространенного в западной литературе понятия «*субъективного благополучия*». Примерами реализации этого подхода могут служить следующие модели измерения:

- социальное самочувствие как общая удовлетворенность жизнью и как сумма частных удовлетворенностей по тринадцати направлениям / сферам (безопасность, материальное положение, отношения в семье, досуг, возможность творческой самореализации, комфортная среда обитания, состояние здоровья и др.)¹¹;
- удовлетворенность жизнью в целом, работой на предприятии, питанием, одеждой, жилищными условиями, бытом, материальным положением, величиной свободного времени, проведением свободного времени, состоянием здоровья¹²;
- достаточность («шкала достаточности», «чего из перечисленного Вам не хватает?») по одиннадцати сферам социальной деятельности индивида¹³;
- важность определенных условий и ценностей, степень удовлетворенности их состоянием (для студентов учебные условия, коммуникации с окружающими, материально-бытовые и досуговые условия)¹⁴.

Отличительными особенностями представленного подхода являются: в содержательном плане – акцент на самооценке собственной жизни человека в целом или по отдельным компонентам и *отсутствие индикаторов восприятия ситуации в стране/обществе*, что делает систему показателей более однородной по сравнению с первым подходом. С формальной точки зрения предлагаются как одномерные, так и многомерные модели измерения, в первом случае конструируется интегральный индекс. Кроме того, значительно варьируется набор индикаторов в зависимости от специфики изучаемого объекта (например, для трудящихся и студентов предлагаются совершенно разные вопросы анкеты, отражающие аспекты повседневной жизни каждой группы¹⁵).

Если в отечественной литературе понятия *социальное/общественное настроение*, *социальное самочувствие* получили широкое распространение, то в англоязычной при изучении схожих явлений используют термин «*субъективное благополучие*».

С точки зрения теории субъективное благополучие включает три основных компонента; в зависимости от того, какой из них оказывается в центре внимания исследователя, можно выделить три основных подхода к измерению субъективного благополучия. Причем первые два устоявшиеся, а третий появился в последние годы.

Основу субъективного благополучия составляет *когнитивная оценка собственной жизни* (удовлетворенность жизнью в целом и отдельными сторонами). Для ее измерения предложены различные подходы. Наиболее распространенным на практике является использование одного-единственного эмпирического индикатора¹⁶. Например, вопрос об удовлетворенности жизнью в целом; «лестница Кэнтрила» (оцените вашу жизнь по шкале, где 0 – худшая из возможных жизней для вас, 10 – лучшая из возможных для вас жизнь); уровень общего счастья (насколько вы счастливы).

Существуют и модели с множественными индикаторами. К таковым относится получившая большую популярность шкала удовлетворенности жизнью (SWLS, Satisfaction With Life Scale), разработанная Э. Динером¹⁷. Она включает пять суждений: «по большинству направлений моя жизнь близка к идеалу», «условия моей жизни – отличные», «я удовлетворен своей жизнью», «к настоящему моменту я достиг всех важных целей, к которым стремился в жизни», «если бы я мог прожить заново, то я бы практически ничего не изменил в ней». Для каждого предлагается 7-балльная шкала (от полностью согласен до полностью не согласен), на основе ответов респондентов вычисляют значение суммарного индекса.

Другим примером модели с множественными индикаторами служит индекс личного благополучия Кумминса (Personal Well-being Index, PWI). Он строится основе оценок респондентами степени собственной удовлетворенности семью аспектами: стандартами жизни, своим здоровьем; тем, чего они достигли в жизни; личными взаимоотношениями; тем, насколько безопасно они себя чувствуют; тем, насколько они ощущают себя членами своего сообщества; безопасностью в будущем. Значение интегрального индекса получают путем вычисления среднего арифметического. Хотя возможен и другой способ, в частности сложение значений индикаторов, каждый из которых, как правило, имеет одинаковый вес.

Вторым ключевым компонентом субъективного благополучия считают *эмоциональное состояние человека (аффективная оценка*

жизни), включающее наличие положительных и отсутствие отрицательных эмоций. В качестве инструмента измерения используют вопросы о частоте, интенсивности и виде/типе эмоций и чувств (например, счастье, огорчение, злость, восторг) за прошедший короткий период времени (неделю, день). Для обобщения ответов по нескольким индикаторам используют суммарные индексы или средние значения, причем для положительных и отрицательных эмоций по отдельности (в многочисленных исследованиях было показано, что они образуют два независимых конструкта¹⁸). Несмотря на это, иногда положительные и отрицательные эмоции объединяют: вычисляют «аффективный баланс» как разницу средних величин по отрицательным и положительным эмоциям.

Описанные два компонента субъективного благополучия (оценка жизни и эмоции) относят к гедонистическому подходу к измерению субъективного благополучия (чтобы быть счастливым и благополучным, необходимо испытывать положительные эмоции, получать удовольствия в жизни). В последнее время под влиянием исследований психологов все больше акцентируется внимание на важности других составляющих благополучия, таких как наличие цели и смысла в жизни, реализация собственного потенциала, компетентность в профессиональной деятельности, независимость, личностный рост, чувство контроля над собственной жизнью. В результате получил распространение психологический или «деятельностный» подход к субъективному благополучию, в рамках которого акцент смещается на действия, активность человека (чтобы быть счастливым и благополучным, необходимо не просто «быть» / чувствовать / иметь, а «делать»). Этот подход также называют *эвдемоническим* (eudaimonic) от философского понятия *эвдемонизм, эвдаймония*. А для обозначения третьего компонента субъективного благополучия употребляют отдельный термин «процветание», «успешность» («flourishing»). В качестве показателей используют автономность, контроль, компетентность, вовлеченность в социальную жизнь, хорошие межличностные отношения, чувство значимости, наличие цели в жизни и ее достижение и др. Однако перечни индикаторов у разных авторов существенно отличаются, окончательный консенсус по этому поводу не достигнут. Относительно анализа и обработки результатов измерения в рекомендациях OECD¹⁹ сказано, что на основе перечня индикаторов для третьей составляющей субъективного благополучия можно строить суммарный индекс (если индикаторы коррелируют между собой). При этом отмечается, что большинство исследователей рассматривают этот компонент как многомерную характеристику.

На практике в эмпирических исследованиях социологов доминирует использование только первой или первой и второй компонент (и только одного-двух соответствующих им индикаторов). Однако существуют попытки охватить *все три составляющие* одновременно. Например, Статистическое бюро Великобритании предлагает использовать четыре базовых показателя: общая удовлетворенность жизнью, положительные эмоции (суммарный индекс), отрицательные эмоции (суммарный индекс), субъективная значимость того, что человек делает в жизни («до какой степени, насколько вы чувствуете, что то, что вы делаете, в вашей жизни значимо, стояще»). Эти показатели не объединяются в интегральный индекс и интерпретируются по отдельности, представляя собой многомерную модель субъективного благополучия²⁰, достаточно компактную и хорошо подходящую для регулярных массовых опросов по самой различной проблематике.

Более подробную и развернутую модель предложили разработчики анкет для проекта Европейское социальное исследование (European Social Survey). Они подобрали индикаторы для всех трех составляющих субъективного благополучия, одновременно подразделив их на две группы: связанные с личными характеристиками и межличностным взаимодействием²¹. Анализируются их значения по отдельности, в обобщенный показатель они не объединяются.

Несмотря на схожесть контекстов употребления рассматриваемых понятий, наиболее распространенные способы их измерения позволили продемонстрировать отличия в их толковании. Все три понятия можно расположить на континууме, на одном конце которого будет находиться наиболее общее – социальное настроение, на другом – субъективное благополучие, а посередине – социальное самочувствие, которое в зависимости от трактовки авторов может приближаться к одному или другому полюсу. Если при изучении социального настроения и самочувствия в центре внимания оказываются *групповые оценки* собственного положения и ситуации в обществе, то при исследовании субъективного благополучия более выражено стремление к учету психологического состояния человека, его эмоций и личных переживаний.

Вне зависимости от используемого понятия, его трактовки, необходимо обосновывать выбранный способ измерения, учитывая контекст исследования, социальные, демографические, экономические характеристики объекта; возможность выбирать одномерную или многомерную модель, использовать один или несколько индикаторов в зависимости от задач исследования, объема инструментария и других аспектов.

- ¹ *Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П.* Типологический анализ наемных работников в контексте их социальной адаптации // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2016.
- ² *Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21.
- ³ *Седова Н.Н.* Индекс общественных настроений: методика и динамика // Мониторинг общественного мнения. 2004. № 3. С. 120–123.
- ⁴ *Кученкова А.В.* Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 27–37.
- ⁵ *Федоров В.В., Боков М.Б.* Главные ожидания и опасения населения: динамика социальных настроений в обществе // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 3. С. 4–25.
- ⁶ *Красильникова М.Д.* Динамика агрегированных показателей социального самочувствия // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 5–12.
- ⁷ *Русалинова А.А.* Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // Вестник СПбГУ. 1994. Сер. 6. № 1. С. 49–60.
- ⁸ Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Под ред. М.К. Горшкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2011.
- ⁹ *Рогозин Д.* Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 97–113.
- ¹⁰ *Козырева П.М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004.
- ¹¹ *Балацкий Е.В.* Методы диагностики социального самочувствия населения // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3. С. 47–53; *Он же.* Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Там же. № 4. С. 42–52.
- ¹² *Бессокирная Г.П.* Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 34–37.
- ¹³ *Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П.* Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология. 4М. 1998. № 10. С. 45–72.
- ¹⁴ *Мяжков А.Ю.* Диагностика и измерение социального самочувствия студентов: к обоснованию методики // Социология образования. 2015. № 7. С. 102–113.
- ¹⁵ *Бессокирная Г.П.* Указ. соч.; *Мяжков А.Ю.* Указ. соч.
- ¹⁶ OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. OECD Publishing. 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264191655-en> (дата обращения: 15.12.2015).
- ¹⁷ *Diener E., Suh E.M., Lucas R.E. Smith H.L.* Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. Vol. 125. No. 2. 1999. P. 276–302.
- ¹⁸ См. например: *Diener E., et al.* Op. cit.
- ¹⁹ OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being...
- ²⁰ *Tinkler L., Hicks St.* Measuring Subjective Well-being / Office for National Statistics. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.oecd.org/statistics/Guidelines%20on%20Measuring%20Subjective%20Well-being.pdf> (дата обращения: 15.12.2015).

- ²¹ Полный перечень показателей и индикаторов см.: *Hupper F.A., Marks N., Clark A.E., Siegrist J., Stutzer A., et al.* Measuring well-being across Europe: Description of the ESS Well-being Module and preliminary findings. PSE Working Papers. 2008. Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1007/s11205-008-9346-0> (дата обращения 15.12.2015).

Опыт применения ДСМ-метода для изучения феномена доверия

В статье рассматривается применение ДСМ-метода для поиска детерминант доверия на индивидуальном уровне по отдельности для трех групп респондентов: россиян, представителей других европейских стран с традиционно высоким и низким уровнем доверия. Обнаруженные детерминанты доверия сопоставляются для выделенных групп. Эмпирической базой послужили результаты пятой волны Европейского социального исследования (ESS).

Ключевые слова: ДСМ-метод, доверие, международные сравнения, детерминанты доверия.

ДСМ-метод автоматического порождения гипотез – метод анализа данных, предложенный В.К. Финном¹ в конце 1970-х годов и предназначенный для выявления причинно-следственных связей путем поиска совокупности характеристик объектов, детерминирующих значение целевого показателя. Если объекты исследования – респонденты, то для применения ДСМ-метода необходимо, чтобы они были описаны через определенный набор значений переменных – потенциальных детерминант. Сравнение между собой респондентов с одним и тем же значением целевого показателя позволяет обнаружить их сходства в виде комбинаций значений независимых признаков, которые интерпретируются как детерминанты² того или иного мнения (значения целевой переменной).

В основе выбора данного метода анализа для решения задач, связанных с изучением доверия, лежит предположение о том, что существует причинно-следственная связь между характеристиками респондентов на индивидуальном уровне и уровнем их доверия. В рамках решения этой задачи необходимо выбрать целевую переменную, на основании которой респонденты разделяются на противоположные группы (наличие/отсутствие или высокие/низкие

© Неофитова А.А., 2016

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (грант № 14-03-00279 а).

значения признака) и группу независимых переменных – потенциальных детерминант³. Спецификой метода также является то, что он позволяет находить асимметричные причинные отношения⁴. В данном случае мы сможем подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что набор характеристик для респондентов с высоким и низким уровнем доверия не совпадает.

Для решения поставленной задачи в качестве эмпирической базы исследования использовались данные, полученные в рамках пятой волны Европейского социального исследования (ESS) в 2010 году⁵. В проекте принимали участие 27 стран Европы, в том числе Россия.

В задачи исследования входило определение уровня доверия в России и странах Европы, а также выявление сочетания характеристик, определяющих тот или иной уровень доверия в разных странах. В данном исследовании рассматривается так называемое обобщенное межличностное доверие, эмпирическим индикатором которого выступает стандартный вопрос, включаемый в кросс-культурные исследования и присутствующий в анкете ESS: «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает?» Респондентам предлагалось дать ответ по десятибалльной порядковой шкале. Для каждой страны была вычислена доля респондентов, которые считают, что большинству людей можно доверять (т. е. с высоким уровнем доверия, поставившие от 7 до 10 баллов при ответе на данный вопрос) и доля лиц, не доверяющих людям (отметившие от 0 до 3 баллов).

Для выявления детерминант уровня доверия на индивидуальном уровне, в соответствии с современными теоретическими разработками и возможностями используемой базы данных, были отобраны потенциальные факторы, определяющие уровень доверия: успех и субъективное благополучие (удовлетворенность работой, жизнью в целом), социальная активность (интенсивность общения с друзьями, чувство одиночества; готовность к помощи постороннему), локальный контекст (безопасность на улицах и дома, отношение к мигрантам), психологическое состояние (оптимизм, умиротворенность, активность).

Для сопоставления детерминант межличностного доверия в разных странах затруднительным представляется рассмотрение детерминант для каждой из 27 стран по отдельности. В этой связи было принято решение сформировать три выборки объектов: респонденты из России, из стран с высоким уровнем доверия и из стран с низким уровнем доверия. Затем установить детерминанты для каждой из трех групп по отдельности и сопоставить их друг с другом.

Для выделения этих групп стран на основе одного индикатора – вопроса о доверии – был сконструирован групповой индекс⁶, отражающий соотношение доли доверяющих и недоверяющих в каждой стране. Значения этого индекса изменяются от -1 до 1 , положительные значения свидетельствуют о преобладании в стране доверяющих, отрицательные – недоверяющих. На его основе были выделены группы стран (в скобках приведены значения индекса):

- с высоким уровнем межличностного доверия: *Дания (0,41), Норвегия (0,36), Швеция (0,28)*;
- с низким уровнем межличностного доверия: *Болгария (-0,31), Словения (-0,29), Кипр (-0,26), Португалия (-0,24), Словакия (-0,21)*.

Для дальнейшего анализа применялся ДСМ-метод, специфика которого заключается в том, что фиксируются не статистические взаимосвязи между независимыми переменными⁷ и уровнем доверия, а производится поиск комбинаций значений переменных, присутствующих у респондентам с высоким уровнем доверия и не встречающихся у респондентов с низким уровнем доверия. Выбор метода исследования также обусловлен предположением, что набор детерминант, влияющих на уровень доверия, может быть различным для разных категорий респондентов.

Для проверки данной гипотезы отдельно рассмотрим детерминанты, определяющие уровень доверия респондентов из России, Скандинавских стран и стран Восточной Европы соответственно. Для анализа отобраны по 100 респондентов с высоким и низким уровнем доверия для каждой из обозначенных групп. Все переменные, включенные в анализ, измеряются по десятибалльной порядковой шкале, однако такое количество градаций слишком велико для ДСМ-метода (поскольку увеличивает в разы количество возможных комбинаций значений независимых признаков), в связи с чем производилась перекодировка переменных: переход от десятибалльной шкалы к трехбалльной. Далее с помощью ДСМ-метода⁸ устанавливались такие комбинации характеристик, которыми обладают респонденты с высоким уровнем доверия и не обладают люди с противоположным значением целевого показателя. И аналогично, для лиц с низким уровнем доверия были обнаружены комбинации значений независимых переменных, которые не встречаются у респондентов с высоким уровнем доверия.

В результате анализа ДСМ-метод позволил выявить комбинации характеристик («гипотез» в терминологии используемого метода), детерминирующих высокий и низкий уровень доверия, для каждой из трех групп респондентов (из России, Скандинавии

и Восточной Европы). Далее эти комбинации группировались по смыслу и содержанию в укрупненные блоки, которые в результате описывали большинство респондентов.

Вначале рассмотрим детерминанты доверия для россиян. В результате анализа выяснилось, что высокий уровень доверия россиян связан с высокой социальной активностью, удовлетворенностью локальным контекстом (чувство безопасности, положительное отношение к мигрантам и благоприятное психологическое состояние) и субъективным благополучием. Россияне с высоким уровнем доверия – это, в основном, респонденты, у которых проявляется сочетание всех этих характеристик. Низкий уровень доверия в России связан с низкой готовностью к помощи другим и отсутствием чувства безопасности. Для проявления высокого уровня доверия россиянам необходимо сочетание многих характеристик, тогда как в случае с низким уровнем доверия не играет роли уровень субъективного благополучия, отношение к мигрантам и близкий круг общения.

С целью сопоставления детерминант доверия для России и стран Европы сравним полученные результаты исходя из потенциальных факторов доверия (успех и благополучие, социальная активность, локальный контекст, психологическое состояние) по отдельности.

Вне зависимости от страны проживания, высокую степень своего *субъективного благополучия* демонстрируют только респонденты с высоким уровнем доверия. *Социальная активность* в анализе респондентов была представлена двумя составляющими: *общением и готовностью к помощи*. Высокие оценки по этим показателям наблюдаются у россиян и жителей Скандинавских стран с высоким уровнем доверия. Респонденты с высоким уровнем доверия из стран Восточной Европы проявляют меньшую готовность к помощи. Можно предположить, что среди жителей Восточной Европы высокая готовность к помощи характерна для респондентов с низким уровнем доверия, тогда как в России и странах Скандинавии ситуация обратная: респонденты с низким уровнем доверия отмечают, что скорее не готовы помогать неизвестным людям в случае необходимости.

Далее рассмотрим следующие факторы, выделенные в качестве потенциальных детерминант межличностного доверия: локальный контекст (который представлен двумя блоками переменных: безопасность и отношение к мигрантам) и субъективное психологическое состояние. Россияне с высоким уровнем доверия схожи с жителями стран Скандинавии: отмечают, что чувствуют себя в безопасности, проявляют положительное отношение к мигрантам

и в последнее время пребывают в хорошем психологическом состоянии. Жители Восточной Европы с высоким уровнем межличностного доверия отмечают не слишком хорошее психологическое состояние в последнее время (средние оценки по данному показателю). Россияне с низким уровнем доверия (как и жители Скандинавских стран) чувствуют себя небезопасно после наступления темноты, боятся, что их дом может быть ограблен. Европейцы с низким уровнем межличностного доверия отрицательно относятся к мигрантам, считая, что приток людей из других стран разрушает культуру страны и плохо сказывается на экономике.

ДСМ-метод позволил выявить совокупность детерминант высокого и низкого уровня доверия и зафиксировать их асимметричность для различных групп респондентов. На основе полученных результатов можно отметить, что у россиян детерминанты доверия на индивидуальном уровне схожи с респондентами из Скандинавии (стран с высоким уровнем доверия), хотя в целом уровень доверия в России гораздо ниже. Это может свидетельствовать о том, что на уровень доверия в стране оказывают влияние не только индивидуальные характеристики респондентов, но и некоторые внешние факторы (например, стабильность/нестабильность социальной, экономической и политической ситуации, экономическое развитие страны, культурно-исторические особенности, уровень преступности и т. д.), которые необходимо учитывать при проведении дальнейших исследований.

Примечания

- ¹ Автоматическое порождение гипотез в интеллектуальных системах / Под общ. ред. В.К. Финна. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- ² *Кученкова А.В., Михеенкова М.А.* ДСМ-метод // Тезаурус социологии. Кн. 2: Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 183–186.
- ³ Там же.
- ⁴ *Кученкова А.В.* Логико-комбинаторные методы как средство многомерного анализа данных // Вестник РГГУ. 2012. № 2 (82). Серия «Социологические науки». С. 113–131.
- ⁵ Европейское социальное исследование в России // European Social Survey. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ess-ru.ru> (дата обращения: 22.01.2016).
- ⁶ *Татарова Г.Г.* Методология анализа данных в социологии. М.: Nota Bene, 1999. С. 83.
- ⁷ *Кученкова А.В., Михеенкова М.А.* Указ. соч.
- ⁸ Анализ данных производился в программе JSM-Socio (автор-разработчик А.Ю. Волкова).

Изучение жизненных стратегий в контексте теории социального действия

В статье определяются ключевые особенности жизненных стратегий личности, обосновывается возможность применения теории социального действия и метода неоконченных предложений для их анализа.

Ключевые слова: жизненная стратегия, социальное действие, метод неоконченных предложений.

Несмотря на частоту употребления термина «жизненная стратегия» и кажущийся очевидным его житейский смысл, в рамках научного дискурса мы сталкиваемся с проблемой размытости границ и отсутствием достаточной научной формализации понятия. По своей структуре жизненные стратегии могут значительно отличаться от исследования к исследованию в зависимости от объекта и предмета изучения, дисциплинарных и методологических оснований, выбранных автором, однако есть наиболее общие составляющие, присутствующие в подавляющем большинстве исследований. В данной статье мы не преследуем цели дать всеобъемлющее и законченное определение жизненной стратегии, однако попытаемся наметить основные ее характеристики, а также предложим одну из возможных методологических точек зрения на изучаемый феномен.

Понятие «жизненная стратегия» в самом общем виде представляет интегральную характеристику личности, описывающую особенности организации человеком своего жизненного пути, его восприятие окружающей реальности и себя в этом контексте, способности и мотивацию разрешения жизненных противоречий. Жизненная стратегия личности обязательно включает в себя основные ценностные ориентации, ценности, установки и усвоенные в процессе социализации нормы поведения; описывает направленность жизненного пути личности, характеризует способ самоосуществления человека в окружающей его действительности, определяет его

реальное социальное поведение. Жизненная стратегия личности основывается на субъективных смыслах и восприятии социума и согласовывает собственную индивидуальность человека с внешними условиями. Жизненная стратегия является, в большей или меньшей степени, самостоятельным и осознанным выбором человека, однако не следует ограничивать ее рамками лишь полностью осознанного и вербализированного представления индивида о своем жизненном пути. На наш взгляд, человек, даже не имеющий четкой рефлексии о ходе и развитии своей жизни, также обладает основным набором характеристик, позволяющих описать его жизненную стратегию, и, что еще важнее, его поведение может быть описано через жизненную стратегию. Жизненная стратегия не является константой, это динамическое образование, которое постоянно изменяется под воздействием внешних и внутренних факторов. Подобные наиболее общие представления согласуются с мнениями основных авторов, работающих в этой проблематике¹.

Обозначив основные контуры феномена, можно предложить один из возможных методологических подходов к изучению жизненных стратегий в рамках логики социологического анализа. Для этого попробуем ответить на вопрос: «Для чего же жизненная стратегия нужна самому человеку в прикладном ее значении?». Помимо общих представлений о своей жизни, ранжировании приоритетов, наиболее очевидной и важной прикладной функцией жизненной стратегии представляется определение жизненных выборов человека. В зависимости от масштабов значения выборов, можно с большей или меньшей уверенностью говорить о подконтрольности выборов жизненной стратегии человека: повседневные, даже самые незначительные бытовые выборы (как проводить личное время, как общаться с окружающими и т. д.) тоже подвержены общей жизненной стратегии личности, однако эта категория сложна для социологического анализа. Выборы более масштабные по своему значению (выбор профессии, создание семьи, распоряжение имуществом и т. д.) уже самым непосредственным образом коррелируют с жизненной стратегией личности и отражают ее направленность.

Изучение жизненных стратегий напрямую адресуется к изучению жизненных выборов человека. Выбор является непосредственным способом преобразования окружающей реальности индивида. Обобщая многочисленные жизненные выборы, приводя их к некоторым общим образцам решения задач, под которыми подразумевается выбор способа разрешения жизненных проблем и противоречий, встающих перед каждым человеком, мы можем увидеть различия жизненных стратегий личности, а значит, перейти к их анализу.

Для социологического анализа жизненных выборов индивида в контексте изучения жизненных стратегий представляется наиболее адекватным использование веберовской теории социального действия. Предложенная М. Вебером традиция рассматривать в качестве базовой единицы анализа социальное действие получила значительное развитие и в своем современном виде предлагает значительный потенциал для исследований. Среди других авторов, развивавших теорию социального действия, стоит отметить нескольких. Т. Парсонс внес в эту теорию такие понятия, как «цель», «средства», «условия действия», неразрывно связав само действие с его контекстом. Он отметил «нормативность» социальных действий, ориентированность индивида при совершении действия на социальные нормы: «Нормативная ориентация имеет первостепенное значение для схемы действия в том же смысле, что и пространство в схеме классической механики; в терминах нашей концептуальной схемы не существует иного действия, кроме стремления к соответствию нормам...»². Нельзя не отметить вклад Р. Мертона, который уточнил значение культуры относительно целеполагания и выбора средств действий, указав на более обобщенный, обусловленный культурной интеграцией, масштаб формирования господствующих образцов поведения. Еще одним вкладом Мертона в развитие теории социального действия послужила концепция референтно-группового поведения³. Дальнейший вклад в развитие теории социального действия внесли Э. Гидденс, А. Турен, П. Бурдьё, П. Штомпка и многие другие. Отметим серьезный эвристический потенциал, которым обладает теория социального действия, в том числе подходящим и для анализа жизненных стратегий личности.

Конкретным результатом реализации жизненной стратегии является определенная совокупность выборов человека, внутренне связанных между собой общей логикой его поведения. Для анализа жизненных выборов можно использовать теорию социального действия, в рамках которой каждый жизненный выбор будет рассматриваться как единичное социальное действие, с присущей ему системой координат в виде цели, условий и средств, а также культурного контекста их осуществления. Подобный подход поможет увидеть жизненную стратегию не «сверху», через смысловое пространство индивида, а «снизу», через реальное поведение людей, действительные результаты воплощения жизненной стратегии. Реализация вышеизложенных представлений на практике предоставляет исследователю широкий арсенал методов сбора и анализа эмпирических данных.

Рассмотрим пример апробации метода неоконченных предложений. Относясь к классу «качественных» методов исследования

и являясь проективным по своей сущности, метод неоконченных предложений позволяет не только получить от опрашиваемых данные об их гипотетическом или уже осуществленном поведении в контексте задаваемых ситуаций, но и узнать мотивацию их действий, увидеть индивидуальные смыслы, которые люди вкладывают в свои действия.

Приведем несколько примеров использованных неоконченных предложений в рамках авторского исследования жизненных стратегий старшеклассников⁴:

Предложение *«Чтобы устроиться на хорошую работу, надо...»*. Исходный стимул ставит респондента перед сложным жизненным выбором способа реализации себя в профессиональной сфере. Полученные ответы, завершения предложения показывают различия в жизненных стратегиях учащихся относительно средств реализации этой цели. Некоторыми типичными примерами ответов являются: *«...получить хорошее образование»*, *«...поступить в престижный вуз»*, *«...заручиться нужными связями»*, *«...набраться полезных знаний»* и т. д. Мы можем увидеть жизненные выборы «большого масштаба», являющиеся явными проявлениями жизненных стратегий. Для раскрытия смыслов, стоящих за подобными выборами действий, можно задать дополнительный вопрос в форме незаконченного предложения: *«Идеальная профессия должна давать возможности...»*.

Следующее предложение *«Если бы у меня была большая сумма денег, я бы...»* ставит перед респондентом выбор способа использования денежных средств и дает примерно следующие типичные варианты ответов: *«...вложил в бизнес»*, *«...вложил в недвижимость»*, *«...отдал на благотворительность»*, *«...помог родителям»* и т. д. В данном примере видны отчетливо разнящиеся виды жизненных выборов, также обусловленные различными жизненными стратегиями личности.

Эти примеры показывают возможность и оправданность применения метода неоконченных предложений в рамках социологического анализа жизненных стратегий под углом вышеизложенной методологии. Правильно сконструированные исходные стимулы в виде незавершенных предложений позволяют собрать информацию о непосредственных социальных действиях, направленных на реализацию жизненной стратегии, а также прояснить внутренние смыслы, стоящие за этими действиями.

Для более полной оценки потенциала такого подхода требуются дополнительные исследования, но уже на этом этапе видны предпосылки для применения теории социального действия для анализа жизненных стратегий, в том числе с использованием

метода неоконченных предложений в качестве основного способа сбора данных. В числе основных преимуществ предложенного подхода можно выделить: а) обращение не к общим представлениям и установкам личности, а непосредственно к образцам поведения в различных ситуациях, то есть изучение жизненных стратегий базируется на реальном поведении человека, выражаемом в конкретных социальных действиях; б) наличие широкого спектра методов сбора и анализа данных, при этом за счет сохранения общей единицы анализа – социального действия, остается потенциал для сравнения различных исследований между собой, что способствует интеграции социологического знания; в) применение метода неоконченных предложений позволяет через исходный импульс, само незаконченное предложение, поставить респондента в конкретную ситуацию, установить контекст его действий и получить в виде реакции на предложенную ситуацию непосредственное социальное действие, практически не ограничивая вариативность ответов испытуемого.

Примечания

¹ *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

² *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. С. 99.

³ *Мертон Р.* Референтная группа и социальная структура. М.: Ин-т молодежи, 1991.

⁴ *Лапыгин В.Д.* Метод неоконченных предложений в типологическом анализе старшеклассников по жизненным стратегиям // *Наша социология – 2014: исследовательские практики и перспективы.* М.: РГГУ, 2014. С. 21–25.

Отличительные черты спорта как социокультурного комплекса

В статье рассмотрены основные функции спорта как социокультурного комплекса современности. Автор анализирует отличительные черты, присущие современному спорту с точки зрения экономической, политической и духовно-нравственной стороны, затрагивая такие вопросы, как взаимодействие спорта и СМИ, влияние спорта на экономический сектор и его политико-идеологическую составляющую. Автор уделяет особое внимание проблемам, возникшим в XX в. вместе с экспансией спорта в социальную жизнь общества.

Ключевые слова: современный спорт, негативное влияние спорта, Олимпийские игры, телевизионный спорт, спортивная социализация.

Нужен ли спорт современному обществу в том виде, в котором он существует сегодня? Похоже, что он уже не отвечает тем классическим определениям, которые провозглашают равную, честную и непредвзятую борьбу между спортсменами, лишённую всяких политических, культурных и национальных предубеждений. Какие же черты современного общества присущи спорту в целом и как они повлияли на него?

Данная статья, возможно, не даст однозначных ответов на эти вопросы, но автор постарается обозначить направления, в которых следовало бы двигаться ученому, чтобы приблизиться к нему. Этот вопрос не возник бы, не будь мы глубоко уверены, что существует непосредственная связь между спортом и обществом. Чтобы описать эту взаимосвязь, нам необходимо исследовать основные черты современного спорта как социокультурного комплекса и тем самым показать, что они же и являются неотъемлемыми чертами современного общества.

Бурдые писал: «Думаю, что без большого насилия над реальностью весь спектр спортивной деятельности и развлечений, предла-

гаемых социальными агентами, – регби, футбол, плавание, легкая атлетика, теннис, гольф и т. д. – можно считать предложением, направленным на удовлетворение социального спроса»¹.

В силу ограниченного объема статьи мы не сможем охватить все социальные функции, которые спорт выполняет в обществе. Мы рассмотрим наиболее специфические и значимые аспекты спорта для современного жителя мегаполиса с точки зрения не только их положительного влияния на общество, но и обратим внимание на их негативные стороны.

Как пишет К. Лэш: «Труд теперь сохраняет так мало следов игры, а повседневная рутина дает так мало возможностей для того, чтобы избежать иронического самосознания, которое само по себе приобретает качество рутины, что люди стремятся найти в игре нечто больше, чем просто острые ощущения»².

Одну из социальных функций современного спорта связывают с досугом современного жителя мегаполиса, мы конкретизируем ее и назовем эмоционально-компенсаторной. Человек, загнанный в небольшой офис большого города, ограниченный современными условиями труда, скованный рутинной работой, которую он должен выполнять в определенное время, в своем преимуществе лишен инициативы, творчества, риска, он вынужден воспроизводить свое поведение изо дня в день, достаточное для сохранения своего статуса работника.

Современное производство, в свою очередь, задачей которого является получение прибыли, стремится минимизировать риски, предсказывать, контролировать будущее, заранее (по мере возможностей) исключая для себя нежелательные исходы. Работа по схеме, механизм, который должен освоить работник, чтобы в дальнейшем уметь поддерживать и одновременно следовать ему.

Пространство спорта создает особый мир, погрузившись в который человек может на время уйти от повседневных забот. А подмир игр, контролируемый различными социальными агентами (такими как спортивный коллектив, с его партнерами по команде, тренеры, администрация, члены команды соперников и правила, которым все участники игры вынуждены подчиняться), создает те условия, в которых человек может проявить такие качества, как инициатива, стремление идти на риск, желание победить, выплеснуть агрессию, ощутить спортивную злость, испытать горечь поражения или радость победы.

Те эмоции, в которых нуждается современный работник, которые он не получает на постоянной работе, те трудности, которые он преодолевает (как в физическом, так и морально-волевом плане) во время спортивных состязаний, – все это он обнаруживает для себя в игре.

Помимо интеллектуального разнообразия, которое спорт вносит в жизнь современного работника, не стоит забывать и об удовлетворении (с появлением компьютеров и распространением современных технологий, как никогда) острой необходимости в физическом напряжении, которое с легкостью предоставляет спортивная игра.

Но как быть с людьми, которые занимаются спортом профессионально? В чем отличия между профессиональным спортсменом, зарабатывающим себе этим на жизнь, и менеджером, проводящим треть своей жизни в офисе? Жесткая специализация – отличительная черта спорта XX в. С самого детства будущий спортсмен, готовя себя к соревнованиям, начинает тренировать свое тело и дух мало сказать, в определенном виде спорта (футбол, баскетбол, водное поло) – на определенной позиции внутри определенного спорта (вратарь, опорный полузащитник, либеро, диагональный).

Ребенка, пришедшего в спортивную секцию, ждут годы изнурительной работы, диет, теоретических занятий, травм и восстановительных процедур, перед тем как встанет вопрос о выборе: идти ли в профессиональный спорт. Рискнуть до конца и попытаться войти в мир профессионального спорта? И сможет ли он удержаться в мире больших денег, ставок, допингов и нервов?

Из-за жесткой специализации спортсмен превращается лишь в элемент огромной спортивной машины. Действия атлета, а в большинстве случаев и сам атлет, становится товаром, а его тренировочный процесс все больше напоминает рабочий процесс на фабрике или в офисе. «Конечным результатом специализации, – пишет А. Гутман, – парадоксально становится механическое совершенство при отсутствии таких человеческих качеств, которые могли бы препятствовать взаимозаменяемости»³.

Современный спорт все больше перенимает черты глобальной корпорации, подобно большой бюрократической машине, где ведущую роль играют не спортсмены, выступающие один на один на спортивной арене, а управленческий аппарат, состоящий из бывших спортсменов, чиновников, бизнесменов и спонсоров, последние чаще преследуют свои выгоды, рассматривая пространство спорта как место для выгодного вложения капитала. Люди, непосредственно занимающиеся спортом, оказываются под давлением бюрократической организации, они становятся шестеренками этой властной структуры. От них требуется лишь результат, очень часто выражающийся лишь в цифрах – секундах, метрах или голах.

Ориентированность на рекорд – еще одна черта современного спорта. Конечно, сегодня мы не можем представить Олимпийские игры без рекордов, основной из причин жесткой специализа-

ции спортсменов. Атлет уже борется не со своими оппонентами, он борется с цифрами, он может выиграть забег, но не внести свое имя как рекордсмена и тем самым все равно проиграть. Или же он может поставить рекорд и увековечить себя как самого быстрого (сильного, ловкого, забившего больше). Эта цель стоит у каждого, кто задействован в игре, но скольким удается этого достичь? Единцам.

Сегодня вероятность ничьи сведена к минимуму путем дополнительного времени, серии буллитов или пенальти, основной итог спортивного состязания – выявить в паре участников, кто победит, а кто будет побежден. Игры, как мы знаем, проходят в определенном пространстве норм и правил, которые нередко нарушаются. Мы не будем обсуждать те нарушения, которые караются непосредственно во время игры, штрафными ударами, предупреждениями или другими способами, предусмотренными правилами конкретной игры.

Все чаще нарушаются так называемые неформальные правила, правила «fair play» – свод этических и моральных законов, дух спортивного рыцарства. К чему это может привести современный спорт? Желание победить любой ценой породило проблему допингов, запрещенных препаратов, при помощи которых спортсмен может получить преимущество перед остальными. Типичным становится неуважение к сопернику, судьям в виде бурного выражения эмоций, отказа жать руку или умышленное нанесение вреда здоровью спортсмена – все это нередко сопровождает профессиональный спорт. В мире высоких ставок, рекордов и денег его участники забывают о том, ради чего они выходят на спортивную площадку – доказать свое превосходство в честной игре, доказать что ты лучший, сохраняя человеческое лицо, уважение к сопернику, видя в нем если и не друга, то хотя бы коллегу по спортивному ремеслу.

Можем ли мы говорить, что современный спорт высоких достижений выполняет досуговые функции? Безусловно, но только лишь для зрителя, но не для самого спортсмена, для которого мир спорта не бегство от реальности (зачастую это сама реальность), а жесткоструктурированный мир с более суровыми правилами и ограниченным запасом ресурсов, основным из которых является время, отведенное для достижения определенного результата.

Еще одной отличительной чертой спорта второй половины XX в. стала его «медийность», спорт как шоу, зрелище. В первую очередь, повлияло на это развитие СМИ – газет, радио, телевидения, а затем и Интернета, где спортивное (а часто и «околоспортивное») событие оказывается в центре всеобщего внимания.

Спорт приспособился к информационному обществу, научившись взаимодействовать с основными каналами передачи, распространения, анализа и комментирования спортивных новостей. Абсолютное большинство болельщиков следят за спортивными событиями не напрямую, стадионы просто физически не смогли бы принять всех желающих насладиться соревнованиями. Чемпионаты мира, Европы, Олимпийские игры ежегодно собирают миллионы болельщиков около телевизионных экранов. Во время Олимпиады в Сочи церемонию закрытия смотрели 61% россиян⁴. Чем важнее, масштабнее, престижнее спортивное событие, тем большее внимание ему уделяют СМИ.

Одним из последствий медийности спорта стала его усиленная коммерциализация. Но все ли можно купить? И возможно ли с помощью денег добиться спортивных успехов? С одной стороны, мы видим проникновение товарно-рыночных отношений в спорт высоких достижений в виде сотрудничества крупных корпораций и определенных команд или турниров. Всегда ли это способствует развитию, не становится ли спорт с его идеей равных возможностей и полного отсутствия каких-либо предубеждений частью экономической системы, теряя при этом свою опосредованность от политики, капитала, культуры?

В состязаниях, где основной бюджет клубов зависит от их спонсоров, где команда формируется не по принципу принадлежности спортсмена к его стране (как в национальных сборных, хотя и там многое можно решить при помощи политического фактора), когда спортсмен может получить другое гражданство, широко применяется практика приглашения спортсменов из других стран. Клубы, имеющие богатых спонсоров, имеют большой бюджет, а следовательно, больше возможностей для покупки иностранной «рабочей силы». Можно ли назвать это равенством возможностей? Отсюда возникает проблема подготовки спортивного резерва, молодых спортсменов, которые со временем должны были занять место во взрослой команде.

Возникает вопрос, зачем развивать спортивные школы, школы олимпийского резерва, готовить достойную смену, если можно просто купить уже выращенного спортсмена за границей? Многие спортивные клубы придерживаются именно этого сценария до такой степени, что некоторые спортивные союзы, в частности Российский футбольный союз, начали вводить ограничения на легионеров, – допустимое число граждан без российского гражданства, которые имеют право одновременно находиться на поле. Делают ли деньги спорт более открытым, честным и справедливым – трудный вопрос. Сможет ли современный спорт выжить без спонсорства – определено нет.

Спорт как глобальное, кросскультурное событие нагружается политическими смыслами. 51% россиян⁵ на вопрос «Как вы думаете, как проведение Олимпиады – 2014 отразилось на позициях России?» говорили о повышении престижа России, укрепление ее позиций на международной арене. Политические лидеры страны являются почетными гостями олимпиад, нередко совмещая визиты на крупные спортивные соревнования с деловыми переговорами.

Нередко звезды спорта, завершив карьеру, начинают вести политическую деятельность или активно позиционировать себя как приверженцев той или иной политической партии, используя тем самым свой социальный капитал, приобретенный за время их профессиональной карьеры спортсмена.

В этом плане большой спорт, и в особенности Олимпийские игры, окутанные ореолом беспристрастности, отсутствием каких-либо политических притязаний, религиозных предубеждений и полным отсутствием идеологического контекста, являются довольно любопытным предметом обсуждения.

На Олимпиадах второй половины XX в. разгорались сражения не на жизнь, а на смерть, особенно когда встречались команды США и Советского Союза. За финалом Чемпионата мира по шахматам 1972 г. между советским гроссмейстером Борисом Спасским и американским – Робертом Фишером наблюдал весь мир. Матч сопровождался скандалами и психологической войной между его участниками. Это было не просто противостояние двух сильнейших на тот момент шахматистов – это была война двух идеологий, двух обществ – советского и американского.

Олимпиада 1936 г. в Берлине была не просто спортивным событием, призванным собрать спортсменов со всего мира и выявить сильнейших. Сильнейшими должны были стать спортсмены из Германии, доказав тем самым свое превосходство, превосходство своей нации, своей политической системы. Эти игры сопровождались мощным идеологическим подтекстом, пропагандой нацистского режима, призванные показать, что Германия полностью оправилась от болезненного поражения в Первой мировой войне и готова победить на спортивной арене.

Нередко сам приезд или бойкотирование Олимпийских игр становились оружием в холодной войне. Вспомним, когда страны Запада бойкотировали Олимпиаду в Москве, или последнее предложение США отменить решение ФИФА о проведении Чемпионата мира по футболу в России.

Безусловно, спорт всегда был и остается сферой социальной, призванной удовлетворять запросы общества, выполнять различ-

ные социальные функции, тесно связанные с экономикой, культурой, политикой, международными отношениями и различными потребностями людей. Мы уверены в том, что его потенциал безграничен, его социализирующие, оздоровительные, воспитательные ресурсы как никогда важны для нашей страны и будут использоваться в полной мере.

Примечание

- ¹ *Бурдые П.* Как можно быть спортивным болельщиком // Логос. 2009. № 6. С. 99.
- ² *Лэш К.* Вырождение спорта // Там же. 2006. № 3. С. 24.
- ³ *Гутман А.* Протестантизм, капитализм и современный спорт // Там же. 2013. № 5. С. 12.
- ⁴ Олимпиада в Сочи 18.03.2014 г. // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114748> (дата обращения: 10.04.2015).
- ⁵ Там же. С. 2.

Болевой синдром как социальная проблема: практики выписки и отпуска сильнодействующих лекарственных средств

В статье рассмотрены практики работы врачей и фармацевтов с рецептурным бланком №148-1/у-88. Автором проанализированы ключевые проблемы и сложности, с которыми сталкиваются медики, фармацевты и пациенты при выписке и отпуске препаратов по этому рецептурному бланку, влияющие на качество оказания медицинской помощи и состояние больных.

Ключевые слова: здравоохранение, законодательство, рецептурный бланк, лекарственное средство.

Актуальность проблемы исследования. Отечественная система здравоохранения и попытки ее реформирования становятся все более актуальной и обсуждаемой темой. Прежде всего, текущей ситуацией в российском здравоохранении озабочены члены медицинского и фармацевтического профессиональных сообществ, сообщества пациентов, а также представители законодательной и исполнительной власти. То и дело в отечественном медийном пространстве обнаруживаются новости, ставящие под вопрос эффективность мер, предпринимаемых Министерством здравоохранения и правительством.

Так, в феврале 2014 г. СМИ взбудоражили российскую общественность известием о суициде контр-адмирала ВМФ В.М. Апанасенко, находившегося на терминальной стадии рака поджелудочной железы и обвинившего в своей гибели Минздрав и правительство: семья онкобольного не смогла вовремя получить правильно оформленный рецепт и наркосодержащее обезболивающее. Президент Благотворительного фонда помощи хосписам «Вера» Н. Федермессер считает, что «смерть контр-адмирала Апанасенко показала – сегодня нормы, регулирующие оборот наркотиков так строги, что даже контр-адмирал военно-морского флота

со всеми мыслимыми регалиями и связями был вынужден пустить себе пулю в лоб, чтобы избавить от страданий и себя и близких»¹. Реакцией на самоубийство В.М. Апанасенко стало заявление Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков о том, что они «давно выступают за упрощение порядка отпуска таких препаратов тяжелобольным, дано указание исправить ситуацию, и последовательно проводится курс на гуманизацию порядка предоставления наркотических и психотропных лекарственных средств больным, нуждающимся в соответствующем лечении, особенно при оказании паллиативной помощи и помощи при онкологических заболеваниях»².

Тем не менее спустя год, в январе 2015 г., ввиду несовершенства российского законодательства и невозможности приобрести обезболивающее, суицид совершил страдавший раком желудка четвертой стадии генерал-лейтенант ВВС в отставке А.А. Кудрявцев. В феврале 2015 г. СМИ сообщили об 11 самоубийствах больных, страдающих онкологическими заболеваниями, в Москве. При этом вице-премьер Правительства О.Ю. Голодец объявила, что «сегодня прорабатывается возможность облегчения требований к тем учреждениям, которые хранят наркотические средства для обезболивания», а «по всем фактам самоубийств онкобольных идут проверки»³. Итогом этих проверок стали два заявления вице-мэра Москвы по вопросам социального развития Л.М. Печатникова и вице-спикера Госдумы А.К. Исаева. «Суициды среди людей, страдающих онкологическими заболеваниями, не связаны с отсутствием или дефицитом обезболивающих препаратов в Москве»⁴, – заявил Л.М. Печатников. «Основной причиной самоубийств онкологических больных в Москве являются не трудности с доступом к обезболивающим препаратам, а психологические проблемы»⁵, – считает А.К. Исаев.

Руководитель пресс-службы благотворительного фонда помощи хосписам «Вера» Е. Мартынова полагает, что ни о какой вспышке самоубийств речь не идет: «...проблема самоубийств регулярна, просто сейчас на нее стали обращать больше внимания; причиной этого является не кризис и удорожание лекарств, а строгое российское законодательство, которое не позволяет врачам выписывать сильное обезболивание для тяжелобольных. Большинство жалоб пациентов или их близких направлены на сложную процедуру получения обезболивания»⁶.

Подтверждением этого служат результаты посещения сотрудниками московского Департамента здравоохранения совместно с фондами «Вера» и «Подари жизнь» московских поликлиник в начале января 2015 г. Проверка была организована с целью

определения скорости получения пациентами обезболивающего в праздничный день. Фондом «Вера» были собраны и проанализированы десятки писем и отзывов, в которых москвичи писали о сложностях, возникавших у них в процессе назначения, выписывания и получения наркосодержащих обезболивающих. «Мы проанализировали 23 отзыва о случаях получения обезболивания пациентами Москвы и Московской области в 2014 г., в которых содержалась вся необходимая конкретная информация об округе, поликлинике, диагнозе и проблеме. Самое большое количество жалоб – 20% – касалось отказа в выписывании обезболивания, 13% жаловались на отсутствие адекватного обезболивания, 16% – на длительную процедуру получения рецепта, 9% – на незнание врачом процедуры выписки рецепта. Кроме того, были жалобы на грубое отношение со стороны персонала»⁷.

Но сложной ситуация оказывается не только для пациентов, но и для врачей, то и дело оказывающихся перед выбором «нарушить закон, чтобы помочь пациенту» или «оставить пациента мучиться, чтобы не стать преступником». В 2013 г. общественность шокировала новость об уголовном преследовании красноярского врача-терапевта с 50-летним стажем А.П. Хориняк за выписку болеутоляющего препарата онкобольному, который не был прикреплен к поликлинике, где работала доктор. Следствие сочло этот факт нарушением должностной инструкции и обвинило А.П. Хориняк в подделке документов и незаконном сбыте наркотических средств.

Действительно, согласно инструкциям Минздрава, выписать наркосодержащее обезболивающее больному может исключительно его лечащий врач, причем только в медучреждении, к которому этот пациент прикреплен. Получается, что, с точки зрения отечественного законодательства, претензии гособвинителей к А.П. Хориняк обоснованы. Однако позиция врача, имеющего право выписки наркосодержащих препаратов, в таких условиях должна полностью противоречить профессиональной врачебной морали: оказать помощь больному.

Дело А.П. Хориняк вызвало широкий общественный резонанс. В защиту доктора выступили известные врачи и общественные деятели, российские и международные организации паллиативной помощи, крупные правозащитные организации. В результате в 2014 г. А.П. Хориняк была оправдана, так как, по решению суда, ее действия были направлены на облегчение страданий больного, а сама врач стала женщиной года по версии российского издания журнала «Forbes».

Таким образом, доступность наркотических и психотропных препаратов, в которых нуждаются тяжелобольные пациенты с

таким диагнозом, как онкология, эпилепсия, шизофрения и проч., становится острой социальной проблемой. Это означает, что современное состояние, изменения и перспективы отпуска медикаментов по рецептурному бланку формы №148-1/у-88, предназначенного для выписывания ряда особых групп лекарственных препаратов (психотропных веществ III федерального списка, прекурсоров IV федерального перечня, сильнодействующих веществ, ядовитых веществ, анаболических стероидов и других лекарственных средств, подлежащих предметно-количественному учету), важны для изучения и осмысления научным сообществом, а также всеми «заинтересованными» сторонами: профессиональными медицинским и фармацевтическим сообществом, сообществом пациентов, представителями власти и бизнес-сообществом.

Новая практика работы с рецептурным бланком №148-1/у-88. В качестве эмпирической базы работы рассмотрим результаты исследования «Специфика практик выписки лекарств врачами, обращений населения и отпуска из аптек лекарственных средств по рецептурному бланку №148-1/у-88», проведенного в декабре 2014 г. независимым исследовательским агентством «Бэттерси Пауэр Маркетинг» в 16 крупных городах России (Москва, Санкт-Петербург и др.). Респондентами выступили неврологи и психиатры, выписывающие пациентам лекарства по рецептурному бланку №148-1/у-88, а также фармацевты аптек, отпускающие препараты по этому рецепту, и эксперты исследуемой области: лица, принимающие решения (далее – ЛПР) относительно указанных рецептурных бланков, чиновники региональных Минздравов, главные врачи городов/областей и/или лидеры мнений (далее – КОЛы) регионального уровня. В ходе исследования были использованы качественная и количественная методики: глубинные интервью с экспертами, анкетирование врачей и синтез дневникового исследования и самозаполнения специального бланка регистрации обращений за лекарствами по рецепту №148-1/у-88 с фармацевтами. Всего было опрошено: 255 врачей (из них: 145 неврологов и 110 психиатров), 200 фармацевтов, 6 ЛПР из центрального и подчиненного лечебно-профилактических учреждений (далее – ЛПУ), 2 чиновника региональных Министерств здравоохранения, 2 главных врача города/области и/или КОЛ регионального уровня.

В ходе исследования удалось выяснить, что в среднем из общего пациентопотока в день доля больных, которым выписывается лекарственное средство (далее – ЛС) на рецептурном бланке №148-1/у-88, составляет: у невролога 9–10 %, у психиатра – 28 %. Основными диагнозами, по которым происходит выписка сильнодействующих или психотропных веществ, являются: 1) в невроло-

гии – эпилепсия (40% неврологов выписывают сильнодействующие или психотропные препараты для лечения данного заболевания); нарушение сна (32%); онкология (16%); 2) в психиатрии – шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства (каждый второй врач выписывает для лечения психотропные препараты), эпилепсия и судороги (35% психиатров); психоневротические расстройства, невроты, психозы (21%).

По результатам работы фармацевтов с дневниками и бланками регистрации обращений за ЛС по этому рецепту можно сказать, что в течение пяти рабочих дней аптекарями из 198 аптек было зафиксировано 4566 таких обращений. Доля обращений покупателей за препаратом из рецепта №148-1/у-88 составила 43%, обращений за другими ЛС – 57%. Среди препаратов, реализуемых только при наличии указанного рецептурного бланка, наибольшим спросом пользуются кодеиносодержащие препараты – 35% запросов.

Рассмотрим экспертные мнения относительно изменений в назначении и выписывании препаратов по рецепту №148-1/у-88, которые произошли за последние 5 лет. Эксперты отмечают, что перемены коснулись написания в наименовании лекарственного средства, формы бланка и списка препаратов: 1) выписка препарата строго по международному непатентованному наименованию (далее – МНН), тогда как раньше – по торговому наименованию; 2) фиксация расшифровки состава комбинированного препарата с указанием дозировки составляющих веществ (раньше – независимо от состава, фиксация только названия препарата); 3) усложнение формы бланка; 4) расширение списка за счет ранее безрецептурной группы препаратов, которые продавались в свободном доступе.

При этом эксперты полагают, что указанные изменения носят негативный характер для врачебного сообщества, так как оформление бланков новой формы вызывает у медиков определенные сложности и занимает больше рабочего времени. Заведующая одной из поликлиник Екатеринбурга замечает: «Препараты комбинированные, нужно все прописывать по составным частям и по МНН. На это ведь нужно время. И эти составные части, препараты комбинированные, там же есть дозы. Дозы различные: тысячные доли, десятые доли грамма – это невозможно запомнить врачу. Это нужно заглянуть в справочную литературу»⁸.

В ходе анкетирования врачи подтвердили, что основную сложность в работе с рецептурным бланком №148-1/у-88 для них составило его оформление (38% от общего количества возникших сложностей). Конкретизируя данную проблему, медики отмечают, что необходимость составления выписки по МНН делает заполнение

бланка сложным и долгим, писать в нем приходится много, а на самой форме не хватает места для такого объема записей.

Среди других значимых проблем в работе с этим рецептурным бланком врачи указали: 1) небольшой срок действия рецептурного бланка (18% от общего количества возникших сложностей); 2) недочеты составления нормативных документов, требующие внесения изменений (18% от общего количества возникших сложностей), среди которых: пересмотр перечня ЛС, исключение; разработка единого шаблона и стандарта заполнения в электронном виде; учет бланков, жесткий контроль и отчетность; 3) работа и обеспечение аптек, отпуск препаратов (16% от общего количества возникших сложностей): ограниченное количество аптек, отпускающих препараты по рецепту; отсутствие сведений о наличии препаратов в аптеках; 4) сложности, связанные с количественными показателями (7% от общего количества возникших сложностей): ограниченное количество бланков; выписка одного препарата на одном рецепте; множество разных форм бланков; 5) назначение препаратов и их эффективность (2% от общего количества возникших сложностей): необходимость переориентирования назначения в сторону клинической эффективности; сложность обоснования выписки рецепта в первичной медицинской документации.

При работе респондентов с вопросом о том, в какой части рецептурного бланка №148-1/у-88 при его оформлении обычно возникает больше всего сложностей, 70% от общего числа опрошенных медиков указали, что есть проблемы в части описания ЛС, его дозировки, количества, способа и продолжительности применения; 13% врачей испытывают сложности в части указания серии и (или) номера рецептурного бланка, а порядка 5% – в части, где требуется штамп медицинской организации с указанием ее наименования, адреса и телефона.

В целом можно сказать, что около 25% врачей проявляют лояльность к сложившейся системе работы с указанным рецептом: данную категорию опрошенных все устраивает, пожеланий и рекомендаций по внесению изменений не требуется. Однако более 75% медиков попытались рационально оценить сложности в работе с рецептурным бланком №148-1/у-88: отметили свои неудобства в работе и высказали пожелания и рекомендации по усовершенствованию, модернизации и изменению характера работы с этим рецептом.

Пожелания медиков по устранению основных неудобств: 1) нужно продлить срок действия рецептов: 10 дней – слишком маленький срок, особенно для пациентов, находящихся на длительной терапии (25% врачей, отметивших сложности);

2) необходима возможность выписки ЛС по торговому наименованию: выписка по МНН занимает много времени и места на рецептурном бланке, врачам хотелось бы упростить/укоротить написание ЛС в рецепте (20%); 3) требуется обеспечить аптеки ЛС, выписываемыми по рецепту №148-1/у-88, должным образом, особенно это касается сильнодействующих препаратов (18%); 4) необходимо упростить процедуру оформления рецепта: врачам не всегда понятно, как записать ЛС по МНН (10%); 5) стоит сократить количество записей и печатей при оформлении рецептурного бланка (7%); 6) нужно увеличить формат бланка: не хватает места для записей действующего вещества, ФИО врача, ФИО пациента (7%); 7) необходимо упрощение процедуры выдачи рецептов, в том числе на уровне законодательства (5%); 8) требуется создание электронного шаблона рецептурного бланка: компьютеризированное заполнение позволит минимизировать количество ошибок и наладить связь между ЛПУ и аптекой (5%); 9) следует пересмотреть список препаратов: некоторые препараты являются не настолько сильнодействующими, чтобы иметь рецептурный отпуск (5%); 10) правила оформления и форма бланков должны меняться как можно реже, быть постоянными и строго регламентированными нормативными документами: врачи не успевают отслеживать и запоминать вносимые изменения (4%); 11) нужно реформировать процедуру контроля за учетом бланков и формы отчетности в целях экономии времени медика (4%).

С другой стороны, эксперты оценивают данные нововведения и как положительное явление: снижается бесконтрольное потребление ЛС, способных вызвать зависимость. «Список препаратов, которые раньше были в свободном доступе, они попали под выписку по данному рецептурному бланку и это несколько затруднило, в целом, назначение определенных препаратов, потому что, все-таки оформить рецепт посложнее, нежели написать рекомендации. Может быть, это и оправдано, потому что, как правило, касается сильнодействующих препаратов, препараты, которые имеют в молекуле какие-то сильнодействующие вещества»⁹, – считает главный невролог Красноярска.

Кроме того, данное изменение внесло больше удобств в работу аптек, у которых появился выбор среди сразу нескольких наименований медикаментов, подходящих под состав, выписанный в рецепте. Однако данный факт имеет знак «плюс» только в случае высокой грамотности фармацевтов, так как в случае его некомпетентности пациент рискует оказаться дезинформированным и ему придется обойти несколько аптек до отпуска ему необходимого препарата.

Таким образом, эксперты выделяют 3 уровня проблем отпуска препаратов по рецептурному бланку №148-1/у-88:

- 1) *проблемы административного звена*, осуществляющего снабжение ЛПУ рецептурными бланками №148-1/у-88 и их хранение: ЛПУ осуществляют снабжение рецептурными бланками за собственные денежные средства; ответственность за своевременное обеспечение и использование рецептов ложится на руководителя медицинской организации, поэтому особых сложностей в снабжении не возникает;
- 2) *проблемы врачей* при выписке рецептов №148-1/у-88 пациентам, где основная сложность – правильное оформление рецептурных бланков: а) указание лекарственного препарата по МНН, указание всех составляющих компонентов комбинированного препарата; б) длительное заполнение рецептурных бланков по времени на фоне постоянно сокращающегося времени на амбулаторный прием пациентов; в) большой поток пациентов, которых следует принимать в фиксированное время и успевать выписывать им рецепты (при наличии показаний); г) поддельные рецепты от пациентов, о которых информируют аптеки; д) строгий контроль, проверка амбулаторных карт, отчетность;
- 3) *проблемы аптек* при отпуске препаратов: а) необходимость отслеживать правильность заполнения рецептов, срок действия рецепта; б) сложности при получении лицензий на деятельность по отпуску психотропных веществ, список которых в последнее время расширился.

По мнению экспертов, *пациенты сталкиваются со следующими трудностями*: ограничение количества таблеток или ампул на один рецепт; необходимость показаний к применению выписываемого ЛС; усложнение процедуры отпуска препаратов (те, которые ранее были в свободной продаже, теперь требуют рецепта, что предполагает запись на прием к врачу, куда попасть в условиях российской действительности непросто и небыстро); небольшое количество аптек, отпускающих лекарственные средства по рецепту №148-1/у-88; выписанный препарат не всегда есть в аптеке; неправильно заполненный рецептурный бланк.

Опрос фармацевтов свидетельствует: 10% из всех обращений покупателей в аптеку – с недействительными, неправильно оформленными рецептами. Это означает, что фармацевты расценивают остальные 90% обращений с бланками №148-1/у-88 как вполне состоятельные, закрывая глаза на некоторые погрешности. Фактически же объем погрешностей в оформлении рецептов больше, но в представлении фармацевтов есть ряд незначительных нарушений или неточностей, при которых отпуск ЛС все же возможен.

При этом в 79% случаев аптекарь информирует покупателя о том, что рецепт оформлен с неточностями или ошибками, а в 10 из 14 случаев покупатель остается в неведении о том, что его рецептурный бланк заполнен не по правилам (как правило, это небольшие погрешности, например, не указан контактный телефон медицинского учреждения).

Наиболее значимая причина, по которой посетитель аптеки не может получить лекарственное средство по рецептурному бланку №148-1/у-88 – отсутствие ЛС в аптеке на момент обращения (68% от количества обращений с отрицательной выдачей). Вторая по значимости причина – неправильно оформленный рецептурный бланк (19% от количества обращений с отрицательной выдачей). Среди других причин, по которым покупатель не может получить медикаменты, аптекари отмечают следующие: 1) невозможность совершения заказа требуемого ЛС (6% от количества обращений с отрицательной выдачей); 2) наличие погрешностей в рецептурном бланке (5%); 3) другое: истек срок, не тот бланк, отсутствие бланка на льготное приобретение ЛС (3%); 4) покупатель не имел в наличии необходимой денежной суммы, чтобы заплатить за препарат (1%).

Врачи оценили удовлетворенность пациентов доступом к лекарствам по рецептурным бланкам №148-1/у-88 так: 1) сложностей при получении непосредственного самого рецепта у пациентов не возникает (54%): если пациент имеет показания к применению (а для этого ему необходимо пройти медицинское обследование, привести обоснования), то врач не вправе отказать пациенту в рецепте; 2) наиболее серьезная проблема – ограниченное количество аптек, занимающихся отпускаем лекарственных препаратов по рецепту №148-1/у-88 (53%); 3) важна проблема маленького срока действия рецепта (10 дней), так как не всегда пациент успевает найти нужное лекарство (36%).

Последний из пунктов важен для полного понимания механизма «работы» указанного рецепта: «В отличие от обычного рецептурного бланка, который остается у пациента и может использоваться для покупки необходимого лекарства в течение года, бланк 148-й формы изымается в аптеке и для отчетности должен храниться там три года; при этом срок его действия ограничен, а время заказа аптекой препарата в случае его отсутствия не учитывается»¹⁰.

Ограничений по количеству выписываемых рецептов пациентам и лимита по количеству бланков на одного специалиста сейчас не существует: нормирования или квотирования как такового в плане снабжения, распределения и выписки рецептурных бланков №148-1/у-88 не отмечается, поскольку данные рецептурные

бланки не проходят по централизованному распределению, а являются прерогативой исключительно медицинской организации.

Таким образом, обнаружен *разрыв между центральным государственно-административным звеном (Министерством здравоохранения) и другими звеньями в цепи снабжения, обеспечения и отпуска лекарственных средств по рецепту № 148-1/у-88*. Минздрав отвечает только за подготовку нормативно-правовой базы по назначению и выписыванию ЛС, порядку оформления рецептурных бланков и т. п., и практически не интересуется, как реализуются принятые нормативы в действительности: какие проблемы возникают у врачей при выписывании, сколько аптек отпускают сильнодействующие и психотропные вещества, и не информирован о проблемах, с которыми приходится сталкиваться пациенту при получении ЛС.

В целом можно сказать, что резонансное самоубийство В.М. Апанасенко стало катализатором к решению проблемы доступности наркосодержащих обезболивающих для тяжелобольных пациентов. Важным шагом к обеспечению такими препаратами тяжелобольных стало подписание 31 декабря 2014 г. Президентом РФ закона, вносящего изменения в ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». «Новый документ определил, что срок рецептов на наркотические лекарственные препараты увеличится с пяти до 15 дней, тяжелобольным не нужно будет сдавать использованные пластыри и ампулы, чтобы получить новый рецепт, врач сможет единолично назначать и выписывать рецепт, а у пациента появится право брать с собой пятидневный запас препаратов при выписке из стационара»¹¹. Закон вступил в силу 30 июня 2015 г.

Первый заместитель председателя Комитета ГД РФ по охране здоровья Н.Ф. Герасименко отметил, что «этот документ входит в пятерку наиболее социально значимых законопроектов»¹². В 2010 г. Международный комитет по контролю за наркотиками поставил Россию на 38-е место из 42 по доступности наркотического обезболивания в Европе и на 82-е месте – в мире¹³. Н. Федермессер полагает: «Появление такого закона – большой шаг вперед, но закон не является исчерпывающим; проблема с назначением и выдачей препаратов тяжелобольным слишком комплексная, в ее решении должны быть задействованы 12 ведомств, в их числе – Минюст, ФСКН, МВД, Минфин, Росздравнадзор и даже Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, которое «должно не только информировать население о вреде наркотиков, но и о том, что есть большая разница между легальными и нелегальными наркотиками»¹⁴.

- ¹ Контр-адмирал Апанасенко и Алевтина Хориняк – герои нашего времени // Сайт Фонда помощи хосписам «Вера». [Электронный ресурс] URL: <http://www.hospicefund.ru/kontr-admiral-apanasenko-i-alevtina-horinyak-geroi-nashego-vremeni/> (дата обращения: 20.06.2015).
- ² Резник И. Обезболивание соболезнованием // Сайт ЗАО «Газета.ру». [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazeta.ru/social/2014/02/13/5905629.shtml> (дата обращения: 20.06.2015).
- ³ Все факты самоубийств онкологических больных будут проверены // Сайт ЗАО «Интерфакс-Россия». [Электронный ресурс] URL: <http://www.interfax-russia.ru/Moscow/main.asp?id=586367> (дата обращения: 21.06.2015).
- ⁴ В мэрии Москвы отказались связать самоубийства онкобольных с болевым синдромом // Сайт ЗАО «Интерфакс-Россия». [Электронный ресурс] URL: <http://www.interfax.ru/moscow/426130> (дата обращения: 26.06.2015).
- ⁵ Вице-спикер Госдумы связал самоубийства онкобольных с психологическими проблемами // Сайт интернет-издания «Медновости». [Электронный ресурс] URL: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2015/03/02/673chemoterapy/> (дата обращения: 26.06.2015).
- ⁶ Заммэра Москвы связал самоубийства онкобольных с поражением мозга // Сайт новостного интернет-издания «MediaLeaks». [Электронный ресурс] URL: http://medialeaks.ru/news/2402ytng_pechatnikov (дата обращения: 26.06.2015).
- ⁷ Проблемы обезболивания в Москве: пути решения // Сайт Фонда помощи хосписам «Вера». [Электронный ресурс] URL: <http://www.hospicefund.ru/itogi-proverki-poliklinik-obsudili-na-brifinge-v-fonde-vera> (дата обращения: 29.06.2015).
- ⁸ Результаты исследования «Специфика практик выписки врачами, обращений населения и отпуска из аптек лекарственных средств по рецептурному бланку №148-1/у-88». Исползованные методики: глубинные интервью с экспертами, анкетирование врачей, синтез дневникового исследования и самозаполнения специального бланка регистрации обращений за лекарствами по рецепту №148-1/у-88 фармацевтами. Проведено исследовательской компанией «Бэт-терси Пауэр Маркетинг» в 2014 г. (Рукопись.)
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Резник И. Сильнодействующий тупик // Сайт ЗАО «Газета.ру». [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazeta.ru/social/2013/04/26/5282233.shtml> (дата обращения: 29.06.2015).
- ¹¹ Вяткина Ю. Первый шаг к «Закону контр-адмирала Апанасенко»: тяжелобольным станет легче получать обезболивающие наркотические препараты // Сайт Агентства социальной информации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.asi.org.ru/news/pervyj-shag-k-zakonu-kontr-admirala-apanasenko-tyazhelobolnym-stanet-legche-poluchat-obezbolivyushhie-narkoticheskie-preparaty/> (дата обращения: 29.06.2015).
- ¹² Там же.
- ¹³ Слободчикова О. Обезболивание тяжелобольных: ситуация меняется? // Сайт Русской службы «ВВС». [Электронный ресурс] URL: http://www.bbc.co.uk/russian/society/2015/01/150122_pain_management_laws_russia (дата обращения: 26.06.2015).
- ¹⁴ Вяткина Ю. Первый шаг к «Закону контр-адмирала Апанасенко»...

Abstracts

R. Anisimov

Landless villagers – a new phenomenon in the Russian village

The article deals with the consequences of liberal economic reforms in rural areas. On the basis of statistical data conclusions are made about a significant deterioration in agriculture compared with the Soviet period and also about breaking peasants of the habit to work on land (the loss of the traditional peasant way of life) and the appearance of a strata of landless villagers having a number of characteristics distinguishing them from those country dwellers, who possesses personal forms tends.

Key words: villager, liberal reforms, breaking peasants of the habit to work on land, way of life.

I. Babanov

The characteristics of sport as a socio-cultural complex

This article reviews the basic functions of sports as socio-cultural complex of modernity. The author analyses the distinguishing features that belong to modern sports from the point of view of economical, political, and moral sides. It touches on questions like the interactions of sports with the mass media, the influence of sports on the economic sector and its political-ideological parts. The author focuses on problems that arose in the XX century simultaneously with the expansion of sports in society.

Key words: modern sport, pernicious influence of sport, Olympic games, TV sports, sports socialization.

E. Belova

Pain syndrome as a social problem.
The practice of the prescription and sale of drastic

The article describes work practices of the doctors and pharmacists with the prescription form №148-1/y-88. The author analyzes key problems and difficulties which doctors, pharmacists and patients face at prescriptions and sales of the drugs by this prescription form.

Key words: healthcare, legislation, prescription form, the drastic.

M. Bulanova

Education in the life world of villagers

The process of deep transformations that took place in Russian society, also affected on villages. The article analyzes changes in the role and place of education in life world of villagers.

Key words: education, life world, village, villagers.

T. Evdokimova

Labor directives and the standard of living of rural youth

For the study of labor attitudes in the youth environment of a dedicated group of “young adults”. Attempts to understanding traditional difficulties associated primarily with the world of work. The data on employment, nature of work, unemployment. Special attention is paid to the livelihoods of rural youth, which is in a state of poverty. The outlined class of problems affect migration installation of young people, their desire to move to the city is constantly growing.

Key words: youth, work, work attitudes, living standards, wages, income, financial status, migration installation.

M. Galkina

Civil activity of the modern humanitarian intellectuals

In this article an analysis based on research data of the life world of the Russians in 2014, of the civil activity of the modern humanitarian intellectuals through the evaluation of its participation in social and

political life is made. It raises issues of political and social passivity of the representatives of humanitarian intellectuals.

Key words: humanitarian intellectuals, the role of intellectuals, social and political activity.

A. Gubanova

Electronic content for children.
Risks or new opportunities

The article discusses the existing online risks that may be encountered big children and teenagers, who use the Internet. The examples of Russian and European programs that stimulate creation of a positive and safe electronic content for the children are presented.

Key words: children, adolescents, Internet, online-risks, electronic content for children, safety.

E. Irsetskaya

Practices of interaction of pensioners
with an immediate surrounding

Today we can see the existing tendency of increasing number of people of the pension age. That's why such problem as practices of relationship of elderly with other age groups is of a great importance in modern society. With retirement the social world of the person is narrowed, the circle of contacts is limited generally to the close relatives. As a result of this process the changing practices of social interaction of people of a retirement age with their immediate surrounding became a subject of consideration of this article.

Key words: pensioners, gender relations, life world, practices of interaction.

O. Kitaitseva

The interest in the mastery of financial literacy
in life practices of Russians

The processes of formation of the Russian economic system and development of the financial market became more sophisticated. As a result, demographic and socio-political changes actualized

the value of competent individual financial decisions. Financial literacy becomes the important resource on the way to material welfare for each person. Now it is also one of the main skills in his life. However, according to the data of many researches, the share of financial competent people is rather small. This article analyzes the problem of mastering financial literacy by Russians and the process of involvement of Russians into use of new electronic financial services.

Key words: financial literacy, financial behavior, personal financial wellbeing.

E. Kolosova

Problems of the preservation and actualization
of the memory of the Great Patriotic War among modern
children and adolescents

The article presents the results of an interregional study of children and adolescents on the theme of the Great Patriotic War. The main sources of transmission of information about the Great Patriotic War for the young are the family and school. The emergence of new mechanisms to preserve the memory of the Great Patriotic War, along with the traditional, has a greater influence on the interest of children and adolescents in the topic, as well as the availability of information about the events of that distant war for the new generations.

Key words: historical memory, war, childhood, reading.

A. Kuchenkova

Social self-perception and subjective well-being.
A review of definitions and measurement models

The article examines various approaches to definition and measurement of close concepts: social self-perception and subjective well-being. It determines their correlation and considers the most common sets of empirical indicators to measure them. It states, that “broad” interpretation of self-perception makes it closer to the term public mood and includes appreciation of life, self-status, but also the situation in society. In the “narrow” sense social self-perception is closer to the wide-spread in English language literature term “subjective well-being”. In this situation it includes

over-all satisfaction with life as a whole and with its partial aspects. The peculiarity of measurement models of subjective well-being is a tendency to take into account the emotional perception of life.

Key words: public mood, social self-perception, subjective well-being, satisfaction with life.

V. Lapygin

Studying life strategies in the context
of social action theory

This article defines key features of the individual life strategies and the possibility of applying the theory of social action and the method of incomplete sentences for their analysis.

Key words: life strategy, social action, the method of incomplete sentences.

S. Maiorova-Scheglova

Joint purchases as a new economic practice
among parents' community

The article is about a new phenomenon of the informal economy – joint purchases (JP) as the practice of survival and lifestyle of modern families with children. An internalization of values and principles of the joint purchases like network communication, subcultural purchasing process as gamification are described in this article.

Key words: family, joint purchase, informal economic practices, gamification of purchases, unlawful practices, network organization.

A. Neofitova

The application of JSM-method for trust studies

The article considers the application of JSM-method to find determinants of trust in cross-national comparison. Search is performed on potential determinants of trust at the individual level and also the comparison of different groups of European countries on the basis of the fifth wave of European Social Survey (ESS).

Key words: JSM-method, trust, cross-national comparisons, determinants of trust.

N. Romanovsky

Modern sociological theories: classification problems

The article deals with the classification of modern sociological theories relating to general sociological theories. The dynamics of the evolution of these theories, their group, the correlation with classical theories in sociology. 14 groups of modern sociological theories are briefly described, and the probability of their evolution in the short term is shown. The data on the possible ways of development of the theoretical component are presented.

Key words: sociology, theory, modern sociological theory, evolution, scientists, universities.

I. Shevchenko

Transnational parenting. Research and problems

The article is devoted to the problems, connected with parents migration due to economic and/or socio-cultural reasons and transnational parenthood formation. We can talk about the family community violation, alienation, difficulties in relationships of both adults and children, about the deviations in the processes of socialization and the psychological development of the child.

Key words: parents, children, migration, transnational parenthood, fatherhood, socialization.

Zh. Toschenko

Sense as quality characteristics of the lifeworld

The article is devoted to the new concept of sociological theory – the sense, which is considered as a qualitative certainty of the lifeworld, consisting of the public consciousness, behavior and social environment. The genesis of ideas of the “meaning” of the concept the “sense”, its development philosophy that became the basis for its sociological construct is considered. Basic indicators, the meaning of life and their manifestations in modern Russian society are defined.

Key words: sociology of the life, the lifeworld, the meaning of life, social consciousness, behavior, social environment.

E. Velikaya

The model of “national research university”
(by an example of NRU “Higher school of economics”)

This article analyzes the model of “national research university” by an example of Higher school of Economics. It describes the efficiency indicators of the development strategy of the University in the status of the NRU. The interim results of the model's efficiency in HSE are determined.

Key words: national research university, education, university, development strategy, efficiency indicator.

I. Vorobyova

Political activity in the structure
of political consciousness of Russians

The article deals with the political activity of Russians connected with the following indicators: interest in politics, the presence of certain knowledge in this field, involvement in the political process and political activities, participation in civic initiatives, the fulfillment of civic duty.

Key words: political consciousness, political activity, political participation, interest in politics, protest moods, civic duty.

Сведения об авторах

Анисимов Роман Иванович – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, ranisimov@list.ru

Бабанов Иван Владимирович – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, BabanovIvan@yandex.ru

Белова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, macanga@rambler.ru

Буланова Марина Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета РГГУ, marina_bulanova@inbox.ru

Великая Елена Витальевна – аспирант кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, velik92@mail.ru

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, vorobyova.irina@list.ru

Галкина Мария Михайловна – аспирант кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, mgalkinam@yandex.ru

Губанова Александра Юрьевна – научный сотрудник отдела социологических исследований Российской государственной детской библиотеки, gubanova@rgdb.ru

Евдокимова Татьяна Геннадьевна – аспирант социологического факультета РГГУ, tati.pnz.vad@yandex.ru

Ирсетская Елена Александровна – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета РГГУ, e.irs@rggu.ru

Китайцева Ольга Вячеславовна – старший преподаватель кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, olga_kitaitseva@mail.ru

Колосова Елена Андреевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, the_shmiga@mail.ru

Кученкова Анна Владимировна – старший преподаватель кафедры прикладной социологии, ассистент кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, a.kuchenkova@rggu.ru

Лапыгин Владимир Дмитриевич – аспирант кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, vdlapygin@gmail.com

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, sheglova-s@yandex.ru

Неофитова Анна Александровна – аспирант кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, a.neofitova@yandex.ru

Романовский Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, romanival@mail.ru

Шевченко Ирина Олеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии организаций и социальных технологий социологического факультета РГГУ, sheviren@yandex.ru

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан и завкафедрой теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, главный редактор журнала «Социологические исследования», zhantosch@mtu-net.ru

General data about the authors

Anisimov Roman I. – Ph.D. in Sociology, associate professor of the Department of the Theory and History of Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, ranisimov@list.ru

Babanov Ivan V. – postgraduate student of the Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, BabanovIvan@yandex.ru

Belova Ekaterina V. – postgraduate student of the Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, macanga@rambler.ru

Bulanova Marina B. – Dr. in Sociology, professor of the Department of the Theory and History of Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, marina_bulanova@inbox.ru

Evdokimova Tatiana G. – postgraduate student of the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, tati.pnz.vad@yandex.ru

Galkina Maria M. – postgraduate student of the Department of the Theory and History of Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, mgalkinam@yandex.ru

Gubanova Alexandra Yu. – researcher of the Department of Sociological Research, Russian State Children's Library, gubanova@rgdb.ru

Irsetskaya Elena A. – Ph.D. in Sociology, associate professor, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, e.irs@rggu.ru

Kitaitseva Olga V. – senior lecturer, the Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities olga_kitaitseva@mail.ru

Kolosova Elena A. – Ph.D. in Sociology, associate professor of the Department of the Theory and History of Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, the_shmiga@mail.ru

Kuchenkova Anna V. – PhD in Sociology, senior lecturer of the Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, a.kuchenkova@rggu.ru

Lapygin Vladimir D. – postgraduate student of the Department of the Theory and History of Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, vdlapygin@gmail.com

Maiorova-Scheglova Svetlana N. – Dr. in Sociology, professor of the Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, sheglova-s@yandex.ru

Neofitova Anna A. – postgraduate student of the Department of the Theory and History of Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, a.neofitova@yandex.ru

Romanovskiy Nikolay V. – Dr. in History, professor of the Department of the Theory and History of Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, romanival@mail.ru

Shevchenko Irina O. – Ph.D. in History, associate professor of the Department of the Sociology of organizations and Social technologies, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, sheviren@yandex.ru

Toschenko Zhan T. – corresponding member RAS, Dean of the Faculty of Sociology and Head of the Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the journal “Sociological Research”, zhantosch@mail.ru

Velikaya Elena V. – postgraduate student of the Department of the Theory and History of Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, velik92@mail.ru

Vorobyova Irina V. – Ph.D. in Sociology, associate professor of the Department of Theory and History of Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, vorobyova.irina@list.ru

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 30.06.2016.

Формат 60 × 90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,0.

Тираж 1050 экз. Заказ № 70

Издательский центр

Российского государственного
гуманитарного университета

125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71126
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!